Записки о Бухарском ханстве

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Центральная Азия в источниках и материалах XIX–начала XX века

Записки о Бухарском ханстве

(Отчеты П. И. Демезона и И. В. Виткевича)

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1983

91(И5)
З-32

Редакционная коллегия

С. Л. Тихвинский (председатель), М. Л. Вайс, О. К. Дрейер, Н. А. Кузнецова (ответственный секретарь), В. И. Мазаев, В. А. Ромодин, А. В. Станишевский, Н. А. Халфин (заместитель председателя), П. М. Шаститко

Ответственный редактор Н. А. Халфин

Вступительная статья и комментарии
В. Г. Воловникова и Н. А. Халфина

Записки П. И. Демезона перевели с французского
В. Г. Воловников и З. А. Цомартова

З-32 **Записки о Бухарском ханстве** (Отчеты П. И. Демезона и И. В. Виткевича). М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1983.

149 с. с ил. (Центральная Азия в источниках и материалах XIX — начала XX века).

В книге впервые публикуются архивные документы — записки о поездках в Бухару в 1830-х годах П. И. Демезона и И. В. Виткевича. Эти записки являются одними из немногих подробных описаний ханства, содержат интересные сведения по его истории, политике и экономике, быте и нравах населения.

З $\frac{0505020000\text{-}085}{013(02)\text{-}83}$ 140-83 91(И5)

© Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1983.

Предисловие

Архив... Здесь на бесконечных рядах полок уложенное в миллионы папок, больших и малых, толстых и тонких, хранится прошедшее время. Архивные документы — отдельные часы и годы истории, жизнь народов и цивилизаций, человеческие жизни. В этих папках есть то, что мы помним и знаем, и есть то, что не помнит никто, ни один человек на свете. Во власти историка возвратить память. Стоит лишь открыть первую страницу и мы окунемся в прошедшее время.

Вот только одна папка... На ней написана дата — 1833 год и указано место — Оренбург.

Оренбург — всего лишь далекий город огромной Российской империи. 1833 год — всего лишь один год девятнадцатого столетия.

Здесь и в этом году внезапно умирает военный губернатор Павел Петрович фон Сухтелен [1], на его место из Петербурга прибывает один из любимцев императорской четы, 38-летний свиты генерал-майор Василий Алексеевич Перовский [2]. Здесь и в этом году с чином коллежского асессора чиновником особых поручений при оренбургском военном губернаторе начинает служить Владимир Иванович Даль [3]. Здесь и в этом году в Неплюевском военном училище [4] старшим учителем арабского, персидского и татарского языков служит титулярный советник итальянец Петр Иванович (Петер) Демезон. Здесь и в этом году получает чин портупей-прапорщика, рядовым сосланный сюда еще в 1823 г., поляк Иван Викторович (Ян) Виткевич. Сюда и в этом году приезжает, работая над своей «Историей Пугачева», Александр Сергеевич Пушкин [5]...

Читаем далее, что написано на нашей папке: «Дело об отправлении переводчика Оренбургской пограничной комиссии П. И. Демезона в Бухару» ([3]; см. также [6]). Кто же такой П. И. Демезон и что это была за поездка в Бухару? Начинаем листать документы.

Письмо оренбургского военного губернатора В. А. Перовского директору Азиатского департамента Министерства иностранных дел К. К. Родофиникину [6] от 26 сентября 1833 г. «...Состояние заграничной торговли здешнего края и сношения с соседними народами заставляют желать, чтобы можно было получать верные и основательные сведения обо всем происходившем в областях Средней Азии и о положении тамошних дел». Далее военный губернатор высказывает беспокойство по поводу появления в Средней Азии большого количества английских товаров, привозимых из Индии и Афганистана, а также тем, что в самой Бухаре еще совсем недавно находились два англичанина (имелась в виду экспедиция Уильяма Муркрофта и Джорджа Требека, о которой речь пойдет ниже). Поэтому «было бы удобно посылать посланника не от правительства, а от местного начальства, при этом избегается гласность и сократятся большие издержки», информация же, получаемая от «азиятцев», «всегда неудовлетворительна» [3, л. 1—2]. Безусловно, беспокойство губернатора — проявление общей политики российского правительства, которое всегда зорко наблюдает за своими восточными соседями, ревниво следит, будучи заинтересовано в выгодной для себя торговле, за всяким проявлением интереса к ним со стороны других держав и прежде всего Англии.

Само назначение В. А. Перовского, человека талантливого, энергичного и нестарого (никогда прежде и потом в Оренбурге не было столь молодого губернатора), на один из самых ответственных в то время постов — губернатора Оренбургского края, обширного и пограничного, свидетельствует об особом внимании правительства Российской империи к своим южным соседям. Ибо там, в Оренбурге, начинались не только дороги на Восток, но зачастую и определенные политические ходы. Появление в этом городе весьма влиятельного, близкого к Николаю I сановника в значительной мере было связано и с тем, что обстановка в соседних краях в начале 30-х годов существенно обострилась.

Еще в XVIII в. бóльшая часть казахских родов приняла подданство России. Однако правители Хивинского ханства, используя всевозможные ухищрения и обстоятельства, в том числе кочевой образ жизни казахов, претендовали на господство над ними. Кроме того, ханы Хивы стремились контролировать торговые пути, соединявшие Индию, Иран, Афганистан, Среднюю Азию с русскими землями, облагать караваны пошлинами, а то и попросту грабить их. Вызванная этим русско-хивинская конфронтация вынуждала царские власти внимательно следить за действиями ханства.

Необходимо также учитывать, что и в Хивинском, и в Бухарском ханствах имелись российские подданные (особенно много их было в Хиве), захваченные в плен при набегах на торговые обозы или пограничные селения и обращенные в рабов. Попытки теми либо иными способами выручить их составляли важную заботу, прежде всего оренбургской администрации.

Но основные ее усилия были связаны с торговыми проблемами. Дело заключалось в том, что, хотя торговля со странами Востока, шедшая через Оренбург, составляла сравнительно небольшой процент в общем товарообороте Российской империи, она имела существенную особенность, заставлявшую правящие круги и предпринимателей весьма дорожить ею. К концу первой — началу второй трети XIX в. стало достаточно отчетливо проявляться отставание России в промышленном отношении по сравнению с передовыми странами Европы (прежде всего — с Англией). Сбыт российских фабрично-заводских изделий на Запад сокращался, все более уступая место сырью. В то же время восточные земли являлись активными потребителями промышленных товаров России. Данное обстоятельство порождало настороженность царских властей, промышленников и купечества по поводу настойчивых попыток британских (и иных) предпринимателей утвердиться на рынках Средней Азии, как они это сделали в Индии и делали в Афганистане, Иране, Восточном Туркестане (подробнее см. [27, с. 10—46]).

Оренбург (а через него, понятно, Петербург) должен был пристально наблюдать за развитием событий в соседней Средней Азии. Но в этом плане в конце 20-х — начале 30-х годов Россию существенно опередила ее соперница — Великобритания. В частности, в России стало известно об экспедиции на правобережье Амударьи, на берега Зеравшана лейтенанта Ост-Индской компании Александра Бернса [7]. У России же новейших сведений не имелось.

В первую очередь политические круги Российской империи интересовало Бухарское ханство — крупнейшее и наиболее населенное государство в Средней Азии, занимавшее к тому же центральное место и в географическом положении. Через это ханство пролегали торговые пути в Персию, Афганистан, Индию и другие страны. Бухарские купцы были очень активны на российских рынках, и экономические связи с Бухарой играли важную роль в торговле России с азиатскими государствами.

Вполне естественным, поэтому, явилось намерение В. А. Перовского послать в Бухару для получения необходимых сведений «не от правительства» агента — портупей-прапорщика оренбургской пограничной линии И. В. Виткевича, «умного, сведущего, знающего несколько восточных языков», как его рекомендовал в своем письме в Петербург В. А. Перовский.

Письмо генерал-губернатора рассматривалось соответствующими инстанциями в столице, вплоть до царя. Военный министр граф А. И. Чернышев [8] сообщил К. К. Родофиникину, что император в целом одобряет выдвигаемую В. А. Перовским идею, но касаясь кандидатуры посланника, «находит неудоб-

П. И. Демезон

ным вверять столь важные поручения подобному лицу, не имеющему офицерского чина», что необходимо «найти другого, опытнейшего и благонадежнейшего чиновника» [3, л. 3—3об]. Об этом А. И. Чернышев писал и в Оренбург В. А. Перовскому [3, л. 3—3об]. Вынося свое решение, Николай не мог, конечно, не учитывать того, что И. В. Виткевич в 1823 г. за участие в тайном кружке Крожской гимназии близ Вильно был сослан рядовым в Оренбург [27, с. 237]. Только в 1830 г. он получил унтер-офицерский чин, а портупей-прапорщиком стал лишь в апреле 1833 г. по ходатайству В. А. Перовского [6, л. 24].

Тем временем все необходимые для отправки Виткевича приготовления были сделаны — составлена на его имя секретная инструкция — «Записка о предметах, долженствующих обратить на себя внимание господина Виткевича при его проезде в Бухарию» [3, л. 6—10]*, приготовлены деньги, собраны подарки для бухарского визиря, назначены день и час отъезда. И вдруг, в самый последний момент, из Петербурга приходит «высочайший» отвод И. В. Виткевича. Но военный губернатор не собирается откладывать до будущей весны осуществление своих планов. В. А. Перовский уже нашел другого человека, который в случае необходимости мог заменить И. В. Виткевича. Им был Петр Иванович Демезон.

* В тексте документов под понятием «Бухария» подразумевается Бухарское ханство, тогда как сам город, столица ханства, обозначается — Бухара.

Демезон родился в 1807 г. в г. Шамбери, в Сардинском королевстве, в семье врача [16, с. 23—26]. К сожалению, нам не известны документы, которые могли бы осветить обстоятельства его приезда в Россию. Главным источником для краткой биографии Петра Ивановича является его «формулярный список» [2, л. 9—17]. Из сжатых записей мы узнаем, что для получения высшего образования П. И. Демезон был зачислен по распоряжению министра народного просвещения казеннокоштным студентом Казанского университета[9] «с оставлением в России, Петербурге, для обучения восточным языкам у ориенталиста Г. М. Влангали»[10]. «Слушал лекции прочих наук в Санкт-Петербургском университете. С 1 апреля 1829 г. служил в Казанском университете и был утвержден 6 августа 1830 г. в степени кандидата по восточной словесности. В сем звании состоял при университете по 26 февраля 1831 г., то есть по день предписания об отправлении его на службу в Оренбург, куда с разрешения господина Министра народного просвещения определен с обязательством прослужить в ведомстве оренбургского военного губернатора шестилетний срок, назначенный для казенных воспитанников».

Приехав в Оренбург, П. И. Демезон с 1 апреля был направлен местным начальством в Неплюевское военное училище старшим учителем арабского и персидского языков *. И помимо того, с 4 сентября 1831 г. «причислен в Оренбургскую пограничную комиссию переводчиком». Работа переводчиком, как собственно и преподавателем, безусловно позволяла Петру Ивановичу постоянно совершенствовать свои знания восточных языков, восточных обычаев и восточного этикета и помогала ему все время находиться в курсе происходивших на Востоке событий и хорошо в них разбираться.

Этому молодому человеку военный губернатор и решил доверить выполнение задуманной важной дипломатической миссии. Сообщая о своем новом выборе в Петербург, В. А. Перовский рекомендовал П. И. Демезона как «чиновника известного своим усердием, образованностью... имеющего все нужные для сего довольно трудного поручения качества» [3, л. 14].

Отправляющемуся в далекое и опасное путешествие посланнику была дана секретная инструкция, состоявшая из 25 пунктов,— программа его пребывания в Бухаре. При внимательном изучении этого документа можно понять, что миссия П. И. Демезона являлась органическим звеном в целой цепи дипломатических шагов российского правительства в Средней Азии в XIX в. В. А. Перовский продолжал дело своих предшественников, а в последующем оно было продолжено его преемниками. Так, например, задачи, ставившиеся перед П. И. Демезоном в данной ему инструктивной записке, на наш взгляд, очень схожи с задачами, которые составной частью входили в более обширную программу посольства А. Ф. Негри[11] в Бухару в 1820—1821 гг. (см. [27, с. 155—175; 25, с. 5—17]), и с задачами, ставившимися два года спустя после отправления П. И. Демезона, осенью 1835 г., перед другим оренбургским посланцем И. В. Виткевичем (В. А. Перовский сумел-таки отправить его в Бухару).

П. И. Демезону необходимо было обратить внимание на самые разнообразные предметы — от цен на товары до возможности покупки бумаг двух «убитых бухарцами» англичан, однако первостепенное и основное внимание уделялось вопросам русско-бухарской торговли (в инструктивной записке им отводится очень большое место).

Дорога в Бухару предстояла долгая, да и в самом загадочном ханстве неизвестно что могло подстерегать европейца. Вернее, в какой-то мере известно — всего за несколько лет до поездки Петра Ивановича в Бухарском ханстве находились двое англичан, чиновники Ост-Индской компании, приехавшие туда по заданию английского правительства, Уильям Муркрофт и Джордж Требек (см. [14; 27, с. 204—207]). Их нельзя было назвать новичками на Востоке, они хорошо его знали и действовали с большим знанием дела. Но бухарцам они

---

* Можно примерно установить размер жалованья П. И. Демезона в Неплюевском военном училище: замещавшему его во время поездки в Бухару мулле А. Давлетшину было назначено жалованье 700 руб. в год [7, л. 183].

показались все-таки подозрительными, и поэтому англичан отравили. Так считали в России *.

Чтобы представить, что должен был чувствовать человек, отправляющийся из России в Бухарский эмират, необходимо мысленно перенестись в те далекие времена, проникнуться сознанием путешественника первой трети девятнадцатого столетия. Бухара... Малоизведанная и потому непонятная. Европейцам думалось, что само время здесь словно бы навсегда остановилось тысячу лет назад. И с тех пор ничего не изменилось: жизнь здесь подчинялась тем же древним законам и обычаям. Восток казался словно космосом отгороженным от остального мира. Вот как сформулировал свое основное впечатление от посещения Бухары известный путешественник XIX в. Е. К. Мейендорф: «Мне представлялось, что я перенесен в другой мир» [13, с. 154]. Поездку на Восток в начале второй трети прошлого столетия можно сравнить с полетом на малоизученную планету в наши дни.

Картина смерти Муркрофта и Требека «живо рисовалась» в воображении человека, отправляющегося в восточное ханство и, естественно, по словам Демезона, он «далек был от того, чтобы строить иллюзии относительно своего положения». Было решено, что для безопасности П. И. Демезон отправится в путь, переодевшись татарским муллой, под именем Мирзы Джафара. Во все время своего путешествия Петр Иванович — Мирза Джафар оставался неузнанным. Правда, по словам И. В. Виткевича, побывавшего в Бухаре два года спустя и встречавшегося с кушбеги [12], тот его «уверял, что они (бухарцы.— *Авт.*) с самого начала разгадали его и сами над ним шутили». Однако визирь, которому было досадно, что его провели, скорее всего говорил неправду и *пытался таким образом поддержать свое достоинство. Иначе вряд ли бы* удалось П. И. Демезону, не «правоверному», посещать спокойно мечети и медресе и при том еще оставаться в живых.

Сам Петр Иванович был убежден, что бухарцы не узнали, кто он на самом деле, хотя постоянно за ним следили, буквально за каждым его шагом, и малейшая оплошность с его стороны могла в любой момент стоить жизни. Очень ему помогли два с лишним года работы в училище и в пограничной комиссии — знание языков и обычаев, встречи с восточными людьми, поездки в степь. А в Бухаре оказаться мусульманином-муллой вообще было выгодно, как пишет он сам: «Я не узнал бы многого, если бы меня не считали мусульманином». *И совершенно справедливо замечал востоковед П. С. Савельев, что до* П. И. Демезона и до его хитрости «ни один путешественник в Среднюю Азию не находился в таких благоприятных обстоятельствах для собрания самых точных сведений о крае» [19, с. 26]. Мирза Джафар рисковал, но и выигрывал — бывал в запретных для немусульманина местах, участвовал в диспутах в медресе, познакомился и встречался с известными людьми города и т. д.

П. И. Демезону было вручено письмо оренбургского военного губернатора, адресованное ханскому кушбеги. Благодаря ему посланник России имел возможность встретиться и познакомиться с этим первым бухарским министром. В письме же В. А. Перовский твердо заявлял, что, «желая устранить все препоны *для торговли и свободных дружественных сношений между Россиею и* Бухариею», он «готов принять на сей конец решительные меры». Но меры эти должны быть «согласованы с мыслями» кушбеги, и поэтому Перовский вежливо спрашивал, «какие именно распоряжения с нашей стороны», по мнению кушбеги, будут наиболее «полезны» [3, л. 11—11об].

Для передачи кушбеги П. И. Демезону были вручены также подарки от военного губернатора.

10 ноября 1833 г. из Орска вышел последний осенний караван. Вместе с восточными купцами в Бухару ехал и татарский мулла Мирза Джафар. Хо-

---

* *В английском издании записок У. Муркрофта и Д. Требека сообщается,* что они умерли от лихорадки, причем в разных местах — У. Муркрофт — в Андхое, Д. Требек — в Мазари-Шарифе [13, с. XLVII—XLVIII]. Однако в России факт убийства не вызывал сомнений. Не случайно он нашел отражение в инструкции П. И. Демезону (см. Прил.).

зяином каравана был бухарец Нияз Мухаммед, а его вожатым — опытный казах Альмат *.

До Троицка путешественников провожал военный конвой под начальством коменданта Орской крепости подполковника Исаева, а дальше они продвигались уже самостоятельно. О том, как протекал их путь, П. И. Демезон сам очень подробно рассказывает в своем отчете; сохранились также свидетельства купцов, шедших с караваном [6, л. 35—37].

Полтора месяца шли они бесконечными казахстанскими степями, претерпевая холод, снег, болезни (некоторые умерли) и постоянный страх быть ограбленными или убитыми. 29 декабря караван вступил в Бухару.

В пути П. И. Демезон не теряет времени даром и приступает к выполнению порученных ему в инструкции задач — описывает земли, по которым едет, указывает точные места нахождения колодцев, леса или кустарника, необходимых для топлива, способы преодоления рек, сами реки, собирает сведения о народах, населяющих степи.

Прожив в Бухаре четыре месяца, Петр Иванович успел многое сделать. Не раз встречался и беседовал он с бухарским кушбеги, близко познакомился с шейх-уль-исламом [13], с другими ханскими сановниками. Он хорошо успел изучить бухарскую торговлю, военные силы эмирата, город, его быт, нравы его жителей. Уже в апреле 1834 г. в Оренбурге было получено от Демезона письмо, в котором сообщались те первые сведения, какие ему удалось собрать. И на основе этих «новейших» известий В. А. Перовский в мае и позже, в июле, информировал Петербург о состоянии дел в Бухарском ханстве [6, л. 40—41, 62; 3, л. 15—16, 24—26об]. Два других, более полных отчета, были составлены П. И. Демезоном по его возвращении, 26 июня 1834 г., в Оренбург. Первый из них датируется июлем, а второй — октябрем того же года (см. [3, л. 28—43, 44—98об]). Оба отчета приводятся в настоящем издании.

Это деловые документы, официальные отчеты о выполнении агентом поставленных перед ним конкретных задач. Но как же интересно и увлекательно они написаны!.. Это одновременно и «путешествия» и «мемуары». Очень точно замечено было литераторами и историками, что полтора века назад царствование было николаевское, но эпоха была пушкинская. Удивительная это была все-таки эпоха, если иногда и казенные бумаги сочинялись подобным образом.

Записки (назовем их так) П. И. Демезона охватывают самые различные стороны жизни Бухарского ханства. Каких только сведений не сообщает автор. Здесь и вопросы первостепенной важности — состояние торговли, цены, англичане, армия, у которой всего четыре старые пушки, и вместе с тем — быт, обычаи, улицы, дома, школы, медресе, мечети, бани, в которых почему-то неприятная вонючая вода, и, например, такие сведения, что глава духовенства втихомолку курит, хотя это запрещается под страхом бесчестия... Мы видим Бухару, видим живых людей!

Вообще, все описано самым подробным и тщательным образом, приведены самые точные цифры и интересные факты. Какая находка эти записки для историка!

И если мы признательны П. И. Демезону — автору замечательного и интереснейшего исторического источника **, то оренбургское начальство было благодарно ему как чиновнику, доставившему важные и ценные сведения. В. А. Перовский особенно отметил то место в отчете П. И. Демезона, где со-

---

* Проводник Альмат, благополучно приведший караван в Бухару и таким образом содействовавший планам русского правительства, был в октябре 1834 г. награжден. В. А. Перовский в письме к председателю Оренбургской пограничной комиссии Г. Ф. Генсу сообщал, что «препровождает серебряную медаль на анненской ленте и саблю» для Альмата [6, л. 107].

** Уже на следующий год после возвращения П. И. Демезона П. С. Савельев обратил внимание на его путешествие и, оценивая в научном плане, писал, что оно «конечно прольет много свету на современное состояние Мавераннагра» [19, с. 26]. Поездке П. И. Демезона посвятил свою статью и советский ученый Г. Н. Чабров (см. [30, с. 109—115]).

общается о желании бухарского кушбеги, чтобы Россия построила две крепости на обоих берегах Сырдарьи в целях обеспечения безопасности торговых караванов. Об этом он сразу же сообщил в Петербург [3, л. 101].

Военный губернатор был очень доволен. В июле 1834 г. он писал К. К. Родофиникину, что миссию свою П. И. Демезон «исполнил с отличным благоразумием и желательным успехом», и просил о награждении Петра Ивановича орденом и деньгами [6, л. 94—94об]. Директор Азиатского департамента отвечал в ноябре 1834 г., что он не против награды, но вряд ли можно наградить орденом: «Мал чин, нет еще и пряжки»[14] и «нельзя почти и думать представлять его к сему ордену в противность существующих правил», «наверное от государя последует отказ». В крайнем случае, писал Родофиникин, можно было бы повысить П. И. Демезона в чине и дать деньги [6, л. 116—117]. В. А. Перовский просит в следующем письме все-таки похлопотать перед государем и тогда «кажется можно надеяться, что необыкновенная заслуга сего чиновника не будет подведена под обыкновенные правила, для наград установленные» [6, л. 118—119]. Уступив настояниям В. А. Перовского, Родофиникин рискнул обратиться к Николаю с просьбой о награждении по представлению оренбургского губернатора за «необыкновенную заслугу» чиновника П. И. Демезона [3, л. 108—108об]. И император... разрешил, «в противность существующих правил». Петр Иванович получил орден Анны 3-й степени и три тысячи рублей серебром и ассигнациями. Это свидетельствовало о том, что Петербург высоко оценил сведения, привезенные П. И. Демезоном, и придавал им очень большое значение.

Расскажем коротко о дальнейшей судьбе Петра Ивановича. Отслужив в Оренбурге положенные ему, как бывшему казеннокоштному студенту, шесть лет, весной 1836 г. он приезжает в Петербург. С 18 апреля того же года он назначен профессором в учебном отделении восточных языков при Азиатском департаменте министерства иностранных дел[15] «для преподавания воспитанникам оного турецкого и персидского языков» [2, л. 12]*. Научная работа П. И. Демезона тесно переплетается с дипломатической деятельностью. Так, около года (1840—1841) он провел в Тегеране в составе русской миссии и получил от шаха орден Льва и Солнца 2-й степени [16, с. 25]. В декабре 1841 г. он назначается на высокую дипломатическую должность «второго драгомана[16] при Азиатском департаменте» [2, л. 15]. В начале 1843 г., по смерти заведующего учебным отделением восточных языков Ф. И. Аделунга, занял его место [2, л. 15; 16, с. 25]**. Тогда же, в 1843 г. Петр Иванович принимает русское подданство. В 1846 г. признанный «знаток мусульманского Востока и большой авторитет по вопросам востоковедения», по словам Н. И. Веселовского, он стал одним из учредителей Русского археологического общества [16, с. 26]. В 1848 г. П. И. Демезон получил чин действительного статского советника (по Табели о рангах — IV класс, генеральский чин), а в 1850 г.— дипломатическую должность драгомана пятого класса при Азиатском департаменте [2, л. 29]. С 1857 г. П. И. Демезон жил в Париже, где приступил к критическому изданию текста и выполненного им французского перевода памятника восточной литературы XVII в.— сочинения хивинского хана Абу-л-Гази «Китаби-шеджереи-тюркн» («Родословное древо тюрков»). Издание это было основано на рукописи, приобретенной В. И. Далем во время его службы в Оренбурге и переданной им в дар Азиатскому музею Академии наук [18, с. 69]. Работал П. И. Демезон над изучением и других памятников [18, с. 68—69, 241; 16, с. 25]. Но завершить свой крупный труд ученый и дипломат не успел (его оканчивал П. И. Лерх).

Петр Иванович Демезон умер в Париже в 1873 г.

---

* П. И. Демезон занял эту должность после ухода в отставку Ф. В. Шармуа, жалованье которого составляло 4 тыс. рублей ассигнациями в год [14, с. 25].

** Заведующим учебным отделением П. И. Демезон был до своей отставки в 1872 г.

* * *

С важными в научном отношении материалами П. И. Демезона теснейшим образом перекликается еще один документ о Бухарском ханстве 30-х годов прошлого века. Это «Записка, составленная по рассказам Оренбургского линейного батальона № 10 прапорщика Виткевича относительно пути его в Бухару и обратно». Также публикуемая в настоящем издании, она сохранилась в нескольких рукописных экземплярах — в Архиве Академии наук СССР [1, л. 1—59]; Центральном государственном военно-историческом архиве СССР [11, л. 4—55] и, возможно, в фондах Центрального государственного архива литературы и искусства СССР (см. [10]).

О человеке яркой, но трагической судьбы — И. В. Виткевиче сохранилось очень мало материалов. Поэтому есть смысл привести письмо оренбургского военного губернатора В. А. Перовского от 14 июня 1836 г. в министерство иностранных дел директору Азиатского департамента К. К. Родофиникину. В нем дается характеристика этого вскоре безвременно погибшего путешественника и дипломата. «Сегодня или завтра выезжают (из Оренбурга в Петербург.— *Авт.*) Виткевич и афганский посланец... Не знаю, успею ли переписать и прислать Вам записку Виткевича о поездке его в Бухару; мне бы хотелось, чтобы вы получили ее если не прежде его прибытия в Петербург, то по крайней мере в одно время. Быть может она покажется Вам несколько пространна, но это оттого, что я приказал ему писать совершенно все, что он видел, слышал и узнал; Вы найдете в ней весьма много интересных сведений. Зная вашу справедливость и как Вы любите награждать и поощрять достойных, я счел совершенно излишним делать о Виткевиче формальное представление; Вы его увидите и оцените сами, прочтете его записку и решите, достоин ли он Вашего начальничьего покровительства; от природы скромного характера, он сделался еще более застенчив от несчастных обстоятельств, которые, думаю, Вам отчасти известны; еще в детстве сделал он шалость, которую назвали политическим преступлением, и был пятнадцати лет наказан он как преступник; сосланный в дальний гарнизон на оренбургской линии, Виткевич более десяти лет прослужил солдатом, и, имея начальниками пьяных и развратных офицеров, он сумел не только сохранить чистоту и благородство души, но сам развил и образовал умственные свои способности; изучился восточным языкам и так ознакомился со степью, что можно решительно сказать, что с тех пор как существует Оренбургский край, здесь не было еще человека, которому бы так хорошо была известна вся подноготная ордынцев*; он уважаем вообще всеми киргизами как по правилам своим, так и по твердости, которую имел случай неоднократно оказывать при поездках в степь; одним словом, Виткевич (часть текста написана неразборчиво; возможно — „при ведении".— *Авт.*) пограничных сношений может оказать самые важные услуги». Далее В. А. Перовский сообщает, что хочет видеть И. В. Виткевича своим адъютантом и уже в прошлом, 1835 г., ходатайствовал об этом перед Петербургом, но получил отказ. Сейчас же он снова пытается просить за И. В. Виткевича [4, л. 26—27].

Откликаясь на это послание, К. К. Родофиникин, в частности, писал В. А. Перовскому 13 июля 1836 г.: «Приношу Вашему превосходительству душевную благодарность за сообщение записки Виткевича; я читал ее с величайшим вниманием и любопытством». Директор Азиатского департамента ознакомил с ней начальника канцелярии военного министерства В. Ф. Адлерберга, однако «представить» Николаю не решился из-за ее «пространности», как он уведомил о том оренбургского военного губернатора [4, л. 39].

В самом начале «Записки» отмечается, что ее автор зимой 1835/36 г. отправился в «степь», в аулы казахов чумекеевского рода, кочевавших близ Сырдарьи. Об этом гласит и полученная И. В. Виткевичем инструкция от 29 октяб-

* В дореволюционных документах и литературе казахов именовали «ордынцами», «кайсаками», «киргизами», а собственно киргизов — «кара-киргизами» или «дикокаменными киргизами». В публикуемых «отчетах» П. И. Демезона и И. В. Виткевича сохранена терминология первоисточника, но мы просим учесть отмеченное обстоятельство.

И. В. Виткевич

ря 1835 г. Ему поручалось способствовать «поддержанию спокойствия» среди казахских племен и развитию мирных отношений как между ними, так и у них с соседями. Кроме того, И. В. Виткевичу надлежало противодействовать попыткам правителей Бухарского и Хивинского ханств установить свое господство или распространять влияние над принявшими российское подданство казахами, а также — отторгать их земли [9, л. 13—18; 20, с. 46—47].

Но как и зачем он оказался в другом государстве? Каких-либо правительственных распоряжений на этот счет обнаружить не удалось. Думается, их и не было. Сам Виткевич глухо ссылается на возникшие «обстоятельства», не раскрывая детально их сути. Да и сказанное звучит не очень убедительно, не исключено, что энергичный прапорщик двинулся в Бухару по собственной инициативе, либо имея соответствующую договоренность с В. А. Перовским, глубоко уязвленным тем, что в прошлом попытка отправить в ханство рекомендованного им человека была отклонена по пустячным мотивам.

Как бы то ни было, в результате формально самовольного поступка прапорщик провел почти полтора месяца (со 2 января по 13 февраля 1836 г.) в центре крупнейшего среднеазиатского владения. И этому поступку мы обязаны *наличием красочного повествования о различных сторонах жизни* Бухары, ее торговых связях, особенностях экономики, административного устройства, быта и нравов, а главное (что вне сомнения, в первую очередь привлекало внимание царских властей) — о некоторых политических «устремлениях».

И. В. Виткевич уделяет особое место попыткам правящих кругов Британской империи проложить дорогу в Бухарское ханство своим изделиям, считая эти попытки малообоснованными с точки зрения целесообразности товарообмена, отмечает наличие в ханстве английского соглядатая, приходит к выводу о большой перспективности русско-бухарских торговых отношений, обусловленных географическим положением и структурой торговли.

Любопытная деталь: в столице «закрытой» мусульманской страны казачий офицер разъезжал в мундире, в отличие от П. И. Демезона не делая тайны из своего происхождения и «отказавшись сидеть взаперти». Указывая на эти детали, М. А. Терентьев объясняет ими то обстоятельство, что «сведения, им доставленные, были довольно обстоятельны» [23, с. 109].

Во всяком случае, В. А. Перовский весьма высоко оценил результаты поездки своего подчиненного. Отправляя его «Записку» в Азиатский департамент, оренбургский военный губернатор охарактеризовал И. В. Виткевича как «человека дельного, толкового, знающего дело свое, человека практического, который более способен действовать, чем писать и говорить, человека, знающего степь и отношения ее лучше, чем кто-либо знал и знает ныне» [5, л. 9] *.

Вероятно, исходя из специфических черт характера прапорщика, «более способного действовать, чем писать и говорить», Перовский поручил своему чиновнику для особых поручений В. И. Далю изложить на бумаге «рассказы» Виткевича о его путешествии. Быть может, Иван Викторович, изучивший ряд языков народов Востока, не в совершенстве владел русским (с губернатором он мог изъясняться и по-французски). Так или иначе, но на тексте «Записки» имеется помета академика Гельмерсена, что она «составлена В. И. Далем по рассказам Виткевича» [1, л. 1], и по существу вводимый в научный обиход материал безусловно может считаться их совместным творчеством. Разумеется, он от этого ни в малейшей степени не проигрывает.

Описание поездки Виткевича является первоклассным документом, ярко и выразительно рисующим перед читателем бухарскую действительность полуторавековой давности в том виде, в каком она предстала перед глазами вдумчивого, пытливого и любознательного наблюдателя. В. И. Даль изложил эти наблюдения сочным языком, всегда отличавшим замечательного лексикографа.

Среди приключений казачьего офицера в Бухаре стоит выделить одно, не нашедшее отражения в отчете, но наложившее отпечаток на всю дальнейшую судьбу Виткевича. Он встретился там с Хуссейном Али — послом эмира Афганистана Дост Мухаммед-хана и помог ему добраться до Оренбурга. «Вместе с возвратившимся в последних числах апреля (1836 г.— *Авт.*) прапорщиком *Виткевичем, посланным мною собственно в степь и известившим по особым* обстоятельствам и Бухару, прибыл посланный от Кабульского владельца в Россию афганец Гуссейн-Али»,— информировал министра иностранных дел К. В. Нессельроде 5 мая 1836 г. В. А. Перовский [4, л. 6].

Затем — уже зарекомендовавший себя полезным посещением Бухарского ханства и произведенный в поручики — И. В. Виткевич сопровождал Хуссейна Али в Петербург. Там он получил задание следовать с афганским представителем на его родину для установления политических контактов между нею и Россией. В пути Хуссейн Али заболел. Виткевич самостоятельно добрался до Кабула и успешно выполнил ответственное и сложное поручение. Его переговоры с эмиром Дост Мухаммед-ханом были плодотворны и открывали широкие возможности для русско-афганского сближения.

Однако намечавшиеся в этом плане перспективы вызвали бурную отрицательную реакцию Великобритании. В результате резкого дипломатического нажима с ее стороны И. В. Виткевич был отозван. Царское правительство отказалось от плана вступить в союз с Кабулом. В ночь на 9 мая 1839 г., после своего возвращения в Петербург из длительной и крайне изнурительной поезд-

---

* Даже в этой официальной бумаге улавливаются интонации обиды Перовского по поводу позиции сановного Петербурга в отношении кандидатуры избранного губернатором посланца в ханство.

ки в Иран и Афганистан, Виткевич был найден мертвым в столичных меблированных комнатах «Париж». Привезенных им из долгих странствий различных документов не оказалось. Официальная версия случившегося — самоубийство. Она вполне правдоподобна, хотя отдельные детали происшедшего вызывают некоторые сомнения (см. [26; 24, с. 216—220]).

Преждевременная гибель этого безусловно талантливого человека вызвала немалую печаль его коллег и знакомых, в том числе В. И. Даля и сослуживца Виткевича по Оренбургу Н. В. Ханыкова, ставшего видным востоковедом, почетным или действительным членом многих научных обществ и учреждений (см. [28]). Тридцать лет спустя, переехав на жительство в Париж, Н. В. Ханыков запрашивал В. И. Даля: «...не напечатали ли вы где-нибудь Вашей записки о Бухаре со слов Виткевича и его к Вам писем из-под Херата (Герата.— *Авт.*) и из Кандагара? В 1858 году я совершил почти то же путешествие (см. [29].— *Авт.*) и от афганской границы до вступления в большую Керманскую пустыню даже совершенно шел по его следам, которые там еще довольно живо сохранились. Жаль будет, если из всего виденного им останется только сухой маршрут, напечатанный И. Ф. Бларамбергом на стр. 335—346 его статистического обозрения Персии, изданного в 1853 году (см. [15].— *Авт.*)...

Если Вы еще не напечатали Вашей записки, то, пожалуйста, напечатайте и, если можно, доставьте отдельный оттиск Вашему покорнейшему слуге» [8].

К сожалению, понадобилось еще свыше 110 лет, чтобы интересные и ценные материалы П. И. Демезона и И. В. Виткевича о прошлом народов советской Средней Азии увидели свет.

Отмечая их содержательность, в равной степени как и сложность условий, при которых представители В. А. Перовского собирали сведения о положении в Бухарском ханстве, нельзя не сделать существенную оговорку. И Демезон, выдававший себя за татарского муллу, и Виткевич, разгуливавший по Бухаре в казачьем мундире, фактически крайне мало соприкасались с трудовым народом этой страны — с ремесленниками и дехканами. Они общались преимущественно с ограниченным кругом людей из феодальной знати. Среди них — и это было достаточно характерно не только для среднеазиатских ханств — царил дух интриг, завистничества, придворной лжи и лести, вероломства, сутяжательства и т. п. Другая категория «знакомых» Демезона и Виткевича — купцы, проникнутые духом наживы,— также не давали оснований для благоприятных заключений об их характере, умонастроениях и др.

К сожалению, оба агента оренбургского военного губернатора на основании собранных ими явно недостаточных данных делали попытки составить обобщающие характеристики народов, населяющих все ханство, а то и весь среднеазиатский регион. Разумеется, подобные оценки, содержащие всевозможные негативные дефиниции («коварство», «трусость» и т. д.) в адрес общенационального характера, абсолютно беспочвенны.

Несколько частных замечаний. Во время поездок П. И. Демезона и И. В. Виткевича у некоторых народов Средней Азии еще сохранились пережитки патриархально-родовых отношений. Казахи, как отмечалось, вели кочевой образ жизни и делились на роды (имевшие подчас отделения), которые объединялись в жузы («орды», по дореволюционной терминологии) во главе с ханами. Старший жуз занимал в основном район Семиречья, Средний — Центрального, а Младший — Западного Казахстана. После ликвидации в Младшем жузе ханской власти (1824 г.), его территория была разделена на три части; ими управляли султаны-правители, зависевшие от оренбургской администрации.

В России не всегда было хорошо и твердо известно точное наименование того или иного рода и его отделения. Это нашло отражение не только в разночтениях данного плана у П. И. Демезона и И. В. Виткевича, но даже в транскрибировании названий у одного и того же автора. Так, скажем, у И. В. Виткевича можно встретить и «Дюрткаринцев», и «дюрткаринцев», и «дюрт-каринцев» и т. п. Эти расхождения не приводятся у нас к единому написанию не только потому, что мы не решались править текст, составленный

при участии В. И. Даля, но и в связи с тем, что подобная унификация в какой-то мере лишала бы документы аромата эпохи.

Сказанное относится порой и к географическим названиям и особенностям орфографии и стилистики. На их восприятии представителями России отражалась иногда специфика говора («джокающего» — у казахов, «йокающего» — у узбеков) и огласовки (на «о» — у таджиков, на «а» — у узбеков). Одну и ту же реку называли и Джаны-дарьей, и Жаны-дарьей, и Яныдарьей, один и тот же род — джапасцами и япасцами, и т. д. Столицу ханства узбеки именовали — Бухара, таджики — Бухоро и т. п.

В. Г. Воловников, Н. А. Халфин

ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ ВОЕННОМУ ГУБЕРНАТОРУ ОРЕНБУРГА ГОСПОДИНУ ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТУ ПЕРОВСКОМУ

30 октября 1833 г., согласно приказу Вашего превосходительства от 28-го числа того же месяца, я выехал из Оренбурга в Орск, чтобы присоединиться к каравану, отправляющемуся в Бухарию. Я покинул Орскую крепость 11 ноября и после сорокапятидневного пути благополучно достиг Бухары, где имел честь вручить Ваше письмо и подарки кушбеги. Весть о моем приезде в Бухару опередила меня. Купцы нашего каравана отправили кушбеги письмо, уведомлявшее его в весьма расплывчатых выражениях, и без сомнения с умыслом, что с их караваном прибывает выехавший из Оренбурга русский чиновник, который является подателем письма, посланного его превосходительством военным губернатором Оренбурга, но о цели же его миссии они ничего не знают. А так как бухарское правительство не принимало еще русское посольство в ответ на свое, посланное в Россию несколько лет назад, и никогда еще в Бухару не приезжал служащий русского правительства, направленный непосредственно к первому министру, все посчитали, что я послан его императорским величеством к бухарскому хану. И поэтому все были очень удивлены, когда узнали, что я привез письмо и подарки от Вашего превосходительства именно к бухарскому первому министру. Кушбеги оказался в затруднительном положении — он не знал, как объяснить своему господину, подозрительно и ревниво относящемуся к своим правам, это обстоятельство, столь противоречащее обычаям Туркестана; он опасался зависти сановников, которые не упустили бы возможности навредить ему и очернить его перед ханом, выставив его честолюбцем, считающим себя равным с ним и принимающим послов. Он встретил меня холодно и с недоверием. Это породило во мне предчувствие будущих трудностей, с какими я вскоре и столкнулся. Его вопросы, взгляды — все выдавало в нем едва сдерживаемую тревогу. Он не осмелился даже вскрыть передан-

ное ему письмо, позже я узнал, что перед тем как открыть, он показал его хану. Таким же образом он поступил и с ящиками с подарками, какие мне было приказано доставить ему. Всевозможные слухи о цели моей миссии, вскоре распространившиеся по Бухаре, усугубили подозрения бухарского правительства и сделали мое положение еще более трудным, вынудив удвоить бдительность. Я постоянно ощущал себя объектом пристального внимания и подозрений со стороны бухарцев. Мало-помалу мне удалось рассеять подозрения, вызванные своим появлением, благодаря моему мусульманскому костюму, той старательности, с какой я молился и выполнял малейшие предписания мусульманской религии, серьезным дискуссиям с муллами, муфтиями и самим кушбеги о теологии, коране, традициях, об арабском, турецком, персидском языках. Я не узнал бы многого, если бы меня не считали мусульманином. После многих месяцев скованности я был рад, завоевав доверие кушбеги, который стал теплее относиться ко мне и согласился на несколько свиданий со мной, чего раньше я не был удостоен. Кончилось тем, что наши встречи стали довольно частыми. Его обращение стало более дружественным, его разговор — более откровенным. День ото дня отношение ко мне улучшалось. За несколько дней до отъезда я удостоился чести быть представленным хану.

23 мая 1834 г. я получил от кушбеги ответ на письмо Вашего превосходительства и разрешение возвратиться в Россию с караваном, отправлявшимся в Орск 26 июня. После благополучного пути я возвратился в Орск.

В течение всего путешествия я находился под неусыпным надзором бухарцев, интересовавшихся подлинной целью моей миссии и, следовательно, малейшими моими действиями. Только украдкой мог я на случайных клочках бумаги делать записи, понятные мне одному, стараясь фиксировать лишь факты и события, детали которых я хранил в голове. Таким образом, я не имею возможности немедленно представить Вашему превосходительству детальное и последовательное донесение о моем путешествии, так же как и собранные мной сведения по предметам, являвшимся целью моих поисков и наблюдений. Я начал заниматься этой работой; она займет у меня несколько недель, и я буду с почтением ждать возможности представить ее Вашему превосходительству.

Однако, по возвращении в Россию, считаю своим долгом без промедления представить Вашему превосходительству предварительный обзор современного положения Бухарии и других государств Туркестана, ее отношения к России, а также положения в Афганистане, Пенджабе и Индии, знаменательных событиях, происшедших в последнее время в этих районах.

Бухара имеет разногласия со своими соседями: Коканом (т. е. Кокандом.— *Сост.*), Шахрисябзом, Кундузом и Хивой — и оказалась в течение многих лет втянутой во всяческие распри

с ними, несмотря на постоянные старания кушбеги всеми силами ликвидировать разрыв. Иначе он чреват для него самыми пагубными последствиями, ибо государственная казна Бухарии истощена, а если говорить точнее, она перестала существовать; в 1826 г. после смерти Хайдар-хана, отца нынешнего хана, в казне не нашлось и пяти тысяч тилла (70 тыс. руб.). Если вспыхнет война, хан должен будет приблизить к себе узбекских сановников (сипаев) [17], которых кушбеги держит в отдалении, а от него как министра финансов потребует денег; достать же их кушбеги сможет только путем притеснений, что обязательно вызовет к нему ненависть народа. Узбекские вожди, чьи услуги станут необходимы, потребуют вознаграждения. Но из-за отсутствия денег им невозможно будет его предоставить, и тогда они не преминут открыто объявить кушбеги врагом и расхитителем государственной казны, постараясь свергнуть его или, по крайней мере, ослабить его власть. Явный враг сановников, опасающихся и ненавидящих его, кушбеги ловко использует свое влияние на хана, став господином его желаний. Жертвуя в угоду своим личным интересам благополучием Бухарии и славой своего монарха, руководимый лишь своим эгоизмом, он прилагает все усилия для поддержания необходимого для его власти и безопасности мира. Не один раз удавалось ему гасить огонь уже начавшейся войны, обещавшей быть долгой и кровопролитной. Экспедиция, предпринятая прошлым летом бухарским ханом против Шахрисябза, владетелем коего он хотел стать, полностью провалилась. Он потерял около тысячи человек, завладев при этом всего двумя-тремя маленькими крепостями, которые позорно вернул этой весной по требованию коканского хана, угрожавшего ему в случае отказа войной. Руководимый советами кушбеги, доказавшего хану невозможность сопротивления опасному союзу, созданному против него правителями Кокана, Хивы и Шахрисябза, он постыдно уступил. Но мстительный характер заставит его, без сомнения, возобновить борьбу, как только он почувствует себя в силе. Все узбекские сановники догадались, что позорная сдача этих крепостей была результатом интриг кушбеги, и ненависть к нему еще более усилилась.

Торговля Бухарии с китайским Туркестаном [18], почти полностью разоренная в результате происшедших в Кашгаре волнений, в течение последних двух-трех лет начала оправляться. Но до прежних размеров ей еще далеко.

Последний поход в Хорасан принца Аббаса-Мирзы также притормозил торговые отношения Бухарии с Персией. Караваны подвергались риску быть ограбленными на границах Хорасана, дороги того направления были закрыты для торговли, и бухарским купцам приходилось искать другой путь — через Астрахань, чтобы доставлять товар в Персию. Первый караван, прибывший после смерти Аббаса-Мирзы из Мешхеда в Бухару, состоял всего из 63 верблюдов. Торговля, поддерживаемая Бу-

харией с Индией, не только не выгодна, но и просто убыточна. Афганские и индийские купцы, привозящие в Бухарию индийские товары, вывозят отсюда только золото, чеканные деньги и лишь небольшое количество товаров, да и то неместного производства. Узбекские сановники, единственный слой, где можно еще найти какой-то капитал, разорились восемь лет назад на неудачных спекуляциях индиго и вынуждены были продать свое имущество. Вот уже восемь лет индиго в Бухаре стоит 12 тилла за пуд, приравнивая 1 тилла к 15 руб. В Бухарию его завезли в огромном количестве. А так как деньги здесь стали весьма редки, то цена падала соответственно с 12 тилла до 11, 10, 8, 6, 5 и 4 тилла за пуд. В прошлом году его продавали по 3,5 тилла, а в этом — всего по 2 тилла и 4—5 таньга, что приблизительно равняется 34 руб. (21 таньга равна 1 тилла). Торговцы, считающие, что цена индиго не может упасть ниже, скупают его в огромных количествах, надеясь вскоре выгодно продать. Но с прибытием очередного каравана они вынуждены бывают уступать его по более низким ценам. На подобных спекуляциях они и разорились.

Хивинцы относятся к России враждебно и даже не пытаются скрыть это. Они прилагают все усилия, чтобы вредить нашему правительству, настраивая против него некоторые киргизские племена, на какие имеют хоть малейшее влияние. С русскими пленными, попавшими к ним или купленными ими у киргизов и татар, в Хиве обращаются с жестокостью, какую даже трудно себе представить. Они поддерживают как никогда дружеские отношения с Коканом, зная его враждебную настроенность к России.

Жестокий голод, постигший Хиву, заставил значительное число жителей покинуть город и осесть в различных городах Бухарии. Это привело к почти полному ослаблению хивинского правительства. Подобное состояние Хивы вполне устраивает бухарское правительство. Поставляя Хиве некоторое количество зерна, что продиктовано интересами Бухары, оно постоянно держит ее в тревоге, распуская всевозможные слухи о задуманной Россией и Персией экспедиции против этого государства. Мой приезд в Бухару дал повод многочисленным слухам такого рода. Хивинскому послу, находившемуся этой зимой в Бухаре, внушили, что цель моей миссии — уточнить движение русского корпуса, находящегося в Хорасане и действующего совместно с армией Аббаса-Мирзы, а также узнать настроение бухарского правительства по поводу русской экспедиции против Хивы. Вполне вероятно, что эти слухи были пущены по приказу кушбеги, опасавшегося создания союза Хивы с Коканом и Шахрисябзом против Бухары. Ко времени моего отъезда из Бухары в конце мая даже в этом городе ничего еще не знали о походе, предпринятом в этом году нашим правительством к восточному берегу Каспийского моря.

Бухарцы, хотя и питают в глубине не меньшую, чем хивинцы, неприязнь к России, пытаются все же в своих интересах скрыть ее, чтобы это не отразилось на отношениях наших правительств, сохраняющих, по крайней мере внешне, дружественный характер.

Но движимые, с одной стороны, своим фанатизмом, скрытой ненавистью к русскому правительству, а с другой — боязнью возрастания влияния России на киргизов, что лишит их выгодной торговли с этим народом и жизненно необходимой продукции, поставляемой киргизами, бухарцы прилагают все усилия, чтобы поссорить Россию с киргизами — противниками всякой зависимости.

Взгляды бухарцев находятся под существенным влиянием татар — подданных России, живущих на ее окраинах и торгующих с киргизами и государствами Туркестана. Считая в своих интересах отдалить от границ России киргизов, которым они не без выгоды продают свои товары, и стараясь сохранить хорошее расположение бухарского правительства, давно поддерживающего с татарами тайные торговые отношения, они пускают в ход весь свой фанатизм и самые низкие интриги, чтобы настроить против России киргизов и бухарцев и еще более укрепить их недоверие к нам.

Тем не менее, если рассматривать, с одной стороны, большую заинтересованность бухарцев в торговых отношениях с Россией, поддерживающих их обедневшее правительство, стоящее на грани разорения, и способных прерваться в результате разрыва, при котором наши крепости будут закрыты для их караванов, с другой стороны — постоянный страх Бухарии перед враждебными соседями, готовыми в любой момент начать нападение, которое Бухария может предотвратить лишь ссылками на могучую помощь России — средство, какого она будет лишена в случае разрыва с нами, то можно с уверенностью предположить, учитывая эти два обстоятельства, что из всех государств Туркестана Бухария наиболее склонна поддерживать с Россией дружественные отношения и наименее — противостоять планам нашего правительства.

Бухарское правительство, теснимое со всех сторон Коканом, Хивой и киргизами, препятствующими ее торговле, было бы радо, если бы Россия продвинулась к берегам Сырдарьи и построила здесь для острастки хивинцев и киргизов укрепление, которое обеспечило бы прямое передвижение бухарских караванов в Орск. В одном из доверительных разговоров со мной кушбеги после долгого вступления по поводу трудностей, тормозящих торговлю Бухарии с Россией, и намерениях, имеющихся, кажется, у нашего правительства их устранить, положительно высказался о плане постройки крепости на Сырдарье. Осмелюсь дословно передать его слова по этому поводу: «Что касается путей обеспечения надежности дорог, то мы могли бы

открыто договориться с Россией, чтобы действовать быстро и решительно, установить демаркационные линии между нашими государствами и указать место, до какого бухарские отряды должны были бы конвоировать наши караваны, где их, в свою очередь, примут русские войска для сопровождения до России. Самое надежное средство добиться такой цели — это построить, например, на обоих берегах Сырдарьи две хорошие крепости (надо заметить, что он не употребил слово курган, опорный пункт, небольшое укрепление, а именно „кала" — город, крепость). И тогда мы не будем опасаться ни Кокана, с одной стороны, ни Хивы — с другой, ни киргизских племен, всегда готовых ограбить на дорогах наши караваны, и, с божьей помощью, наша торговля с Россией вновь достигнет расцвета, а дружеские узы, объединяющие наши государства, станут неразрывны». Дав ему понять, что выслушал его с большим вниманием и принял к сведению его идеи по этому поводу, я сказал, что не премину, если богу будет угодно, чтобы я добрался до Оренбурга живым и здоровым, точно изложить Вашему превосходительству идеи и чувства, какими он со мной поделился.

Кушбеги дал мне понять, что хан был уязвлен тем, что его императорское величество не направил к нему лично ни одного посла с момента его восшествия на престол.

«Слушайте, Мирза,— сказал он мне однажды,— эмир-хазрет царь и сын царя, правитель самого большого государства Туркестана, считающий его императорское величество другом и братом, несколько лет назад послал к нему посла с поздравлением по случаю восшествия на престол. Его императорское величество отослал этого посланника с подарками эмиру, но без сопровождения своего посла с взаимным поздравлением по случаю восшествия на престол нашего господина, хотя это и не представляло особых трудностей. Это отсутствие внимания должно было ранить нашего правителя».

Он мне часто говорил о питаемой ханом надежде видеть в Бухаре в скором будущем посла, направленного его императорским величеством лично к нему.

Афганистан, терзаемый в течение нескольких лет междоусобными войнами, беспрестанно нарушающими спокойствие, находится сейчас на пороге одного из своих сильнейших политических кризисов, результаты которого трудно предугадать: то ли государство будет восстановлено, то ли придет к полному краху, но последствия эти не замедлят сказаться на политике государств, окружающих его или поддерживающих с ним политические или торговые связи. Шах Шуджа уль-Мульк, лишенный кабульского трона в 1808 г., скрывается в Индии у англичан и живет в течение многих лет в Лудхиане, где он пытается склонить Индскую компанию предоставить ему помощь чтобы вновь завоевать Афганистан, изгнать узурпатора Дост Мухаммед-хана и овладеть короной своих предков. Англичане встревожены рас-

пространившимися в Индии слухами о планах завоевания Хивы и Бухары Россией совместно с принцем Аббасом-Мирзой, который, поддерживаемый значительными силами русского корпуса, должен завладеть Гератом. И опасаясь союза двух сильных врагов, что обещало бы большие возможности для расширения торговли этих государств, англичане решились на шаг, на какой раньше пошли бы не без опасений, а именно — восстановить на троне принца, который был бы обязан им короной и в связи с этим находился бы в зависимости от них.

Шах Шуджа уль-Мульк при их большой помощи продвинулся к самому сердцу Афганистана. Король (правильнее махараджа.— *Сост.*) Ранджит Сингх — правитель Пенджаба, старый враг афганских правителей поставил шаху, по просьбе англичан, конечно, пять тысяч лошадей. Подчинив себе храбрый синдский народ[19], оказавший ему сначала сопротивление на своей земле, шах завладел городом Шах-Местинг (так в тексте.— *Сост.*) и приступил к осаде Кандагара. Дост Мухаммед, хан Кабула, просивший в письмах своих братьев не меряться силами с шахом Шуджой до его прихода с подкреплением, действительно вышел из Кабула на помощь Кандагару, но, почувствовав свою слабость и, возможно, не будучи уверенным в преданности войск, чтобы сражаться против превосходящих его сил, даже не осмелился вступить в бой. Проделав небольшой путь по дороге к Кандагару, он возвратился назад[20], предоставив своим братьям самим защищаться против шаха Шуджи, которому не представило особого труда разбить каждого по одиночке.

Афганцы, долгое время страдающие от жестокого гнета Дост Мухаммед-хана и его братьев, склонны принять сторону их законного монарха в надежде положить конец или, по крайней мере, облегчить свои страдания. Узурпатор дрожит в Кабуле на разваливающемся троне[21], и вскоре, вынужденный спасаться бегством, он должен будет уступить афганскую корону принцу, который явится вассалом англичан.

Король Пенджаба Ранджит Сингх, пораженный вот уже несколько месяцев тяжелой болезнью, заставляющей опасаться за его жизнь, не умер, согласно распространившимся слухам, но он очень стар, слаб и болезнен, и после его смерти англичане унаследуют Пенджаб[22], Кашмир и станут хозяевами всего водного пути по Инду до города Пешавара.

Эти новости относительно Пенджаба и Афганистана, подтвержденные многочисленными письмами, полученными в последнее время Бухарой из Лахора и Кабула, были переданы мне доктором Хонигбергером, прибывшим в Бухару из Кабула в январе 1834 г. Этот путешественник, объехавший различные уголки Азии, приехал в 1828 г. в Лахор, где он провел четыре года на службе у короля Ранджит Сингха в качестве врача. Он приехал в Россию в начале июля с последним караваном,

вошедшим в Орск. Он рассказал мне о всех своих путешествиях и посвятил меня во многие детали, связанные с Афганистаном, Пенджабом и четырьмя европейцами — Аллардом, Вентурой, Куртом и Авитабилем, занимающими очень высокие посты при дворе очень доверяющего им Ранджит Сингха. Этот правитель, прославленный своей храбростью и долгими войнами, которые он вел, чтобы подчинить своей власти правителей своих маленьких провинций, составляющих страну независимых раджей, создал королевство, известное сейчас под названием Пенджаб («Пятиречье»). У короля есть единственный сын, слабость умственных способностей которого делает его совершенно неспособным к ведению дел и управлению государством. Шир Сингх — приемный сын короля и нынешний правитель Кашмира. У него есть способности, но королевские сановники не хотят признавать его прав на корону, хотя он и был воспитан как принц крови, каковым его считают и сейчас. Предпочитая оставаться под властью англичан, чем подвергаться бесконечным волнениям и междоусобным войнам, которые не замедлят вспыхнуть в Пенджабе после смерти Ранджит Сингха, не оставившего другого наследника, кроме названного единственного сына, королевские сановники заключили договор с Ост-Индской компанией, согласно которому они обязываются признать после смерти Ранджит Сингха господство англичан. Последние получат от них войско и обеспечат им владение провинциями и дворцами, принадлежавшими им до восшествия на престол Ранджит Сингха.

Сам Ранджит Сингх, желающий мирно закончить жизнь, прошедшую в битвах и походах, как говорят, подтвердил, что если англичане, угрожавшие до сих пор его владениям, не предпримут против него никаких враждебных действий, то договор останется в силе. Эти условия точно соблюдаются англичанами, которые, установив доброе согласие с этим принцем, ожидают условленного наследства.

Миссионер Джозеф Вольф[23], вернувшийся из Персии в Бухару в 1831 г., пробыл в этом городе недолго, а затем через Кабул и Лахор вернулся в Лудхиану, откуда снова выехал, чтобы совершить путешествие в Кашмир. Сейчас он находится в Калькутте. Его поездки по Азии имеют не только религиозные цели, но и политические.

Лейтенант Александр Бернс и доктор Жерар, приехавшие в Бухару после этого путешественника, через шесть недель покинули этот город и отправились в Мешхед. Цель их поездки — добиться для Ост-Индской компании разрешения бухарского правительства открыть в Бухаре торговый дом. Из Мешхеда лейтенант Бернс продолжил свое путешествие в Тегеран, откуда возвратился в Бомбей. Здесь он сел на судно, чтобы отправиться прямо в Лондон. Доктор Жерар возвратился через Кандагар, Кабул и Пешавар в Лахор, где он находился еще во время

последней болезни Ранджит Сингха. Со дня на день он должен был отправиться в Калькутту.

Муркрофт и два его спутника, приехавшие из Индии в Бухару в 1825 г., на обратном пути были отравлены. Первый в Андхое и двое других в Мазаре, в двадцати пяти верстах от Балха. Часть их имущества и их бумаги до сих пор находятся в руках правителей Мазара. Англичанам пока не удалось заполучить бумаги своих, погибших в Бухаре, посланцев. Попытки, предпринятые доктором Хонигбергером во время его поездки в Балх, также были безуспешны.

Из Индии в Бухарию ввозится довольно большое количество английских товаров, такие, например, как золотая парча, муслин, хлопчатая материя, ситец и расписные цветами или в полоску ткани. Большая часть золотой парчи привозится через Кокан. Два или три года назад англичане нашли другой путь для доставления своих товаров в Бухарию — через Персию. Последний караван, прибывший из Мешхеда в Бухару во время моего пребывания в этом городе, привез три больших тюка с английскими тканями — расписными холстами, ситцем, муслином и прочим. Эти ткани лучшего качества, чем привозимые в Бухарию из России, и легко раскупаются*. Пробная эта торговля, собственно говоря, приносит мало выгоды, но очевидно свидетельствует о постоянных усилиях английских купцов полностью завладеть торговлей в этой части Азии, которая в скором времени может быть наводнена английскими товарами.

Русские пленники, хотя с ними обращаются менее варварски, чем в Хиве, все же находятся в очень тяжелом положении. Помимо тягостного труда, к коему они принуждаются, они еще и содержатся с той омерзительной скупостью, вообще характерной для бухарцев. Часто они лишены самых необходимых вещей, получают скудное питание и порой умирают от постоянного недоедания.

В самой Бухаре всего не более ста русских пленников. Число тех, что находятся за пределами города, как говорят, достигает четырехсот. За время моего пребывания в Бухаре были привезены семь пленников — пятеро русских и двое поляков, захваченных туркменами у хорасанских границ, со стороны Герата. Они были из русского корпуса, находящегося в армии Аббаса-Мирзы и, возможно, это послужило причиной слухов о большом корпусе, предоставленном Россией Персии в помощь при осаде Герата. Как я узнал от одного из русских пленных, находящихся в Бухаре, этот корпус, численностью 760 человек, состоял из русских и польских дезертиров и пленников, захваченных Персией в ее последних войнах с Россией и не возвращенных обратно во время подписания мира. Они являлись

---

* И. В. Виткевич придерживается в этом вопросе другого мнения. Здесь и далее за исключением оговоренных случаев примечания составителей.

гвардией принца Аббаса-Мирзы, полностью им доверявшего и привлекшего их своей щедростью.

Далее, внутри наших границ обитают татары, значительно вредящие России с помощью всяческих интриг. За пределами русских границ — дикие племена, находящиеся под могущественным влиянием государств, их окружающих и толкающих их против нашего правительства. В Туркестане — государства, питающие по отношению к России враждебные или малодружественные намерения. Государства бедные и ослабленные, страдающие от жестоких притязаний соседей и надеющиеся на приход могущественного покровителя, чтобы снова воспрянуть. По ту сторону Гиндукуша, в Афганистане,— беспорядки и внутренние войны и, по-видимому, в ближайшее время там ожидается смена династии. Далее, англичане. Ловкими происками и интригами они направляют все эти события в свою пользу и уже, можно сказать, являются хозяевами в самых обширных районах Азии вплоть до границ Персии с Туркестаном, где английское влияние не замедлит сказаться самым решительным образом.

Таковы основные мои заметки, составленные во время путешествия в Бухарию, кои я имею честь представить сегодня Вашему превосходительству. Надеюсь, что в скором времени мне удастся также представить Вашему превосходительству более подробные сведения о моем путешествии, а также о состоянии торговли Бухарии и Туркестана с другими государствами Азии, о ценах на различные бухарские товары и на товары, привозимые в Туркестан.

Надеюсь, что отзыв, коим Ваше превосходительство удостоит мой скромный опыт и какой я ожидаю с самым глубоким благоговением, будет снисходительным и благожелательным.

Демезон, чиновник 9-го класса

Оренбург
Июль 1834

* * *

Караван, с которым мне приказано было отправиться, собрался в Орской крепости. Прибыв туда 3 ноября 1833 г., я узнал, что он выступит не ранее 9 или 10 ноября: бухарские купцы не нашли еще всех необходимых им подвод. Я воспользовался задержкой, чтобы закончить приготовления к предстоящему долгому путешествию. Плата за наем подвод, предоставляемых бухарцам киргизами, колеблется обычно от 45 до 60 руб. Разница зависит в большой степени от времени года, в какое отправляются караваны из России или из Бухары. Каждая подвода вмещает 16 пудов товаров. Исходя из всего этого,

расходы на перевозку могут подниматься с 3-х до 4-х руб. за пуд. Цена довольно высокая по сравнению с существовавшей несколько лет назад. Некоторые старые бухарские купцы уверяли меня, что заплатили от 8 до 10 тилла за подводу (т. е. от 120 до 150 руб.).

Я познакомился с бухарцами нашего каравана и тут же обнаружил, что между ними и хозяином каравана Нияз-Мухаммедом сложились плохие отношения. Сей старец (ему больше 65 лет) нрава малодушного, эгоистичного и злого, был всеми презираем. Но свое место он занимал благодаря содействию кушбеги, с которым имел дела, и страх перед первым министром хана заткнул рот всем, кто хотел бороться с Нияз Мухаммедом. Он отправил все свои товары в Бухару еще в прошлом году и принимал весьма малое участие в делах возглавляемого им каравана. Другой караван-баши — Рахимбай, приведший из Бухары последний караван, должен был в этом году остаться в России. Он отправился в Москву, чтобы продать принадлежащие кушбеги шали, найдя цены на них на ярмарке в Нижнем Новгороде не подходящими. Вернуться в Бухару прежде, чем он выгодно продаст их, Рахимбай не осмеливался.

В это время холод становился все сильнее и сильнее. Северо-восточные ветры, наиболее опасные в здешних степях, начинали дуть с большой силой, и все предвещало суровую зиму. Караван, вышедший в прошлом году из Орской 19 октября, после изнурительного перехода, испытав в пути холода и бураны, лишь через 76 дней пришел в Бухару. Бухарцы из нашего каравана не могли без ужаса думать об ожидавших их трудностях и опасностях. Со своей стороны, я тоже был далек от того, чтобы строить иллюзии относительно своего положения. Я отправился в путь один и в облике мусульманина, окруженный киргизами, бухарцами, ногайцами (татарами), которым хотелось за мной последить и разгадать истинную цель моей миссии. Мне очень помогли накопленные мною знания об их языке и обычаях, об их нравах, религиозных обрядах. Но я знал обманчивый и подозрительный нрав бухарцев и коварство их правительства, во власти которого я мог себя считать. Я не имел возможности составить заранее какой-либо план своего поведения, поскольку все в большой степени зависело от случайностей и обстоятельств. Я представлял себе разного рода трудности, какие мне нужно было преодолеть, чтобы успешно выполнить поручение и достичь цели своего путешествия, продолжительность коего я не мог предвидеть заранее и во время которого малейшая неосторожность могла меня погубить. Я думал о печальном конце европейцев, ставших жертвами варварского фанатизма и жестокости обитателей этой части Азии, по какой мне предстояло ехать. Картины их смерти рисовались в моем воображении, и в то же время надежда не оставляла в душе места страху. Может быть это была излишняя и достойная

осуждения самоуверенность или же предчувствие счастливого возвращения.

Наконец, 9 ноября все нужные купцам подводы были собраны, и на следующий день в 11 часов утра наш караван, состоящий из 400 подвод, вышел из Орской.

В 2 часа дня мы простились с сопровождавшим нас первые десять верст от крепости комендантом Орской.

17-го числа, после того как мы пересекли Орь и еще некоторые маленькие речки или даже, лучше сказать, ручьи, как например, Лютхубай, Камышхакли, Юнгабар и Камышли, протекающие в двух шагах от Буюк-Тюбе, мы прошли мимо озера Кунали и горы того же названия, на вершине которой находятся какие-то могилы, 20-го числа мы подъехали к соленому озеру Шулак-Джеди-сор. В нескольких верстах на восток от нас, весь покрытый снегом, ясно просматривался Кунгур-Тюбе. До сих пор погода была такая хорошая для этого времени года и для этой части степи, о какой можно было только мечтать. Холод, действительно, был жестокий, и северо-восточный ветер иной раз дул с огромной силой, но нам еще не довелось испытать ни снега, ни буранов — страшных врагов всех караванов. Однако в ночь с 20-го на 21-е выпало более двух футов снега, а к утру нас начал донимать сильный северо-восточный буран. Запас дров, приготовленный перед нашим отбытием, был уже давно израсходован. Но мы не могли восполнить его раньше, чем лишь через день перехода от того места, где нас застал буран, потому что то большое пространство, какое мы проехали от Орской, было полностью лишено леса. Проводник нашего каравана Альмат, киргиз чумекейского рода, опасался, как бы этот ветер не принес с собою и снега, тогда наше продвижение приостановилось бы на многие дни. Поэтому он непременно хотел, и совершенно справедливо, изо всех сил пробиваться к берегам Тилькара, где мы могли бы найти дрова. Это было примерно в одиннадцати часах перехода — самого трудного из всего того, что нам пришлось испытать до сих пор.

Всю ночь и весь день 22-го числа ветер дул с еще большей силой, лишь 23-го числа он немного ослаб, и мы смогли, наконец, выйти из палаток, собрать наши подводы, разбросанные бураном, и продолжить путь. Это произошло с нами почти в том самом месте, где год назад один из караванов также был застигнут бураном и остановлен им на пять дней. Тот караван потерял несколько лошадей, павших, вероятно, от холода или отбившихся из-за бурана. 21-го числа, когда запрягались подводы, обнаружилось, что пропала лошадь одного из татар, ехавших в нашем караване. Какой-то киргиз тотчас же поскакал на ее поиски. Наш караван в $1^1/_2$ ч. пополудни тронулся в путь, а проводник Альмат и с ним еще двое человек остались, чтобы дождаться ускакавшего киргиза. Но через полчаса, когда мы расположились на привал, они догнали нас и сказали, что тот

так и не вернулся. Мы решили, что, наверно, он не смог отыскать обратной дороги и заблудился — снег скрыл все следы. В 5 часов Альмат вместе с несколькими киргизами вновь отправился искать пропавшего, но несколько часов спустя они опять возвратились ни с чем — все поиски их были напрасны. И к полудню 22-го числа киргиз все еще не отыскался. Мы подумали уже, что бедняге больше помочь нельзя как к вечеру, к нашему большому удивлению, он все-таки вернулся, и при том привел пропавшую лошадь. Парень был голоден и дрожал от холода. Он рассказал, что несколько часов искал лошадь и нашел ее недалеко от того места, откуда и отправился на ее поиски. Но тут буран стал неистовствовать с такой силой, что он уже совсем ничего не мог различать вокруг. Ему все-таки удалось поймать лошадь, но, совсем обессилев, он стреножил ее, а сам глубоко заснул. Так, засыпанный снегом, он провел всю ночь. К счастью, он хорошо запомнил дорогу, и на следующий день сумел найти караван. Скромный подарок, сделанный ему хозяином найденной лошади, и несколько чашек горячего чая позволили ему вскоре совершенно забыть обо всем, что с ним приключилось ночью. Во время моего путешествия в степи я часто обращал внимание на большую физическую силу киргизов, ту легкость, с какой они переносят жажду, голод, боль, на их выносливость. Но лишение сна они переносят крайне тяжело. Они остаются совершенно без сил, если проведут ночь или две без сна. Восточные купцы во время жары совершают переходы ночью, отдыхают же днем. Такой способ совершенно невыносим для киргизов. Поэтому летом их караваны, выходящие из Бухары, отправляются в путь обычно в 4 часа утра. В 8—10 часов они останавливаются на привал и вновь выступают в дорогу в 4 часа пополудни и идут до 10 часов вечера.

25-го числа мы перешли через Улукиргиз и около озера Кильди-сор впервые увидели несколько кустарников саксаула. 30-го числа мы подошли к равнине Музбиль, где похоронили двух киргизов из нашего каравана, умерших накануне от оспы; еще один киргиз умер двумя днями позже. Мы продвигались по равнине Музбиль, когда к нам прискакал киргиз одного из аулов, виденных нами на западе. От него мы узнали, что в конце октября к Сырдарье приезжали 400 хивинских всадников, чтобы, как он сказал, построить укрепление в местечке, называемом Караул-Ходжа. Но между ними и чумекейцами произошла стычка, в результате которой три киргиза и несколько хивинцев были убиты. Хивинцы были разбиты и бежали, оставив киргизам множество своих повозок. Это были первые новости, дошедшие до нас с тех пор, как мы покинули русские пределы. Хивинцы, без сомнения, вскоре вернутся, если уже не вернулись, чтобы отомстить за свой позор, и киргизы опасались за свои аулы, которые должны были провести зиму на берегах Сырдарьи и Кувандарьи. Все дни мы встречали киргизские семьи,

которых снег и холод гнали к югу, но напуганные слухом о приходе на Сырдарью хивинцев и боясь быть ограбленными, они не осмеливались продвигаться особенно далеко. Новости эти пробудили в караване страх и разожгли вражду между киргизами и бухарцами. Если бы хивинцы повстречали наш караван, они не преминули бы воспользоваться случаем и разграбить его.

У бухарских купцов была и другая причина для опасений — они дрожали от страха повстречать на пути султана Тимура — вождя рода чумекейцев, который не отказался бы от возможности взять с каравана большую пошлину. Подобное уже случалось. Однажды он уже намеревался заставить один караван заплатить ему пошлину. Но тогда купцы отказались повиноваться его приказу остановиться и ждать. Караван находился в то время достаточно близко от русских границ, чтобы опасаться какого-либо насилия с его стороны. Но теперь, когда караван был посреди степи, бухарские купцы боялись, что султан Тимур им отомстит. Точно так же купцы опасались султана Манабая вождя рода кичкине чикли, подвластного хивинскому хану С последнего каравана, повстречавшегося ему в июле 1833 г., он потребовал за право проезда 5 тысяч рублей. Тогда купцы решили сделать большой крюк и объехать стороной место, где находился султан Манабай, но он вместе с четырьмя сотнями всадников пустился за ними в погоню и через три дня нагнал их недалеко от Сырдарьи. Принудив бухарцев сложить все их товары в указанное им место, султан Манабай угрожал купцам, что ограбит их, если они не заплатят назначенной им пошлины. И напуганные бухарцы были вынуждены ему подчиниться. Я очень хотел увидеть этого знаменитого султана, о котором так много был наслышан. Но вскоре узнал, что в данное время султан Манабай находится примерно в 160 верстах к востоку, на берегу Аральского моря, между Куваном и Сырдарьей. Я надеялся, по крайней мере, увидеть его на обратном пути, но мои ожидания не сбылись, ибо он был вызван в Хиву ханом, получившим через несколько дней известие о прибытии нашего отряда в Ново-Александровскую. 5 декабря, совершив переход в 25 верст, мы подъехали к Сырдарье. Мы перешли ее на следующий день по льду недалеко от того места, где находится могила св. Хоссум Ходжи Аулия. В этот день погода была очень спокойной. Снег почти всюду растаял, но к вечеру ветер изменился на северо-западный, и мороз вскоре достиг восьми-девяти градусов. Несколько часов было затрачено нами на поиски несложной и безопасной переправы. Лед был не совсем прочный, а у берега, довольно крутого с нашей стороны, еще не намерз. Мы остановились на северном берегу реки. Вечером 5 декабря мы узнали, что султан Тимур разместил свой аул в 10 верстах от Сырдарьи, как раз на нашем пути. 6-го числа к нам пришли двое беков и от имени султана Тимура потребовали, чтобы наш караван шел в его аул.

Для спуска с берега на лед мы использовали большое количество тростника и куски льда, прикрытые нами сверху землей. Реку мы перешли не без труда и остановились в двух верстах от аула султана Тимура. Раздраженный султан очень плохо принял бухарцев. Довольно жестко он напомнил им, что те вели себя вызывающе по отношению к нему во время последней их встречи и объявил, что разграбит их караван, если ему не заплатят беспрекословно тех денег, которые он у них потребует, и что он хочет знать об их решении завтра же. Испуганные бухарцы в его присутствии ничем не выдали своего недовольства. Следующий день был занят переговорами между султаном и бухарцами. Султан пригласил меня в этот день к себе, чтобы дать мне письмо к Вашему превосходительству.

Я застал его одного. После обычного приветствия он сказал, что ему хорошо известны обязанности посланника, который должен всегда спешить к месту своего назначения. Он спросил меня, не обеспокоен ли я задержкой каравана. Задержкой, единственной причиной коей, как он сказал, были бухарцы. «Они хорошо знают,— заметил он,— что я признаю хана единственным владетелем Бухары и что мне дано ханом право собирать пошлину со всех бухарских караванов, пересекающих мои владения. Однако, вы это видите, бывают недоразумения. Я пожаловал им право бадж (право беспошлинного провоза товаров) на два или три года. Возможно, они вообразили, что освобождены от пошлины навсегда... Я попытался этой весной взять с них пошлину,— продолжал он, хмуря брови,— но они увернулись от меня. Когда ногайцы (татары) приезжают торговать в наши аулы, это для нас, мы считаем, очень выгодно: они продают нам свои товары, делают подарки. А какая нам выгода от бухарских караванов?.. Нам остаются разве только следы от их повозок... Именно поэтому еще наши предки всегда брали с них пошлину, и пошлину очень большую». Он пообещал мне, после того как я попросил его об этом, быть более сдержанным с купцами и мягче обойтись с ними. Он спросил меня имя и чин Вашего превосходительства и то, как наиболее учтиво следует к Вам писать. Я ответил на его вопросы, и он сказал: «Знаете ли вы султанов Бай Мухаммеда, Юсуфа Нурали и хана Шехир Гази?» После моего утвердительного ответа он помолчал несколько мгновений и продолжал: «Они всегда находятся около русских границ, а какая от этого польза? Только я могу обеспечить безопасный проход караванов, потому что они обязательно должны проходить через мои владения. У меня есть сын, Мир Хайдар, он всегда находится близ русских границ у джегалбайлинцев, но другие мои сыновья живут недалеко от меня. У меня много родственников во многих родах». Этим он хотел дать понять мне, что имеет большое влияние на киргизов наиболее сильных родов этой части степи.

Мы поговорили затем о Бухаре. Он поздравил меня с тем,

что мне посчастливится быть в этом оазисе святости и просил, чтобы я не забыл помолиться за него у могилы св. Бахауддина. Когда я попросил позволения уйти, он еще раз высказал сожаление, что из-за глупости и упрямства бухарцев мне приходится терять драгоценное время. «Я обещаю вам,— прибавил он,— что как только их поведение станет более разумным, мы сразу же сможем договориться с ними и быстро разрешить наши проблемы». На большее я и не мог рассчитывать. В самом деле, вечером я узнал, что султан Тимур оставил караван в покое. Бухарцы заплатили ему пошлину в 45 тилла и поднесли подарок в 30 тилла — всего, следовательно, 1100 рублей. Сами же бухарцы признались мне, что султан нагнал на них больше страху, нежели причинил вреда. Он мучил их довольно долго лишь затем, чтобы отомстить за прошлый раз и показать свою власть. А тот факт, что султан Тимур наконец смягчился, бухарцы приписали моему присутствию в караване.

Дошедшие до нас слухи о стычке между чумекейцами и хивинцами подтвердились. Султан Тимур, опасаясь гнева хивинского хана, отправил ему письмо с посланником, которому было поручено передать хану в подарок несколько лошадей. В своем письме султан Тимур высказывал хану свое огорченне происшедшей ссорой, возникшей к тому же так внезапно и имевшей такие неприятные последствия. Письмо он заканчивал уверениями в своей полной покорности, прибавляя, что готов сам прислать хану тот выкуп, какой он захочет, или же готов беспрекословно принять тех хивинцев, которых хан пришлет за выкупом. Султан находился в тревоге и не знал, сможет ли подобный знак выражения его покорности удовлетворить хана. Позже, в Бухаре, я узнал, что в ответ на письмо султана Тимура хивинский хан выслал 400 всадников, чтобы собрать выкуп со всех аулов чумекейцев и вартикаринцев.

Когда я находился в аулах султана Тимура, я впервые узнал о походе, предпринятом бухарским ханом против Шахрисябза. По словам одного бухарца, недавно приехавшего из Бухары, хан завладел Шахрисябзом, который он потом великодушно отдал аталыку[24], взяв все-таки заложниками его сына и дочь. Вскоре же после моего приезда в Бухару я убедился, насколько слухи эти были преувеличены и неправдоподобны. Впрочем, я и не должен был бы удивляться беззастенчивому пустословию бухарцев. От этого же бухарца я узнал о смерти Аббаса-Мирзы.

9-го числа караван вновь двинулся в путь, и на следующий день, также по льду, мы переправились через Кувандарью недалеко от того места, где находится могила св. Ис-Бергена. Говорят, что уровень Кувандарьи с каждым годом довольно значительно падает. Это происходит, по-видимому, из-за множества песка, приносимого Сырдарьей и забивающего русло Кувандарьи. 14-го числа мы пересекли высохшее русло Янгыдарьи

недалеко от каких-то развалин у колодцев Серти-Там. В то время, как мы выходили из рощи саксаула, покрывающего берега Яныдарьи, внезапно наш караван охватил панический ужас. Дело в том, что несколько киргизов из нашего каравана задержались у колодцев Серти-Там, где мы останавливались ненадолго, чтобы попоить лошадей. И вот один из этих киргизов, догоняя нас, на всем скаку кричал, чтобы мы остановились. Он был так перепуган, что ему стоило большого труда объяснить нам более или менее вразумительно, что множество хивинских и коканских всадников выходит из рощи, где они до того скрывались, что они застигли его и его товарищей у колодцев и что они наверняка нападут на караван. Его же они отправили, чтобы передать от их имени караван-баши бухарцу Нияз-Мухаммеду и старому киргизу Кульбаю, одному из наших проводников, требование явиться к ним на переговоры. Весь караван, напуганный, замер. В это же время разгорелся довольно-таки острый спор между теми, кого вызывали к себе хивинцы, и остальными бухарцами. Последние пытались доказать караван-баши и проводнику-киргизу, что те должны подчиниться и поехать на переговоры к хивинцам. Двое же несчастных, бледные от страха, уверяли, что благоразумнее (и это к тому же является их долгом) не покидать караван, а ждать, что будет дальше. Вскоре же мы узнали от остальных киргизов, догнавших нас, что хивинские отряды, так сильно всех напугавшие, оказались на самом деле всего лишь тридцатью всадниками *, составлявшими свиту Ходжи Нияз-бека, хивинского посланника, возвращавшегося вместе с коканским посланником из Кокана. У них кончилось продовольствие, и они хотели попросить у нашего караван-баши несколько баранов. Я не могу удержаться от смеха, вспоминая, как человек восемь бухарцев, увешанных своими ружьями и пистолетами, собрались вокруг меня и просили, чтобы я отдал им свое оружие, на которое они, может быть, полагались больше, чем на собственное.

От Яныдарьи мы продвигались какое-то время по большой дороге, известной под названием Саурунбай-Гюли. Говорят, в старину она доводила до Бухары. Позади нас остались горы Зингур-Тюбе и Иргиз-Тюбе, откуда на востоке можно было видеть Беш-Тюбе, у которой в 1824 г. шедший в Бухару в сопровождении русского отряда караван подвергся нападению хивинцев. 19-го числа мы разбили лагерь на Буканской равнине. На юго-западе от нас вздымались покрытые снегом Буканские горы. Мы перешли их на следующий день в месте, называемом Буккали. Эти горы получили свое название по имени знаменитого Букан-батыра — он провел в них свою жизнь, никуда не выходя оттуда. Киргизы с удовольствием рассказывали мне некоторые удивительные истории про этого знаменитого киргиза, а

* Ниже П. И. Демезон называет другое число —40.

также и про его дочь, не походившую, кстати, на своего славного отца ни силой, ни храбростью. Они обратили мое внимание на изображения людей, повозок и лошадей, высеченных на скалах во многих местах. Киргизы сказали мне, что это произведения дочери Букан-батыра. В Буканском ущелье есть множество источников с водою очень чистой и довольно приятной на вкус, хотя и слегка солоноватой. Недалеко отсюда, поблизости от могилы св. Ильдара Аулия, находится источник с очень приятной пресной водой. Он окружен шестью огромными тутовыми деревьями. Это были первые деревья, увиденные мною со времени отъезда из России. Переход через Буккали намного более труден, чем переход через Букан. В 20 верстах на восток находятся колодцы Букан-кудук. Они были засыпаны хивинцами четыре года назад. Я проезжал их на обратном пути. Караваны пополняют теперь свои запасы воды в четырех верстах отсюда у источника Джингюли-булак.

Именно в этих Буканских горах доктор Хонигбергер обнаружил на обратном пути растение, которое он считал подлинным сассапарелем [25].

Мы узнали, что подвластные коканскому хану киргизы из рода жапас совершили в последнее время множество грабежей и разорили несколько аулов в Буканских горах. Эти тревожные слухи вынудили наш караван выбрать дорогу более трудную и длинную, но зато менее опасную. С поспешностью мы пересекли Буканские горы и равнину Тюбелик, где наш проводник Альмат обогнал нас и поехал вперед, чтобы предупредить кушбеги о предстоящем прибытии каравана. Мы шли через Яман-Кызылкумы, гористую местность Со-Сыр-Кара и не считали себя в безопасности, пока не достигли теплого источника, протекающего недалеко от могилы св. Кара-Ата. Мы несколько раз погрузились в священную воду этого источника, чтобы совершить омовение и очиститься, прежде чем ступить на святую, благословенную землю Бухары. Перед могилой, находящейся посреди небольшой тутовой рощицы, посаженной святым Кара-Ата, мы совершили молитву. Я оставался на коленях немного дольше, чем мои спутники, что, естественно, вызвало у них недоуменные вопросы, как я и мог ожидать заранее. И я ответил, что имею счастье молиться здесь впервые. Я решил, что если выдаю себя за мусульманина, то должен быть и таким же лицемерным, как бухарцы. Это напомнило следующий случай — некий бухарский купец, далекий от того, чтобы строго следовать всем предписаниям своей религии (и он был отнюдь не одинок в том), когда ему нужно было уходить из дома в часы молитвы, старательно смачивал свою бороду, так что все встречные на улице думали, что он только что закончил молитву и совершил омовение.

Пески Баткуккумы (пески, в которых увязают), или Яман-Кызылкумы («плохие» красные пески) получили от киргизов

свое название Яман, «плохой», потому что считается, будто здесь совсем нет воды и даже ни единого стебелька травы. Однако на обратном пути в Оренбург мы видели здесь, почти повсюду, немного травы. Это произошло оттого, что снега нынешней весной растаяли гораздо позже, чем в прошлые годы, и до конца мая лили обильные и частые дожди. И каково же было удивление купцов нашего каравана, когда мы нашли здесь повсюду траву. Я не могу забыть простодушия некоторых киргизов, относивших эту милость всевышнего моему присутствию в караване. И вот почему: за два дня до прихода в Яман-Кызылкумы мы говорили об этих песках с некоторыми бухарцами. «Мы счастливо сможем перейти Яман-Кызылкумы,— сказал один из них, бывший муллой,— только если это будет угодно богу!» «Как вы, мулла,— сказал я, прикинувшись удивленным его словам,— можете еще сомневаться в этом? Бог, способный среди голых скал выбить воду, может заставить расти и траву в этих бесплодных песках. Вы должны верить в это». Мулла вынужден был признать, что он неправильно выразил свою мысль. Но через два дня после этого разговора мы вошли в Яман-Кызылкумы, где повсюду нашли траву. И все сразу вспомнили мой ответ мулле. «Смотрите на нашего эльчи-бека *,— говорили киргизы.— Вот мулла, который всегда верит в милость бога и никогда не сомневается в его всемогуществе».

Мы пересекли гору Кызылкак-Таг, оставив справа от нас большой пруд (Как), называемый из-за цвета почвы в этой местности Кызылкак. Далее мы подъехали к источникам Агатма и отсюда к колодцам Назарбай, расположенным в 15 верстах от колодцев Хатун-кудук и верстах в 30 или 32 от Кагатама. Когда мы прибыли в Назарбай, из Бухары ко мне приехал гонец, чтобы сообщить, что кушбеги, узнав, что я прибываю с этим караваном, пожелал скорее меня видеть. Он не мог сам выехать из Бухары, откуда в ближайшие дни должен был провожать хана, и поэтому просил меня, чтобы я обогнал караван и скорее приезжал к нему. Я выехал ночью в сопровождении одного из моих слуг-киргизов и на следующий день, 24 декабря, после полудня въехал в Бухару. За несколько часов я преодолел расстояние в 90 верст. Дорога была грязной и скользкой, местами вода доходила до груди лошади. На всем пути от Кагатама до Бухары мне встречались лишь бедные, убогие деревни с улицами, затопленными черной грязью, из которой лошади наши с трудом могли выбраться, с садами, окруженными как изгородями, так и канавами, полными стоячей зловонной воды. Я въехал в Бухару через ворота Имам. Мой проводник вел меня узкими, кривыми и полными грязи улицами. Мы добрались до стен Арка, дворца, где находится резиденция хана, и въехали в довольно просторный двор, посреди которого на двух кольях

* Обращение «эльчи-бек» означает — «господин посол».

висели два красивых туркменских ковра. Встретил меня мирахур[26] Муса Кули (начальник конюшни).

Он провел меня в другой, менее обширный двор, а оттуда в маленькую и довольно грязную комнату, где я увидел двух неряшливо одетых людей, сидящих на корточках возле сандала (жаровни)[27]. Когда я вошел, они тут же встали. Я сел на плохой ковер возле сандала, совершил короткую молитву, после чего мы некоторое время молчали. В углу комнаты два сокола били крыльями и метались на шесте, на котором сидели, привязанные за правую лапу легкими железными цепочками. Муса Кули оставался во дворе, разговаривая с моим проводником. Он вскоре вошел и спросил у меня, как лучше представить меня кушбеги. «Скажите кушбеги,— ответил я,— что я послан к нему его превосходительством военным губернатором Оренбурга с поручением передать лично ему письмо и подарки от его превосходительства». Муса Кули тотчас вышел, снова оставив меня наедине с моими двумя узбеками, все так же сидящими молча. Этот Муса Кули, перс по происхождению, был рабом кушбеги и ведал его конюшнями. Менее чем через четверть часа он дал мне лошадь и проводил до другого дома, недалеко от дворца. В доме этом, принадлежавшем одному узбеку, родственнику кушбеги*, последний определил мне квартировать. Я вошел в комнату на первом этаже. Единственным украшением ее служил жалкий ковер. Эта холодная, сырая, тесная, грязная и темная комната произвела на меня самое унылое впечатление. Сердце непроизвольно сжималось при мысли о том, что она и должна стать моим жилищем. Мне подали чай. И в это же самое время вошел мой первый гость. После обычного «Хош!» («Добро пожаловать!») он спросил от имени кушбеги, верно ли, что я послан его превосходительством господином военным губернатором Оренбурга и кому предназначено привезенное мною письмо — кушбеги или же эмиру-хазрету (хану). «Кушбеги,— добавил он,— беспокоится, что может быть он что-нибудь неправильно понял». Тогда я повторил ему то, что уже говорил мирахуру и, кроме того, просил моего гостя сказать кушбеги, что подарки, которые я должен передать ему, остались в караване, а караван я обогнал, желая побыстрее предстать перед его особой согласно изъявленному им желанию, и что я просил, чтобы эти подарки были доставлены как можно скорее вместе с моими вещами. Гадигар-бек (так звали моего гостя), казалось, был удивлен и ответил, что передаст мои слова кушбеги. Я уже имел честь изложить в своем первом отчете причины, по каким кушбеги мог подумать, что я был послан с миссией прямо к хану, а также причины, из-за которых у кушбеги возникли сильные опасения и подозрения, столь осложнившие

---

* Как явствует из дальнейшего рассказа П. И. Демезона, хозяином дома, в котором он поселился, был шурин кушбеги — Гадигар-бек.

мое положение. На следующий день Гадигар-бек пришел ко мне вместе с другим человеком, которому кушбеги поручил взять у меня предназначенное ему письмо. Я подумал, что если не воспользуюсь случаем увидеть кушбеги и поговорить с ним, то, быть может, подобная возможность еще долго не представится. Я надеялся, что проявив твердость, смогу преодолеть все мелкие политические хитрости бухарцев. Поэтому я ответил, что вероятно плохо объяснил накануне и сейчас должен повторить, что получил приказание передать письмо лично кушбеги и могу подождать, пока он соблаговолит принять меня. Посланец кушбеги вышел и вернувшись десять минут спустя, объявил, что его превосходительство (так в тексте.— *Сост.*) ожидает меня. В сопровождении Гадигар-бека я тотчас же отправился во дворец. Мы прошли по большой лестнице, которая вела внутрь дворца. Сойдя с лестницы, я вошел в небольшую комнату, где увидел кушбеги, одного, сидящего возле окна, выходившего на площадь Регистан[28]. Гадигар-бек остановился в дверях. Я передал кушбеги письмо. Он положил его рядом с собой и предложил мне сесть. После обыкновенной молитвы он спросил меня о здоровье его величества государя императора и его превосходительства господина военного губернатора Оренбурга. «Мне сказали, что вы мусульманин»,— прибавил он, пристально глядя на меня. «Аль-хам-ду-ль-иллах (слава богу)»,— ответил я, произнеся таким образом тот единственный ответ, какой может дать мусульманин на подобный вопрос. «Я знаю,— сказал он,— что вы недавно находитесь на службе в России, приехав издалека. Человек не может и шагу ступить без воли божьей». Похоже было, что его занимала и преследовала одна мысль, не дававшая ему покоя. Все обнаруживало в нем с трудом скрываемое волнение; как он переводил свой беспокойный и внимательный взгляд с меня на письмо, которое он, выдавая нетерпение, то брал в руки, то клал на место; его молчание... Казалось, он хотел, чтобы письмо вскрыл я, но его самолюбие противилось, и он не мог на это решиться. «Когда вы уезжаете?» — спросил он после довольно-таки длительного молчания, начинавшего смущать меня более, нежели его вопросы. Но этот вопрос, поставленный столь неожиданно, говорил о том, насколько он взволнован, и давал понять, что у него подозрительный характер. Мне следовало остерегаться тех поступков, которые бы могли ухудшить и без того плохое его настроение, и надо было с достоинством рассеять подозрения, какие он имел на мой счет. Поэтому я решил дать ему понять, что хочу провести в Бухаре несколько месяцев. Я знал, что ни один караван не отправится отсюда ранее конца января. «Я нахожусь в распоряжении его превосходительства господина военного губернатора Оренбурга,— ответил я,— и обязан передать ему ваш ответ на переданное вам письмо. Я отправлюсь тогда, когда вы пожелаете, и таким образом, каким вы сочтете нужным. Но его превос-

ходительству господину военному губернатору Оренбурга будет приятно поскорее получить известие о добром здравии эмира-хазрета и вашего превосходительства». Мой ответ, казалось, был ему приятен и немного его успокоил. До сих пор наша беседа шла на узбекском. Но он повернулся к Гадигар-беку и по-персидски сказал ему, что отправит меня обратно с караваном, отбывающим в Россию после священного месяца Рамазана (в конце января). Затем он спросил у него, по-персидски же, знаю ли я персидский. «Наверное,— ответил Гадигар-бек,— раз он знает арабский, на котором он с нами говорил». «Да, конечно, он же мулла»,— сказал тогда кушбеги. Потом он начал рассказывать о дружеских отношениях, какие всегда существовали между Россией и Бухарой. «Во времена Ак-Падши (императрицы Елизаветы) наша торговля с Россией процветала, и многочисленные наши караваны шли в Россию с разнообразными товарами. И при том они платили весьма умеренную пошлину. Но сейчас времена во многом изменились. И бог знает, что еще будет дальше. Но,— он вдруг прервался, увидев слугу, вошедшего с поспешностью во двор,— вы должно быть очень устали, совершив столь длительное путешествие, и особенно после вчерашней быстрой скачки. Так что отдохните. Бог даст, мы еще увидимся». Я испросил позволения удалиться и вместе с Гадигар-беком возвратился домой. Позже Гадигар-бек рассказал мне, почему наша беседа столь внезапно прервалась. Дело в том, что пришел слуга и сообщил о въезде в город хана, и кушбеги обязан был встретить своего повелителя у ворот дворца, у подножия большой лестницы. Когда бухарский хан находится в своей резиденции, во дворце Арк, его визирь (кушбеги) должен находиться подле него и не может ни под каким предлогом никуда отлучаться, даже на короткое время. Когда же кушбеги устраивает для хана пир в одном из своих домов в городе, не он, а один из его сыновей всегда находится рядом с ханом и оказывает ему все необходимые знаки внимания.

Подарки, предназначенные кушбеги, мне привезли вечером, и на следующий день я понес их ему. Как и в прошлый раз меня сопровождал Гадигар-бек. Я вошел в большую комнату, где был встречен Мирзой Закария, доверенным человеком кушбеги. Двое слуг стояли в дверях. Вдоль одной из стен были положены узкие ковры, на них, как я догадался, и следовало положить подарки. Принесли большой сундук, где лежали подарки, и его уже хотели открыть, когда в комнату поспешно вошел человек, являвшийся, как я позднее узнал, одним из ханских телохранителей, и хриплым голосом что-то сказал поднявшемуся сразу со своего места Мирзе Закария. Все, казалось, были ошеломлены. Сундук унесли, ковер убрали, и несколько минут спустя меня пригласили пройти к кушбеги. Хан узнал, что во дворец доставлены подарки и приказал, чтобы они были немедленно принесены к нему.

Я застал кушбеги, окруженного несколькими людьми, сидящим перед сандалом. Мы приветствовали друг друга. «Аббас-Мирза умер в Мешхеде»,— сказал он, пристально глядя на меня. «Все мы принадлежим господу,— отвечал я спокойно,— и все мы рано или поздно к нему возвращаемся». Позже я узнал, почему он так внезапно сообщил мне весть о смерти Аббаса-Мирзы. Ему уже было известно, что я получил от своего начальства приказ собрать сведения о военных действиях Аббаса-Мирзы в Хорасане, куда я также должен был отправиться и, если представится возможность, встретиться с самим Аббасом-Мирзой. Кушбеги стал спрашивать меня о количестве находящихся в России войск и прежде всего — о войсках, расположенных в Оренбурге. В комнату вошел бекбаши мухараджи (командир ханской гвардии), богато одетый, с большим кинжалом за поясом, и передал кушбеги сложенное по-европейски письмо — то самое (я узнал его), которое привез я. Накануне кушбеги передал письмо, вероятно и не распечатывая, хану. Казалось, он только сейчас, впервые, увидел его и обратил на него внимание. Несколько минут спустя некий поляк, раб и оружейный мастер кушбеги, принес в комнату капсюльное ружье — один из подарков, предназначенных кушбеги. «Хан просил меня узнать, каким образом надо стрелять из этого ружья. Ведь у него нет ни кремня, ни полки для пороха. Некоторые бухарские купцы четыре или пять лет назад тоже привозили капсюльные пистолеты. Но они, кажется, были похищены». (Если эти пистолеты попали в руки кушбеги или таможенников, то уж те, конечно, знают, как их можно припрятать). Кушбеги живо схватил ружье. Сначала он со вниманием рассматривал его, а потом, смеясь, сказал своему оружейнику: «Да!.. Займись им, тебе наверное никогда не приходилось держать подобное оружие». «Это разновидность фитильного ружья»,— ответил, нисколько не смущаясь, оружейник. Поляк этот после многих лет службы у кушбеги довольно свободно говорил по-узбекски и по-персидски. Как и остальные невольники в Бухарии, он должен был все дни работать на своего господина, зачастую оставлявшего его даже без хлеба. Когда я дал необходимые пояснения, кушбеги попросил меня показать ему, как пользоваться капсюлем и хотел, чтобы я испробовал один. Я предупредил, что порох, вспыхивая, производит довольно сильный грохот. «Все равно,— сказал кушбеги,— ведь мы находимся у себя дома». Опыт был повторен несколько раз к огромному удовольствию зрителей. Кушбеги доставил себе удовольствие лично комментировать мои действия всем, кто пришел к нему, привлеченный шумом. «Ты хорошо понял все? — сказал он в конце концов оружейнику.— Отнеси ружье к эмиру-хазрету, но предупреди его, чтобы он был поосторожнее. Тамаша бе кюнед — пусть позабавится!». Невольник ушел. Кушбеги снова сделался угрюмым и задумчивым, молчали и все присутствующие. Через несколько минут

я испросил позволения удалиться и вышел от него, не надеясь вновь увидеть его вскоре, ибо он отпустил меня, не попрощавшись и не сказав, что мы увидимся снова. Но немногим более чем через две недели кушбеги опять пригласил меня к себе.

Я постоянно был окружен людьми, шпионившими за мною и следившими за каждым моим шагом. Узбеки были даже настолько неделикатны, что хотели, чтобы мой слуга на ночь ложился в моей комнате. Но я решительно был против, и в этом отношении меня оставили в покое.

Погода была все время очень плохой. Снег и дождь шли почти беспрерывно. Черная жидкая грязь покрывала все улицы и площади. Лошади и повозки буквально плыли в этих разлившихся озерах грязи. Бедные прохожие с трудом передвигались вдоль домов, цепляясь за стены, забегая словно в убежище в лавки и в открытые двери домов, перепрыгивая на какой-нибудь камушек или кусочек доски, чтобы не свалиться в лужу. Ссоры всадников и прохожих, взаимно и очень щедро обливающих друг друга как грязью, так и бранью... Это было уже довольно давно, чтобы припомнить в подробностях всю эту прелесть, эту полную неги и веселья Бухару, чье описание я встретил недавно в одной английской книжке. Время для прогулок было неподходящее, и я оставался дома. Я узнал, что караван, с которым кушбеги хотел отправить меня, будет готов не ранее конца февраля. У меня было еще много времени, и я попытался получше узнать нрав моего хозяина (Гадигар-бека.— *Сост.*) и добиться его доверия. Каждый день он виделся с кушбеги, наверно, рассказывая ему обо всем, что я делал и говорил.

Гадигар-бек — человек лет сорока, грубый и невежественный. Крайне преисполнен самолюбия и презрения к бухарцам-таджикам; высокомерен оттого, что находится в родственных отношениях с кушбеги, женатым на его сестре, и оттого, что легко сумел добиться успеха, проделав однажды на таможне какую-то выгодную для кушбеги махинацию. Он был необыкновенный чревоугодник и скупец. Например, никогда почти не пил чаю у себя дома, а уж тем более с сахаром. «Мое здоровье,— говорил он,— не позволяет мне часто пить чай». Но в гостях он никогда не выпивал меньше пяти-шести чашек сразу, что делал к тому же раза по два-три в день. Но особенно Гадигар-бек не мог скрыть своей ненависти к одному бухарцу-таджику — Мирзе Закария. Когда-то тот был рядовым бедным торговцем. Но благодаря своей наглости и услужливости, совершив множество подлостей, смог войти в доверие к кушбеги, добиться его милости и получить место начальника таможен — уже это было немалой удачей. Хотя Мирза Закария не имел чина (ибо таджик почти никогда не может его получить), он тем не менее пользовался определенными милостями при дворе. Как советник кушбеги и его доверенное лицо, он принимал участие в политических делах и даже несколько раз получал аудиенцию у

хана. Равным образом Мирзу Закария ненавидели и многие другие вельможи-узбеки. Но они все-таки боялись его и старались ему угодить. Таким человеком был Мирза Закария. Быть может у меня еще будет случай рассказать о нем в дальнейшем.

Гадигар-бек занимался торговлей, имел приказчиков, обязанных доставлять его товары в различные уголки России и Туркестана. Он следовал примеру тех узбеков, не очень богатых, которые, утром съездив на поклон к хану, возвращаются в свои караван-сараи и не занимаются ничем, кроме своих тканей и своего хлопка. Мой хозяин тщательнейшим образом исполнял все религиозные обряды. Мы вместе совершали молитвы, затем беседовали о его делах. Его визиты ко мне становились день ото дня все более частыми. Однажды вечером он сообщил, что кушбеги, возможно, пошлет со мной посланника в Россию. Я почувствовал, что он желает быть этим посланником, надеясь в таком случае провезти в Россию беспошлинно несколько шалей. Я польстил ему, сказав, что мне доставит удовольствие выполнить ту же роль для него в России, какую он выполнил для меня в Бухаре. В результате я внушил ему еще большее доверие к себе, а в довершение всего несколько сделанных мною подарков окончательно расположили его ко мне. В итоге за мною меньше следили, лучше ухаживали, и я всегда находился в курсе происходящего в городе и при дворе. Как-то Гадигар-бек дал мне понять, что являясь гостем кушбеги, я не могу искать новых знакомств в Бухаре, не обидев его. Я поблагодарил его за предупреждение. Ниже я расскажу Вашему превосходительству об одном очень интересном знакомстве — с главой духовенства, шейх-уль-исламом ишаном[29] Султан-ханом.

Вот уже несколько недель я находился в Бухаре, а мне все еще не удавалось найти киргиза, которому можно было поручить доставить мое письмо в Россию. Зима стояла суровая, бураны были страшные и частые, дороги — небезопасны (в Бухаре говорили тогда о грабежах, совершаемых киргизами, пришедшими из Туркестана). Мне называли нереальные цены и ставили условия еще более невозможные. Тому, кто взялся бы доставить письмо, я должен был, например, заплатить сразу 100 тилла (1500 рублей) и, кроме того, доверяя кому-либо письмо, мне оставалось полагаться на божью милость, чтобы оно было доставлено. Помимо всего я должен был предоставить гонцу две лошади, бестолку истратив пять или даже шесть сотен рублей. В конце концов 26 февраля я нашел все-таки киргиза, согласившегося отправиться с моим поручением. Я отослал его тотчас же, но мне не повезло. Двенадцать дней спустя он вернулся обратно. Он рассказал мне, что на расстоянии трех дней пути от Бухары ему повстречались киргизы рода жапас. Увидев его верхом на хорошей лошади, они бросились на него, ранили и ограбили. Письмо мое было тотчас сожжено вместе с другими письмами из Бухары, среди которых было и письмо доктора Хо-

нигбергера. Пробыв два дня в плену, киргиз пешком вернулся в Бухару. Показывая мне довольно глубокую рану, он сказал: «Так меня ранили пикой». Доктор Хонигбергер и медик из Бухары осмотрели рану и пришли к заключению, что киргиз действительно говорил правду. Я вынужден был поверить, несмотря на все мои сомнения в правдивости этой истории. Не был ли сам кушбеги причастен к этому делу?

Бухарцам-таджикам не особенно нравилось, что я жил в доме Гадигар-бека, так как они хотели, чтобы я постоянно был у них на виду. Но они не осмеливались войти в дом узбека и тем более такого высокопоставленного и могущественного, каким был мой хозяин. Они должны были всегда бояться его и рисковали услышать от него какое-нибудь оскорбление. Поэтому они строили всяческие интриги перед Мирзой Закария и перед кушбеги, добиваясь, чтобы я перебрался в дом любого из богатых купцов. Кушбеги вызвал меня к себе и сказал, что определил для меня до самого моего отъезда новую квартиру, по его мнению наиболее спокойную и удобную, к тому же расположенную в самом оживленном квартале и центре города. Я подозревал, что бухарцы говорили кушбеги будто я недоволен своим хозяином Гадигар-беком и постоянно на него жалуюсь. И поэтому я намереваюсь, когда буду уезжать, отблагодарить кушбеги за его гостеприимство не очень щедро.

Наверно, кушбеги ожидал услышать от меня какие-либо другие слова и казался взволнованным. «Довольны ли вы Гадигар-беком?» — спросил он у меня после короткого молчания и с некоторым оттенком сомнения в голосе. «Вполне доволен»,— отвечал я ему. Он снова остановил на мне свой внимательный, пристальный взгляд, как будто для того, чтобы на моем лице прочитать — правду ли я говорю. Затем он сказал: «Это хорошо. Ведь Гадигар-бек получил приказание хорошо принять вас. Я надеюсь, что вы будете еще более довольны Максумом (это имя моего нового хозяина). Сегодня вечером он придет в дом Гадигар-бека, чтобы познакомиться с вами». Кушбеги начал разговаривать с другими людьми, бывшими у него и пришедшими раньше меня. Я вышел от кушбеги. Гадигар-бек понял все так же хорошо, как и я, и к прежним обидам на Мирзу Закария добавилась еще одна.

Мои встречи с кушбеги складывались всегда не совсем удачно. Когда я приходил во дворец, я неизменно заставал у него много людей и никак не мог остаться с кушбеги наедине. Ваше превосходительство, изволите вспомнить, какого рода были ходившие по Бухаре слухи о целях моего путешествия. Они могли восстановить кушбеги против меня, возбудив у него опасения и подозрения. Он проверял меня довольно часто. Однажды, это было в начале февраля, он вызвал меня к себе. Я застал у него многочисленное общество. «Мирза,— сказал он,— мне сообщили, что один из наших караванов отправится в Россию через десять

дней. К этому времени будет готов и ответ на письмо его превосходительства господина военного губернатора Оренбурга. Хотите ли вы уехать с этим караваном?» «Я совершенно готов»,— ответил я ему. «И это не помешает вашим планам?» — «Нисколько! С тех пор, как я передал вашему превосходительству письмо, с коим был послан к вам, я ожидал лишь вашего ответа и разрешения отправиться в обратный путь».— «Очень хорошо,— сказал он.— Да, такова служба! Всегда надо быть готовым сесть в седло».

Он поговорил еще с некоторым раздражением о чрезмерных пошлинах на русских таможнях, и прежде всего о пошлинах на бухарские товары, а затем повернулся к бухарцам и громко сказал: «Русский посол, приезжавший несколько лет назад, обещал нам бог знает чего — и то, что таможенные пошлины будут снижены, и что обязательно каждый год русский военный отряд будет сопровождать один наш караван. А что же на самом деле? Пошлины до сих пор остаются прежними. Военный отряд, обязанный сопровождать и охранять наш караван до самой Бухары, бросает его, оставляя на разграбление, и при этом не сообщает нам ничего о том, перешел ли караван Сырдарью, где он сейчас находится и то, что его больше никто не охраняет... Что же нам делать, если и дальше дела будут обстоять подобным образом?» Не знаю почему, но пылкий тон, каким он все это сказал, мне показался неискренним. Я думаю, что вся пылкость его слов была направлена на то, чтобы лишний раз порисоваться перед присутствовавшими бухарцами, нежели была выражением горячей заботы об их товарах и караванах. «Сегодня,— сказал он более спокойным. тоном, вновь повернувшись ко мне,— скажите нам вы, Мирза Джафар, что последует за вашим визитом?» Так как прямо ко мне была обращена лишь последняя фраза и поскольку я должен был стараться избегать двойственности и столкновений в моих отношениях с бухарцами и прежде всего с кушбеги, я ограничился следующим ответом: «Если угодно будет правителям двух стран, преисполненным доброты и милосердия, то они извлекут из моего визита взаимную и добрую выгоду в делах торговли между Бухарой и Россией. По возвращении в Оренбург, если господь даст мне вернуться целым и невредимым, я могу, если вы пожелаете, передать предложения эмира-хазрета его превосходительству военному губернатору Оренбурга, имеющему, как вы могли заключить из письма, которое я имел честь вручить вам, свой продуманный план решительных действий, направленных на улучшение торговли между Россией и Бухарией. С этой именно целью я и был послан. Господь во всем своем могуществе служит всегда самым слабым своим созданиям, чтобы показать свое всесилие и милосердие».

«Это правда, это справедливо, Мирза Джафар, совершенно разумно. Бог всемогущ. На все есть воля божья». Последние

его слова могли свидетельствовать, что наш разговор на эту тему окончен. Я не знаю, остался ли он доволен моим сдержанным ответом, но минуту спустя он сказал мне: «Вы редко выходите на люди, Мирза, все-таки погода становится лучше — прогуляйтесь, посмотрите наш город. И иногда заходите ко мне, не ждите для этого моего специального приглашения». Впервые получил я от него подобный знак внимания и впервые услышал подобные любезные слова. Я поблагодарил его за доброту и сказал, что не премину воспользоваться его приглашением.

Кушбеги сказал, чтобы я готовился к отъезду через десять дней. Но наступил уже конец февраля, и караван, направлявшийся в Оренбург, покинул Бухару, а меня с ним не отправили. Одному купцу из этого каравана я передал свое письмо и позже с радостью узнал, что оно благополучно дошло по назначению. Ранее я посылал еще одного гонца в Россию, но его постигла почти та же участь, что и первого, о котором я уже рассказывал раньше. Он добрался до аулов кичкине чикли, где на него напали и пленили на пять дней. Ему оставили лошадь и данное мною письмо, но отобрали одежду, оружие и 150 рублей, которые я дал ему для покупки лошади в случае необходимости. Измученный и уставший, умирающий от голода, он вернулся обратно, когда я считал, что он уже должен быть у русских границ.

Я с удовольствием отметил, что слежка за мною людей кушбеги стала гораздо слабее. Лица, меня окружавшие, тоже проявляли большее почтение. У меня появилось больше возможностей избежать их надзора и побродить по городу, завести кое-какие знакомства.

В конце марта мне удалось познакомиться с несколькими муллами (табиб, aspirans), изучающими теологию в колледжах, медресе. Я присутствовал на их занятиях и теологических дискуссиях, в которых иногда принимал участие. В медресе я всегда приходил один и одетым просто. Я выдавал себя за мусульманина и муллу. Мне удалось избежать того излишнего любопытства, подозрений и тех вопросов, которые могли бы привести меня в замешательство. Более месяца я посещал медресе, и ни один мулла не спросил у меня за это время, откуда я и кто я такой. Не могу забыть удивления некоторых моих знакомых из медресе, когда они увидели однажды, как я подъехал верхом в сопровождении своего слуги к воротам дворца, как всегда, когда я посещал его, одетый по-узбекски.

Вот какие предметы изучают муллы во время долголетнего пребывания в медресе: арабская грамота и письменность, различные толкования корана (они предпочитают толкования казы Байзави), некоторые сочинения по риторике Ильми Менлика. Сочинение Омри Калиби и его толкования Аллама Тафтазани являются наиболее ценными произведениями по астрономии. Заглавие сочинения Калиби — «Хикмат ал-Айн» — «Мудрость

взгляда». Слово «Айн» означает по-арабски также «источник». Поэтому муллы никогда не будут говорить с вами об этом сочинении, не сказав вам с пафосом: «Хикмат ал-Айн — Айн ал-Хикмат»,— то есть — «Мудрость взгляда есть источник мудрости».

Изучаются также религиозные предания и их толкования. Обучение заканчивается небольшим курсом юриспруденции. Это «Фурани Фек» («Начала юриспруденции»), составленные Убейдуллой, сыном Таджи Шарие. Некоторые муллы знают также два-три сочинения по истории. Такие, например, как «Хабибас — Сияр» и «Раузат ас Сафа». Они с удовольствием читают стихи и макамы Руми, Мирзы Бедиля, Хафиза, Саади, Исмата, Касима и Навои. Право, жаль видеть многих мулл, посвятивших двадцать, а зачастую и тридцать лет жизни, чтобы заучить наизусть семь-восемь сочинений по теологии. Из-за религиозных традиций и условий жизни их исторические и астрономические познания расплывчаты и часто ложны. Я не говорю уже о географии, о коей они вообще не имеют никакого представления. Медресе Бухары пользуются большой известностью во всем Туркестане. Сюда приезжают студенты из Хивы, Кокана, Гисара, даже Самарканда, из многих татарских областей. Надо сказать, что Самарканд, эта древняя столица, выходцами из которой были многие муллы и сам шейх-уль-ислам, день ото дня становится все более заброшенной. Мечети, медресе приходят в упадок, и, чтобы заниматься, муллы вынуждены идти в Бухару. В Бухаре насчитывается до 60 медресе, более или менее богато устроенных. У каждой медресе есть свой мустакофи, назначенный ханом. Это куратор, обязанный собирать налоги или же вакф[30], причитающийся медресе, и распределять деньги между преподавателями (мударисами) и их учениками.

Школы (мактаб) гораздо более многочисленны. Они существуют при каждой мечети. В них дети учатся читать, писать и нараспев произносить первую главу корана и три-четыре последние, наиболее часто повторяющиеся во время молитвы, потому что они гораздо менее длинные, чем другие. Школы эти производят поначалу странное впечатление — они находятся на приподнятой на несколько футов над уровнем всей улицы площадке. Войдя же внутрь, понимаешь, зачем это сделано. Все дети помещаются как бы в небольшой яме полтора фута глубиной. В ней они могут лишь с трудом повернуться. С помощью этого «хитроумного изобретения», по словам учителей, они находят способ использовать пол вместо стола и в то же время заставлять детей сидеть спокойно на своих местах. Если бы эти школы располагались на площадках менее приподнятых, то углубление было бы всегда сырым и даже в некоторых кварталах могло быть затоплено в межсезонье. Легко себе представить положение бедных маленьких существ, опущенных до

самого подбородка под землю, в которых тычет своей указкой мулла-учитель, воспевающих из глубины своей ямы тонкими голосами величие господа и пророка.

Очень интересным было для меня знакомство с одним из первых сановников Бухары — шейх-уль-исламом (главой духовенства) — ишаном Султан-ханом Ходжой. Этот старец, выходец из Самарканда, по прямой линии происходил от святого Ахрар Аулия, почитаемого во всем Туркестане. Проведя несколько лет на службе у коканского хана, он вернулся в Самарканд, откуда покойный Мир Хайдар пригласил его в Бухару и предложил место шейх-уль-ислама, от которого он не мог отказаться. Его происхождение, светлый ум, звание — обеспечивали ему возможность быть принятым при дворе. Он не хотел мешать кушбеги, и тот всегда проявлял к нему самое большое уважение. Но они взаимно опасались и остерегались друг друга. Ишан Султан-хан не принимал никакого участия в политических делах и не хотел в них вмешиваться, как это делали, говорят, его предшественники, потерявшие в результате интриг кушбеги свое место. Его характер, гордый и независимый, был хорошо известен хану. Ишан Султан-хан часто с иронией указывал ему на ту большую лесть, какой хан окружен. Я расскажу только об одном случае. Однажды после молитвы, происходившей в мечети дворца, на которой присутствовал шейх-уль-ислам, хан оставался на коленях дольше, чем обычно. Все присутствующие решили поступить точно так же и тоже оставались на коленях. Лишь шейх-уль-ислам поднялся, вышел из мечети во двор и там ожидал хана. Тот не замедлил спросить у него, почему же он сразу вышел после молитвы. «Потому что молитва уже закончилась,— отвечал старец,— разве вы хотели, чтобы я поступил так же, как все те, кто остался в мечети, чтобы находиться не перед глазами господа, а перед глазами вашего величества?» И хан не упрекнул его. Кажется он доволен выбором, сделанным его отцом.

Султан-хан страстно любил поэзию, и сам сочинял с успехом. Его яркий ум и великолепные стихи создали ему имя в ученом мире Туркестана. В его обществе я провел несколько приятных часов. Мы говорили о географии (о которой, правда, этот ученый не имел почти никакого представления), литературе, поэзии и о многом другом. Я прочитал ему отрывки из стихов нескольких арабских поэтов, которых он не знал. Память хорошо помогла мне два или три раза, когда на отдельные его вопросы я мог ответить стихами наиболее ценимых им персидских поэтов. В свою очередь, он прочитал мне некоторые свои стихи.

Его интересовали вопросы, связанные с Персией, арабскими странами, Турцией и, конечно же, Европой. Расспрашивал он также об искусстве, науке, какой он занимался. Когда мы познакомились ближе, он рассказывал мне о медицине, химии

(kimia, слово, означающее у них почти исключительно искусство приготовления золота), о проводимых им многочисленных опытах для изготовления эликсира молодости. Он непременно хотел получить золото и тратил на опыты все силы. Однажды он попросил меня сказать ему откровенно, что на этот счет думают ученые Феринги стана[31]. Я не хотел разочаровать его и ответил так, чтобы его успокоить. «Хорошо! — сказал он с тяжелым вздохом,— еще несколько попыток и затем я успокоюсь». Но я думаю, что подобное может случиться лишь с его смертью...

Он говорил, не боясь, о своем правительстве, о слабости, проявленной ханом в последних войнах с Коканом. Именно от него я узнал о последнем приезде в Бухару коканских посланников, о цели их миссии и итогах переговоров. Последующие события всегда подтверждали правильность и точность тех фактов политической жизни Бухарии, какие я имел случай узнать от него.

Султан-хан не любил свое правительство. А самого его считали слишком либеральным по взглядам, и поэтому те, кто пытался заслужить благосклонность хана и его первого министра, часто даже избегали с ним встреч. Родной сын Султан-хана в настоящее время находится на службе у коканского хана и пребывает у него в милости. Именно из одного из его писем к отцу я узнал, что афганский принц Шахзаде Фаррух выехал в конце зимы 1833 г. из Оренбурга в Кокан, в мае 1834 г. находился еще в Кокане, где был очень хорошо принят ханом, обходившимся с ним с большим почтением. Здесь до него дошло известие о смерти самого младшего из трех его сыновей. Но несмотря на это, таков уж характер принца, он не переменил своих намерений и, оставив в Кокане свою семью под покровительством хана, отправился в паломничество в Мекку. Другими словами — посмотреть мир. Именно с этой целью он, наверное, и приезжал в Россию.

Султан-хан, так же как и я, не хотел, чтобы кушбеги знал о наших встречах. И это было для меня гарантией его искренности.

На прогулки по городу или к Султан-хану я всегда отправлялся пешком. Тем самым я избегал присмотра своего слуги, который должен был бы сопровождать меня, если бы я поехал верхом. В первый раз, когда я приехал верхом к Султан-хану, он приказал одному из своих слуг отвести мою лошадь на конюшню во втором дворе, опасаясь, как бы кто-нибудь ее не узнал или не поинтересовался, кому она принадлежит. «Извините,— сказал он мне по-персидски, когда в следующий раз я сказал ему, что пришел пешком,— вы еще молоды, но я вижу, что вас уже не надо учить благоразумию. Джахан диде, похта — вы знаете мир, вы вполне мудры». Этот комплимент вполне в персидском духе. Султан-хан, хотя и был шейх-уль-исламом, но у себя дома курил, как почти все знатные узбеки, не

особо опасаясь гнева хана, строго запретившего любое курение, ибо это воспрещено кораном. Тот, кто нарушит этот запрет, должен быть наказан палками и провезен по городу на осле, сидящим лицом к хвосту. Это наказание было уже применено к некоторым бухарцам. Бухарцы опасаются и курят только тайком. Но знатные узбеки более смелы и знают, что сыщики не осмелятся войти к ним в дом. Так как я был иностранцем и гостем, я курил у себя, не стесняясь и не ограничивая себя. Кушбеги, хорошо осведомленный обо всем, что я делаю у себя дома, однажды спросил у меня, часто ли я курю. «Каждый день,— отвечал я,— и, если угодно господу, я курю столько же, сколько халиф» (султан Константинополя считается у всех суннитов первым имамом и наместником пророка).

Кушбеги уже три раза объявлял мне об очередном отправлении каравана и говорил, что если я буду готов, то могу сразу же отправиться. И каждый раз я отвечал, что ожидаю лишь его ответа на письмо и разрешения.

Доктор Мартин Хонигбергер, приехавший в Бухару из Кабула на несколько недель позже меня, равным образом был для кушбеги предметом подозрений и опасений. Он считал его английским агентом и шпионом. Кушбеги полагал, что доктор намерен вернуться в Индию, хотя тот объявил, что хочет дальше ехать в Россию и что он уедет вместе со мною. Часто с усмешкой кушбеги повторял доктору, чтобы тот был готов, ибо караван в Кабул вот-вот отправится. У доктора некоторое время были также планы поехать посмотреть Самарканд и его окрестности. И об этом знал кушбеги. Но в дальнейшем доктор отказался от своих планов из-за опасностей, какие могли возникнуть во время этого путешествия. Он решил отправить туда своего слугу, афганца Сеида Махди и просил у кушбеги пропуск для него. Это было 31 марта. Такая просьба, разумеется, пробудила в кушбеги новые подозрения, и он решил проверить нас с доктором одновременно. Назавтра рано утром он вызвал к себе доктора и сказал ему, что якобы я уезжаю через три дня с караваном в 40 повозок и в сопровождении 100 всадников. Кушбеги спрашивал, хочет ли доктор воспользоваться этой возможностью и ехать в Россию. Доктор выразил сомнения насчет безопасности каравана, отправляющегося со столь небольшим сопровождением. «Если вы предпочтете еще остаться здесь,— сказал кушбеги,— то тогда вы сможете отправиться через полтора месяца с большим караваном. А за это время вы могли бы совершить путешествие в Самарканд». Доктор, введенный в заблуждение предложением кушбеги, признался ему, что предпочитает подождать отправления более многочисленного каравана и посетить пока Самарканд. «Сделайте одолжение,— сказал тогда кушбеги,— пойдите к эльчи-беку (так начал величать меня кушбеги с тех пор, как стал оказывать мне особенное внимание) и от моего имени спросите у него, хочет ли он уехать

через два дня». Доктор немедленно пришел ко мне и рассказал обо всем, что узнал, и о своем решении посетить Самарканд. Я тотчас же отправился к кушбеги. Я поблагодарил его за данную мне надежду на скорый отъезд. «Я получил от эмира-хазрета,— сказал он,— распоряжения насчет вашего отъезда. Надеюсь, что вы сможете тронуться в путь в самое ближайшее время вместе с небольшим караваном. Мы передадим вам письмо для его превосходительства военного губернатора Оренбурга, куда вы, даст бог (иншалла) прибудете целым и невредимым». «Иншалла»,— ответил я. «Феринг не поедет с вами,— прибавил кушбеги,— он предпочитает дожидаться отправления другого каравана и просил у меня разрешения поехать в Самарканд, я его ему дал. Эти феринги любопытны! Всё они хотят увидеть. А у нас путешественники пользуются полной свободой...» Но несмотря на все его уверения и обещания, мы выехали из Бухары лишь через два месяца, и ни доктор, ни его слуга так и не смогли посетить Самарканд. «Я сейчас хорошо понял,— сказал мне доктор через некоторое время после беседы с кушбеги,— что кушбеги хотел ввести меня в заблуждение и проверить. Теперь он вновь относится ко мне как к англичанину и чужестранцу, и когда недавно я вновь сказал ему, что хочу ехать в Россию, он ответил с ехидством: «Да, от Самарканда до Бадахшана всего несколько дней пути, а оттуда очень просто добраться до Кашмира и в Индию». Далее доктор сказал: «Отныне я не буду больше и заговаривать о путешествии в Самарканд. Я обязательно уеду вместе с вами, ибо если останусь дольше вас, то их подозрения на мой счет, без сомнения, усилятся еще более, и я не буду в безопасности, в особенности если они узнают, что у меня есть деньги, которые скрываю до сих пор». Я не мог не заметить еще такого удивительного совпадения — кушбеги соврал нам именно 1 апреля...

Наконец, после более трех месяцев тягостного чувства стесненности при встречах с кушбеги я с удивлением увидел его более приветливым и доверчивым по отношению ко мне. Он стал принимать меня вечерами — в то время, когда я мог застать его одного. Это обстоятельство настраивало против меня купцов, старавшихся отдалить меня от кушбеги и прежде всего помешать нам встречаться наедине. Оставив тот холодный и нередко резкий тон, какой бывал у него раньше, кушбеги просил меня приходить к нему почаще. Я имел честь сообщать в моем первом отчете слова кушбеги, касающиеся упадка торговли между Россией и Бухарой, опасностей, какие поджидают их караваны на пути в Россию, возможности строительства двух крепостей на Сырдарье. Он говорил мне также довольно часто, что бухарский хан надеется принять у себя посольство его величества государя императора. Согласно данному мне приказу я нашел возможность поговорить с кушбеги о находящихся в Бухаре русских пленных и о том, что хан, освободив некоторых из них,

сможет проявить тем самым дружелюбие к нашему правительству. «Мирза,— ответил мне кушбеги,— я сам очень желал бы сделать это. Но это невозможно, и вы сами знаете почему. Ведь это противно нашим обычаям, и до сих пор у нас не случалось. Мы не берем пленников сами, но покупаем невольников за деньги». Тогда я напомнил ему, что по корану отпустить на свободу невольника — значит совершить поступок, достойный похвалы в глазах всевышнего. И прибавил, что он сам хорошо знает, без того, чтобы его слуга напомнил ему, что для него нет ничего невозможного. После короткого раздумья он сказал голосом добрым и спокойным, но тоном, не оставляющим мне почти никакой надежды: «Ладно, Мирза. Я попытаюсь сделать это и, если будет угодно богу, сделаю. Я поговорю с эмиром-хазретом». Мне пришлось ждать нового благоприятного случая, когда кушбеги будет в добром расположении духа, чтобы опять коснуться столь деликатного вопроса. За несколько дней до моего отъезда из Бухары он сказал мне, в конце концов, что осуществить это все-таки невозможно, по крайней мере сейчас. Но у него есть тем не менее надежда, что хан будет более сговорчив, когда примет посольство его величества государя императора. «Мы можем,— добавил он улыбаясь,— смотреть сквозь пальцы на то, что отсюда будут тайно отпускать каждый год четыре-пять русских невольников. Но делать это открыто — другое дело. Скажите об этом от моего имени его превосходительству господину военному губернатору Оренбурга». За две недели перед этим разговором с кушбеги мне посчастливилось способствовать бегству из Бухары двух русских невольников, купленных у хивинцев. Некоторое время спустя после моего возвращения в Оренбург, однажды утром они пришли ко мне и со слезами на глазах благодарили за то, что они вновь свободны и возвратились на родину. И это было для меня хорошим вознаграждением за все те тяготы, что я перенес за время моего путешествия. С нашим караваном я отправил в Россию и двух других невольников. Они присоединились к нам в двух днях пути от Бухары.

Наступила уже середина мая — время, когда летний караван обычно отправляется в Орск, а кушбеги ничего не говорил о моем отъезде. Я уже начал беспокоиться, когда вечером 19 мая он вызвал меня к себе. Войдя к нему, я застал его занятым взвешиванием каких-то лекарств, отправленных им затем хану в ящичке, закрытом на ключ и запечатанном. Другой ключ от этого ящичка был у хана. (Таким же образом кушбеги отправлял хану все блюда для его стола, после того, как пробовал их сам.) Он попросил меня сесть рядом. Во время наших бесед я всегда обращал внимание на свойственный ему тон. Приведу здесь пример его речи. «Итак, Мирза Джафар,— сказал он, отослав ящичек и повернувшись ко мне,— вы еще надолго думаете оставаться уже после того, как получите ответ на письмо, при-

везенное вами, и разрешение на ваш отъезд?» «Я надеюсь, что недолго, если это будет угодно господу,— ответил я,— уеду сразу же как только мир кушбеги удостоит меня вниманием и получит у эмира-хазрета разрешение на мой отъезд». «Баракалла! Баракалла! — воскликнул он.— Вы ошибаетесь, Мирза, кушбеги помнит о вас и делает для вас больше, чем вы считаете. Вы не видели еще наше Солнце (хана)?» «Нет, ваше превосходительство, к моему великому сожалению. Я видел только самую яркую звезду на прекрасном небосводе Бухарии, но я еще не имел счастья любоваться его солнцем». «Вы увидите его, если будет угодно господу. Я добьюсь разрешения и представлю вас эмиру-хазрету перед вашим отъездом». Затем он заговорил о письме, которое передаст мне для Вашего превосходительства, и о трех статьях, его составляющих. «Что касается других вопросов, о коих мы говорили ранее,— добавил он,— вы вспомните их, если угодно будет господу, и на словах передадите о них от моего имени его превосходительству военному губернатору Оренбурга». Свое письмо — ответ на письмо Вашего превосходительства кушбеги обязательно должен был показать хану. Лишь хан мог решить те вопросы, о которых шла речь в полученном письме, поэтому кушбеги должен был предстать пред своим милостивым господином с покорностью самого преданного раба. Точно так же дело обстояло бы и во время следующей русской миссии в Бухару. Кушбеги боялся скомпрометировать себя какими-либо обязательствами, и именно это было причиной столь сдержанного тона его ответа.

Представляя меня хану, кушбеги ставил целью показать всем вельможам — своим врагам, какое покровительство он может получить у своего господина для лица, посланного лично к нему.

Он предупредил, что 23 мая ждет меня, чтобы представить хану. В этот день хан устраивал прием во дворце, и именно его кушбеги выбрал, чтобы представить меня. Придя к кушбеги, я узнал, что он опередил меня и пошел доложить обо мне хану.

Удайчи, церемониймейстер, ввел меня, держа под руку, в просторный двор в виде продолговатого четырехугольника. В глубине его, на приподнятой на четыре-пять футов над землей галерее хан, окруженный первыми чинами государства, был занят тем, что творил суд над своими подданными, сидящими во дворе в 30 шагах от него. Юные слуги подносили прошения, зачитываемые затем хану достарханчи (докладчик в государственном совете). Когда я приблизился на десять шагов к портику, удайчи громким голосом объявил обо мне хану, знаком предложившему мне сесть. Затем я совершил обычную молитву во имя долгой жизни и долгих лет правления хана. Во время нее все присутствующие со всех сторон повторяли «Аминь» и «Аллах акбар». Почти сразу же после этого я вышел, сопровождаемый так же, как и когда входил, удайчи. Выйдя со двора

приемов, я был препровожден к кушбеги, где для меня был приготовлен чай и варенья. Вскоре вошел сам кушбеги. Лицо его было довольное и улыбающееся. «Ну как, Мирза Джафар! — сказал он, обхватив меня рукой.— Вы довольны? Вот что мы делаем для посланников!» Я снова поблагодарил его за проявленные ко мне внимание и милость. Он просил меня прийти завтра вечером в один из его домов в городе, взять подарки и письмо для Вашего превосходительства и разрешение на отъезд, по получении коего я должен был сразу же выехать. В беседе, состоявшейся на следующий день, он осыпал меня многочисленными комплиментами в адрес Вашего превосходительства и вновь сказал о своей надежде увидеть вскоре в Бухаре посольство его величества государя императора. Затем, намекая на один мой ответ, данный как-то ему в присутствии других лиц, он сказал: «Однажды вы очень хорошо ответили мне, Мирза, что господь помогает тем, кто больше благодарит его за милосердие. Бог воздаст вам, и я надеюсь, мы еще раз увидимся здесь, иншалла! Передайте его превосходительству, что все мы надеемся на милость божью, а также хотим согласия и понимания между нашими двумя государствами». После обычной молитвы (фатиха) и последнего обмена любезностями я испросил позволения удалиться. В тот же день я покинул Бухару, сопровождаемый моим хозяином, получившим от кушбеги приказание проводить меня до того места, где я должен был присоединиться к нашему каравану, в двух днях пути от Бухары.

Караван сразу же выступил из Кагатама и без происшествий продвигался примерно тем же путем, что я ехал в Бухару. Хотя стояла сильная жара и дневные переходы были очень большие, мы не испытали и половины тех мук, какие нам довелось перенести зимой. Спустя 33 дня после нашего выхода из Бухары мы были в 280 верстах от русских границ. Здесь я оставил караван и в сопровождении двух бухарцев, слуги и еще одного киргиза, бывшего у нас проводником, 31 июля в 3 часа пополудни благополучно достиг Орской, откуда спустя еще два дня выехал в Оренбург.

Я имею честь присовокупить здесь некоторые мои заметки о Бухарии, ее столице, торговле, нынешнем хане, о том, как он взошел на трон, и политических событиях, происшедших в Туркестане в последние годы.

Месяц, число	Время в пути, ч.	Ночлег	Вода	Фураж	Топливо
Ноябрь					
10	$3^{1/4}$	около озера Ачи-Камар	хорошая	хороший	нет
11	$5^{1/2}$	в Тюкан-Убаси около Ори	»	»	»
12	$7^{1/2}$	между ручьями Тальку-бай и *Камышхакли*	»	»	»
13	9	около ручья Юнгабар, после перехода через Ямбар-булак, оставив на востоке Ямбар-Оба (могила св. Ямбара)	дурная	»	»
14	$9^{1/2}$	в трех верстах от источника Маролия-Бердине-Аулия, после того, как пересекли Камышли неподалеку от Буюк-Тюбе	вода из снега	»	»
15	$6^{1/2}$	в Икшит-Иргиз	хорошая	»	»
16	$7^{1/2}$	в безымянном месте	вода из снега	»	»
17	7.	в пяти верстах от пресного источника Зергеркуль, в безымянном месте, после того, как оставили на востоке пресное озеро Кунали у горы с таким же названием	нет	»	—
18	10	в безымянном месте, после того, как проехали неподалеку от соленого озера Сор-Кара-Се и кудука (колодца) с таким же названием	»	»	—
19	$5^{3/4}$	около колодца Шулак-Джеди	довольно хорошая	немного травы	—
20	12	в безымянном месте, после того, как пересекли Шулак-Джеди-сор, оставив на востоке *Кунгур-Тюбе* и пройдя рядом с Чихиль-кудук (Сорок колодцев), где все запасаются водой	нет	нет	—
21	7	на берегах Тилькара, оставив на западе горы Кызыл-Кубак и Кубан-Кубак	хорошая	трава	джингил
22.		Большой привал			
23	7	в безымянном месте. Здесь большое количество Schil (тростник, из которого делают циновки)	вода из снега	мало	нет

Продолжение

Месяц, число	Время в пути, ч.	Ночлег	Вода	Фураж	Топливо
24	$6^{1/2}$	в восьми верстах от соленого озера Ходжакуль, откуда выпаривают много соли	нет	»	»
25	$6^{1/2}$	около источников Куйанти-Чикли, перейдя Улукиргиз	вода	хорошая трава	язген
26	$7^{1/2}$	около Сор-Калмас, пройдя рядом с могилой Джан-Бура и озером Кильди; в первый раз обнаружили несколько кустарников саксаула	нет	хороший	саксаул
27	$4^{1/2}$	в безымянном месте	»	мало	»
28	7	в безымянном месте	»	довольно травы	достаточно кизила,
29	6	в Сарыгюен	»	хороший	язген
30	7	на равнине Музбиль	»	мало	саксаул и язген
Декабрь					
1	$6^{1/2}$	в безымянном месте, пройдя рядом с Джуван-Тюбе и источником Мурун-кудук	»	»	густой саксаул
2	$6^{1/4}$	в безымянном месте	нет	мало	саксаул и язген
3	$7^{1/2}$	в безымянном месте	»	»	язген
4	7	в безымянном месте, пройдя около соленых озер Сорбулак и Ак-булак, находящихся друг от друга примерно в двух верстах. Здесь есть соль. На берегах этих озер находятся два пресных источника: Сор-кудук и Ак-кудук	»	»	несколько кустарников саксаула и язген
5	6	на берегах Сырдарьи	хорошая	трава, тростник	нет
6	$2^{1/2}$	в десяти верстах от Сырдарьи, перейдя ее в $1^{1/2}$ верстах от могилы св. Хоссум Ходжи Аулия	нет	хороший	густые кустарники язгена
7—8		Большой привал			
9	4	в безымянном месте	нет	трава	нет

Продолжение

Месяц, число	Время в пути, ч.	Ночлег	Вода	Фураж	Топливо
10	5	на берегах Кувандарьи	хорошая	хороший	тростник
11		Большой привал			
12	$4^{1/2}$	в местечке Хоссу, пройдя по землям, которые когда-то давно возделывались и где находятся небольшие высохшие русла	нет	»	кустарник
13	$6^{3/4}$	*в безымянном месте*	»	*мало*	*немного* тростника
14	$8^{1/2}$	в безымянном месте, пройдя недалеко от двух ручьев Куш-кудук	»	»	нет
15	$9^{1/2}$	в безымянном месте, после того как перешли высохшее русло реки, ранее впадавшей в Яныдарью, и пройдя около ручьев Буро	»	»	много саксаула
16	1	Привал. В безымянном месте, в зарослях саксаула	»	хороший	саксаул
17	$4^{1/2}$	в безымянном месте, в зарослях саксаула, в десяти верстах от Яныдарьи, перейдя ее высохшее русло недалеко от развалин у колодцев Серти-Там и ручья с таким же названием, оставив слева в четырех верстах гору Иргизкук-Тюбе, откуда можно наблюдать Беш-Тюбе	нет	хороший	саксаул
18	13	около Кызылкук, пройдя Янгуар-Тюбе	»	мало	кустарник
19	$12^{1/2}$	на Буканской равнине в 19 верстах от Буканских гор	»	»	язген
20	12	на равнине Тюбелик в пяти верстах от Буканских гор	»	довольно	нет
21	13	в безымянном месте	»	нет	язген
22	$10^{1/2}$	в Яман-Кызылкумах, в безымянном месте, после того, *как прошли у источника* Тюбелик-булак, с водой пресной и очень хорошей, перешли гору Тюбелик, прошли у соленого озера *Тюбелик у подножия горы* с южной стороны	»	»	саксаул
23	11	в двух верстах от горы Со-Сыр-Кара	»	мало	несколько кустарников саксаула

Продолжение

Месяц, число	Время в пути, ч.	Ночлег	Вода	Фураж	Топливо
24	12	в безымянном месте, перейдя Со-Сыр-Кара, оставив на западе в нескольких верстах горы Арслан-Таг, Кучук-Таг и Аман-Таг	мало	мало	нет
25	10	в безымянном месте, пройдя рядом с пресным источником у могилы св. Кара-Ата, перейдя Кызылкак-Таг и чуть далее пройдя у Кызылкака (Красного пруда)	нет	нет	»
26	9	около ручья Назарбай, пройдя рядом с источником Агатма неподалеку от холма с таким же названием и оставив на западе два соленых озера	хорошая	хороший	кустарник
27	8	в Кагатаме (кишлак)			
28	8	в Вабкенде (кишлак)			
29	$6^{1/2}$	Бухара			

БУХАРИЯ

Бухария находится между 41 и 37 градусами северной широты и 61 и 66 градусами 30 мин. восточной долготы от Парижа и занимает пространство площадью около 10 тыс. квадратных миль.

Бухария разделяется на семь провинций*: 1. Каракуль; 2. Бухара со своими семью округами (томанами); 3. Кермине; 4. Миankаль или Каттакурган[32]; 5. Самарканд; 6. Джизак; 7. Карши; 8. Сабиа (Сабиаб) — на берегах реки Оксус; 9. Балх со своими южными округами.

Город Бухара находится на высоте 1 200 футов над уровнем моря. Он окружен стеной, имеющей 30 футов в высоту и 26 футов толщины у основания. В стене 11 ворот:

1. Хазрат-имам, ведущие в Вабкенд; за ними находятся конские базары, открытые по вторникам и четвергам;
2. Шергирон, ведущие в ханский сад и на дорогу в Хиву;
3. Талипоч, которые ведут в Чарбах;
4. Углон, ведущие в Чарджуй;
5. Каракуль;
6. Шейх-Джалол;

* Так в тексте, хотя ниже П. И. Демезон называет девять провинций, а в дальнейшем еще одну — Меймене.

7. Намазгох, ведущие на дорогу в Намазгох и Кабул;
8. Саллях-хана, ведущие в Керминe;
9. Каволя (или Карши), ведущие в Карши;
10. Мазари-Шариф, которые ведут к могиле св. Бахауддина в 12 верстах от Бухары;
11. Самарканд.

За каждыми из этих ворот находится кладбище. Самое большое расположено за воротами Мазари.

Город разделен на 366 кварталов, в каждом из которых есть небольшая мечеть, имам, муэдзин и аксакал. Аксакал (белобородый) — шейх, или старейшина квартала, выбирается обычно из старых торговцев, в чью мудрость и честность верят больше всех. Ему поручено разбирать тысячи мелких инцидентов, происходящих между торговцами его квартала. Если старейшине не удается примирить стороны, то дело передается казию, а в сложных случаях кушбеги, решение которого почти никогда не подлежит обжалованию.

Улицы Бухары имеют обычно 5—8 футов ширину. Самые широкие обычно — не более 10—12 футов. Некоторые улицы не шире 4 футов. У этих бесчисленных извилистых и грязных улиц нет названий. Главная площадь Бухары — Регистан, находится прямо напротив ворот дворца. Эта площадь, хотя и довольно большая, настолько запружена людьми, верблюдами, лошадьми, ослами, маленькими палатками, товарами и продуктами всех видов, что для передвижения остались лишь два узких прохода; один из них ведет от дверей дворца к водоему, находящемуся напротив, другой — из медресе Дор-уш-шифо к базару Тукумдузи. За Регистаном в грязном дворе находится невольничий рынок. Его открывают на рассвете по понедельникам и четвергам обычно не более, чем на три часа. Здесь только выставляют рабов, а торговые сделки почти всегда заключаются в караван-сараях, где останавливаются те, кто приезжает в Бухару продавать этих несчастных.

Вокруг большого водоема на Регистане находятся:

1. Базари-Кагоз (бумажный базар), единственное место в городе, где можно найти бумагу, перья (тростниковые) и иногда старые книги.

2. Базар, известный под названием Чурчинфуруш; там расположились бакалейщики, скобяные лавки, сапожники и т. д. Дальше, около мечети, продается хлопчатобумажная пряжа, персидские и греческие ковры.

Именно на этой площади со времен Мир Хайдара производились казни. Но при нынешнем хане они происходят или на площади дровяного базара, или около водоема Диванбеги.

Во время моего пребывания в Бухаре были повешены два злоумышленника, один из которых совершил кражу, другой — убийство. Обычно перед повешением приговоренному перерезают горло. Иногда, однако, хан перед казнью говорит: «Бугаил-

миш!» («Удавление!»), и приговоренного вешают, не перерезая предварительно горла. В особо тяжких случаях, когда хан хочет произвести казнью устрашающее впечатление на народ, виновного сбрасывают с большого минарета Мир Араб. Так, например, в 1830 г. был сброшен бухарец, обвиненный в убийстве и кровосмешении. Но настоящий ужас и омерзение вызывают у жителей Бухары мучения, ожидающие несчастных, приговоренных гнить в тюрьме, известной под названием Бит хана — «блошиная яма» (или Кене хана — «клоповник»). Эта ужасная тюрьма кишит скорпионами и ядовитыми насекомыми, чей укус чрезвычайно болезнен и смертелен. Брошенный туда несчастный умирает на второй или на третий день в страшных судорогах. За менее тяжкое преступление виновный обычно получает палочные удары по подошвам или по плечам.

В Бухаре всего две тюрьмы. Одна находится во дворце, в ней заключены государственные преступники, другая — в городе, недалеко от медресе Мир Араб.

В Бухаре пять крытых базаров, известных под названием чарсу[33] (перекресток). Это Чарсуи Калон (большой базар), Чарсуи Заргаран (продавцы серебряных и золотых изделий), Чарсуи Саррафан (менялы), Чарсуи Бериндж (рисовый) и Тукумдузи, где изготовляют седла для верблюдов. На каждом из этих больших базаров располагается, кроме того, множество маленьких. Есть также два других крытых базара, известных под названием тим[34]. В первом, Тими Адрас, продаются платки и различные шелковые ткани бухарского производства, башмаки, женские туфли и т. д. Во втором, Тими Сефид (Белый базар), продаются только русские и английские ткани. Было бы очень долго перечислять все базары города, из коих, если можно так сказать, он и состоит. Мы ограничимся указанием, что кроме этих больших базаров на каждом перекрестке располагаются маленькие, известные под названием Сери Базар.

Многочисленные караван-сараи Бухары построены по единому плану. Это большие квадратные двухэтажные здания, их наружные стены, как почти и всех зданий города, не имеют окон. Первый этаж занят тесными глубокими кладовыми, двери которых выходят во двор; на втором этаже живут приезжие купцы, ремесленники, индийцы, бухарцы или татары. Свет в кладовые, так же как и в комнаты второго этажа, проникает через двери или через маленькие окошечки, пробитые над дверью. В Бухаре насчитывается 25 * караван-сараев.

1. Сарайи Мирзачуль. Занят афганцами, индийцами и торговцами из Мерва.

2. Сарайи Карши. Населен торговцами из Карши. Они привозят сюда табак, пользующийся славой лучшего из производя-

---

* Так в тексте, хотя П. И. Демезон упоминает лишь 23 караван-сарая.

щихся в Бухарии. Мианкальский табак считается более низкого качества. В этом же караван-сарае можно найти и индийцев.

3. Новый сарайи Барра. Сюда поступают все товары, идущие из Ташкента, Кокана и Кашгара.

4. Сарайи Бадреддин. Здесь находятся товары, привезенные из Кабула, Пешавара и Кашмира.

5. Новый сарайи Эмир. Расположен около бассейна Диван Беги. Здесь можно найти лишь каракулевые шкурки.

6. Старый сарайи Эмир. Занят бухарцами. Здесь продают только хлопок.

7. В сарайи пай-астана живут работорговцы. Кроме русских и персидских рабов в Бухарии, как и в Хиве, в последние годы можно встретить большое количество рабов-суннитов, вывезенных из Бадахшана, разрушенного кундузским ханом Мохаммед Мурад-беком. Коран запрещает продавать и покупать мусульманина-суннита, но работорговцы ухитряются, обходя закон, удовлетворять свою алчность. Несчастный, коего хотят продать, подвергается плохому обращению и даже лишается всякой пищи до тех пор, пока в присутствии свидетелей он не признает себя кызылбашем (персом, шиитом). После того как сделано признание, заключается торговая сделка, не нарушающая закон. Двое из этих несчастных рабов-суннитов из Бадахшана рассказали мне, какими варварскими методами их заставляли отказаться от своей религии.

8. Сарайи Нугай. Занят русскими товарами. На верхнем этаже живут татары, рабочие и торговцы; их число в Бухаре быстро растет с каждым годом.

9. Сарайи Ходжа Джуйбар. Населен индийцами.

10. В сарайи Хинди также живут индийцы.

11. В сарайи Кушбеги располагаются индийские и персидские торговцы. Надо сказать, что в Бухаре очень мало персидских торговцев, так как их путь сюда полон опасности: в дороге они рискуют быть пойманными туркменами и проданными в Хиве. Персы, торгующие с Бухарией, предпочитают иметь в Бухаре своих доверенных, по большей части выходцев из Андхоя или из Мерва. Пять или шесть богатых персидских купцов поселились в Бухаре и живут в караван-сарае Кушбеги, обеспечивая себе его покровительство дорогими подарками, которые они делают довольно часто.

12. Сарайи Абдулладжан. Населен афганскими торговцами из племени логани.

13. Сарайи Исмаил Ходжа. Занят торговцами из Андхоя, Меймене, Шибаргана, Акчи и т. д. Они привозят в Бухару сушеные фрукты и фисташки.

14. В сарайи Фильхона — товары из России и Туркестана.

15. В сарайи Раджаббек — бухарские товары.

16. Сарайи Кулюта. Здесь живут рабочие-татары, а также хранятся русские товары.

17. Сарайи Аёз. Построен недавно. Занят афганцами и рабочими-татарами.

18. В новом сарайи Исмаил Ходжа живут бухарцы.

19. Самый маленький в Бухаре сарайи Шане (гребень) занят бухарскими рабочими, изготовляющими гребни.

20. Сарайи Домулло Шер. Здесь находятся бухарские товары.

21. Сарайи Аклам. Построен недавно.

22. В старом сарайи Барра продают только индиго. И, наконец, сарайи Ургенч на берегах Шахр-руда (шахский канал, пересекающий город). Его населяют лишь хивинские торговцы.

Обитатели этих караван-сараев пользуются некоторыми привилегиями, кажущимися довольно ценными в городе, где строго запрещены всякого рода развлечения и нельзя играть, смеяться, курить, не рискуя быть избитым полицейским. Индийцы, афганцы — одним словом, все иностранцы курят в караван-сараях без стеснения, но бухарец даже здесь не осмеливается насладиться этим. Он слишком на виду у своих соотечественников и остерегается их гораздо больше, чем иностранцев. Достаточно одного свидетельства, что бухарец курит, чтобы его оправдания были отклонены. Но это не распространяется на узбекских вельмож и людей, находящихся у них на службе. Полиция не осмеливается вмешиваться в то, что творится в их домах, где они живут достаточно свободно. Внимание иностранца в Бухаре привлекает, естественно, большое количество мечетей. Они находятся в каждом квартале, так сказать, на каждом шагу. Тем не менее во всем городе всего три большие мечети, где по пятницам проходят общие намазы. Первая — мечеть Калон находится около минарета Мир Араб и была построена, как говорят, Кызыл Арслан-ханом. Вторая — мечеть Гаукушон (мясники). Третья — совсем рядом с дворцом.

Кроме этих существуют еще две другие мечети: Магоки, находящаяся около Базари Алар (рынок благовоний), и мечеть, расположенная около больших базаров Мисгарон (рынок жестянщиков). После минарета Мир Араб самые большие минареты имеют мечети Гаукушон, Магоки и Мисгарон.

Зов муэдзина, пять раз в день призывающего правоверных к намазу, приводит народ в движение. Все ускоряют шаг и поспешно, по крайней мере так кажется, устремляются в мечеть или к водоему, чтобы совершить омовение, предшествующее намазу.

Помимо названных мечетей, существуют еще две, предназначенные исключительно для мусульман секты суфи-хафиз. Это одна из тех многих сект, какие встречаются по всей Азии. Арабское слово «хафиз» означает «хранитель», то есть тот, кто хранит в своей памяти, знает наизусть. Хафизом у мусульман называют того, кто знает наизусть весь Коран. В Бухаре их называют просто «кари» — «чтец». Тех, кто читает наизусть целые

оды какого-либо поэта, например Хафиза, также называют хафизами.

Эти две мечети известны под названием Хане гаи суфи (дом, где проходят собрания суфиев). Члены этой секты приходят сюда раз в неделю, чтобы исполнить свои самоистязательные и необычные танцы. Сначала они садятся кружком в один, два или даже три ряда, поют все вместе одну из од Хафиза, известного своими мистическими стихами. Это пение сопровождается всякого рода жестами. Как только ода кончается, они все встают так резко, что иногда это похоже на сумасшествие. После этого начинается мистический танец, руководимый хафизом. Он один поет, а все остальные отвечают ему восклицаниями «ha», «ah», «уу» или словами «Иллаи, Аллау» (Бог). Сначала это очень живой танец, который каждый исполняет на своем месте, поворачиваясь на пятках. Минут через десять танец немного замедляется, и все в такт слегка подпрыгивают, наклоняя тело то вперед, то назад, затем в стороны, поднимая поочередно руки. Незаметно их движения становятся более быстрыми, прыжки учащаются. Их жесты и пение подчинены определенному ритму, гармонии и выражают поочередно гнев, неистовство, радость, мольбу и надежду. Плачи, хриплые стоны и прерывистые выкрикивания, протяжный вой сливаются в раздирающий душу звук. Наконец, изможденные, запыхавшиеся, с горящими глазами, они все сразу останавливаются и на две-три минуты прерывают танец, который они повторяют до трех раз и всегда одинаково. Нередко можно видеть как оттуда выносят людей, потерявших сознание от жары и усталости. Среди них находятся люди всех возрастов — от малых детей до глубоких стариков. Члены этой секты не носят специальных костюмов. Среди них можно встретить каландаров, факиров, дервишей, отращивающих волосы. Мусульмане могут свободно войти на их территорию и наблюдать за танцем. Я несколько раз присутствовал на собраниях суфиев и всегда встречал там огромную толпу. Мусульмане смотрят на суфиев как на несчастных, совершивших какие-то большие грехи и измученных угрызениями совести, во имя искупления своей вины вынужденных выполнять эти изнурительные и тяжелые упражнения. К ним относятся так же, как и к мерди худа (божьи люди), иначе говоря, как к людям не от мира сего, и власти разрешают им свободно выполнять свои обряды. Сектанты, со своей стороны, смотрят на всех остальных мусульман с сожалением, как на исповедующих другую религию. Они убеждены, что Аллах сжалится однажды над родом человеческим, и на земле останется только одна религия.

Эти две мечети — единственное место в Бухаре, где позволено петь публично. Известно, как строго запрещен этот вид развлечений. Бухарец, обвиненный в том, что он пел даже у себя дома, не сможет избежать самых неприятных объяснений с полицией. Жители города всегда с радостью собираются по

вторникам в маленьком городке или деревне Мазари-Шариф (усыпальница Бахауддина), где они могут услышать хафиза, развлечься и забыть хотя бы на несколько часов ужасную скованность, в какой они постоянно живут.

Количество мазаров, или святых могил, встречающихся по всему Туркестану и особенно в Бухаре, поистине удивительно. Окрестности городов и деревень, большие дороги — одним словом, все населенные места ими, если так можно сказать, усеяны. Часто около мазаров, расположенных по соседству с большими городами, можно увидеть медресе и красивые мечети, сооруженные ханами или богатыми набожными людьми. Эти заведения приносят всегда большие доходы, по праву принадлежащие ходжам*, потомкам святых, в честь которых эти сооружения были построены. Могилы святых, похороненных вдалеке от больших дорог или населенных мест, менее посещаются, и ходжи, последователи святых, не унаследовавшие дух умеренности и воздержания, освящавший их отцов, часто вынуждены покидать свой очаг и умирать в местах более удобных одновременно как для наставления рода человеческого, так и для поддержания благосостояния их собственных детей. Вот как эти люди, ослепленные страстями, осмеливаются, увы, довольно часто осквернять память предков, чьи добродетели и примерная жизнь служат им лишь капиталом, который они нагло эксплуатируют для удовлетворения своих притязаний.

Могила Бахауддина Накшбенди, расположенная в 12 верстах от Бухары, одна из наиболее посещаемых. Здесь каждую среду открывается большой базар. Бухарцы, сочетая набожность со своими интересами и удовольствиями, всегда отправляются туда во вторник вечером, чтобы провести ночь, так сказать, в молитвах у могилы святого и «взять», по их выражению, предстоящий базар.

Могила расположена на просторном участке около водоема, окруженного тополями и платанами. С одной стороны находится кладбище, где покоятся останки ходжей из семейства святого и некоторых других людей, купивших это право богатыми пожертвованиями. С другой стороны возвышаются три мечети; одна из них была сооружена два года назад нынешним кушбеги. Стена и небольшой лесок закрывают две другие стороны. Земля эта священна и вступить на нее, как и в мечеть, можно только без обуви. Число посетителей здесь в течение всей ночи огромное. Однажды ночью я пришел отдохнуть к водоему. Около могилы три хафиза пели поочередно жалобным голосом некоторые оды Хафиза. Дальше, между колоннами мечетей и деревьями, слабо освещенными светом свечей, горящих всю ночь около могилы, расположились каландары. Их судорожный, раз-

---

* Ходжами называют потомков святых, а сеидами именуют потомков пророка (прим. П. И. Демезона).

дирающий душу смех, жалобные, пронзительные крики дикой и безрассудной радости, их вопли — то жалобные, то яростные — смешивались с песнями хафизов. Вокруг меня правоверные предавались молитвам, размышлениям или спали. Другие, собравшись маленькими группами, тихо говорили о чае, дынях, обсуждали планы своих ночных развлечений и перспективы завтрашнего базара. Каландары воодушевляли хафизов повторяющимися восклицаниями «джигуи-джиган! О гирден!» (браво). Один немощный и слепой старик, передвигавшийся с помощью палки, прошел через эту толпу, чтобы совершить омовение на берегу водоема. Эта грустная, волнующая сцена навеяла на меня ощущение печального сна.

В просторных садах, окружающих мечети и могилу, вид вдруг меняется, и сразу можно догадаться, почему это место столь излюблено бухарцами. Здесь все мирское. У стен медресе, на берегах большого водоема и в аллеях лавки и палатки демонстрируют веселым группам загадочный мир своих богатств. Все толпятся у лавок юных джувани-чайфуруш (продавцов чая). Все хотят купить их чай и отведать чесночной похлебки. Боже вас упаси очутиться на пути, ведущем к лавке какого-нибудь красавца джувана — вас сразу же сожмут, раздавят и потащат за собой. По ту сторону водоема расположилась бивуаком армия, но армия своеобразная, пришедшая победить скуку и оставшаяся победительницей. Каждая группа облюбовала себе место под деревьями; сверкают тысячи огней, готовят плов и шербет. Все смеются, кричат, говорят о хафизах, каландарах и джуванах — одним словом, все ищут этой ночью развлечений, подчас граничащих с постыдным распутством, стараются забыть об акбар невиссах (доносчиках), чье присутствие отравляет им удовольствие. Ходжи Накшбенди пользуются огромными прибылями. Их красивые имения расположены на плодородных берегах Вабкенддарьи. Раз в неделю хан посещает могилу святого, но избегает появляться здесь накануне или в день базара. В самом Мазари-Шариф у него есть очень хороший сад и небольшой дом, где он останавливается. Эмир Хайдар каждый месяц дарил ходжам 25 тилла, а в день больших праздников — 50. Нынешний хан, более щедрый, чем его отец, каждый первый четверг месяца презентует им сумму в 50 тилла, удваивая ее в дни больших праздников.

От ворот Бухары до входа в деревню Мазар насчитывается около 10 верст. По вторникам около ворот Мазари-Шариф стоят сотни ослов и лошадей, которых можно нанять для поездки к могиле. Стоит это обычно 1 таньгу (приблизительно 72 коп.). Человек, дающий вам внаем осла или лошадь, следует за вами пешком и погоняет животное, на котором вы сидите. Эти люди, хорошо натренированные в ходьбе, легко переносят 50—60 минут пути.

Я не буду говорить о публичных банях, построенных по та-

кому же плану, как и в других азиатских городах. В Бухаре их насчитывается около 50. Две самые большие бани — Тукумдузи и Мисгарон. Работающие там банщики очень проворны; вода же здесь имеет неприятный запах, а иногда просто воняет. Дело в том, что, как я мог убедиться, для обогрева бань хамамчи (их хозяева) используют всякий мусор, который с большой тщательностью собирают по городу и затем высушивают на солнце во внутреннем дворе здания. Именно поэтому вода имеет столь отвратительный запах.

БАТУР-ХАН[65]

Кроме деталей, какие я уже имел честь изложить в моем первом докладе относительно политических отношений Бухарии с другими ханствами Туркестана, я считаю необходимым прибавить кое-что о нынешнем хане Бухары, его характере, восшествии на престол и роли в последних политических событиях в Туркестане.

Батур-хан — нынешний правитель Бухарии, как говорят, мрачный, злой и мстительный по характеру, не любит вельмож. Они обвиняют его в слабости и жалуются на то, что он полностью находится под влиянием кушбеги, которого они ненавидят и не раз пытались свергнуть.

Эмир Хайдар, бухарский хан, умер в 1826 г. После него осталось шесть сыновей: Мир Хуссейн, находившийся в Бухаре, Батур-хан — правитель Карши, Омар-хан — правитель Кермине и остальные трое еще совсем молодые — Юбеир-хан, Хамза-хан и Салтан-хан, которые жили в Бухаре близ своего отца. Батур-хан, узнав о смерти отца, тотчас выступил с войском на Бухару с намерением захватить власть. Но на полпути он узнал, что ворота дворца, закрытые по приказу кушбеги вскоре после смерти Хайдар-хана, были открыты его старшему брату Хуссейну, провозглашенному ханом, и вынужден был вернуться со своим войском обратно в Карши. Сконфуженный неудачной попыткой, он стал вынашивать в своей злобной душе план мести брату. Омар приехал из Кермине в Бухару, чтобы присягнуть на верность новому правителю. Батур-хан же отказался это сделать. В порыве гнева он даже ограбил многочисленный караван, следовавший из Герата в Бухару через Карши. Ограбленные Батур-ханом купцы подали жалобы хану Хуссейну. Но Хуссейн, желая избежать ссоры с братом и образумить его по-хорошему, ограничился тем, что успокоил торговцев, пообещав возместить убытки, и даже часть их возместил немедленно. Новый хан умер через три месяца после восшествия на трон от болезни, длившейся всего несколько дней. Считают, что он был отравлен. Этот принц, остроумный, образованный, мягкий и добрый, пользовался любовью народа, и все о нем очень сожалели. Батур-

хан как второй сын Мир Хайдара должен был стать преемником брата, не имевшего наследников. Опасаясь его мрачного и злого характера бухарские вельможи решили воспрепятствовать воцарению Батур-хана. Они спешно послали курьера к Омар-хану, его младшему брату, с сообщением о смерти Хуссейн-хана и предложением короны. Кушбеги, открыто враждовавший с вельможами, почувствовал, какой опасности он подвергнется, если допустит приход к власти принца, обязанного престолом вельможам, которых он приблизит к себе и будет поддерживать. Но, опасаясь за свою жизнь, кушбеги не посмел открыто противостоять планам вельмож и поддерживать Батур-хана и, повинуясь обстоятельствам, временно затаился. Омар-хан приехал в Бухару, где кушбеги встретил его с энтузиазмом верного и преданного подданного, открыл ему двери дворца и тотчас провозгласил ханом. Вскоре после этого была получена весть о том, что Батур-хан двинулся на Бухару с несколькими сотнями всадников. Новый хан приказал всем войскам, находящимся в Бухаре, выступить навстречу. Только прибыв в Курак, крепость, находящуюся на расстоянии дневного перехода от столицы, Батур-хан узнал, что его младший брат уже вошел в Бухару и провозглашен ханом. Не чувствуя себя достаточно сильным для успешной борьбы с направленным против него отрядом, он повернул обратно в Карши, чтобы собрать там войска, дождаться благоприятного момента и вновь предпринять усилия для свержения брата с трона. Благодаря подаркам и обещаниям ему удалось привлечь на свою сторону четырех правителей Самарканда, обещавших ему открыть ворота города, если он придет с войском. После четырехмесячного пребывания в Карши Батур-хан двинулся форсированным маршем на Самарканд и беспрепятственно вошел туда. Провозглашенный ханом этой древней столицы правителей он легко смог превратить в своих сторонников узбеков рода китай-кипчак, живущих в Мианкальской долине и Каттакургане. Омар-хан, узнав о походе Батур-хана на Самарканд, вышел в свою очередь из Бухары во главе нескольких отрядов, чтобы собрать под своими знаменами мианкальских узбеков и оттуда идти навстречу врагу. Но, узнав на полпути к Мианкалю об измене узбекских родов, присоединившихся к Батур-хану, чтобы выступить против него, охваченный паническим ужасом Омар-хан обратился в бегство и, сопровождаемый всего несколькими командирами и тысячью узбеков рода найман, заперся в Бухаре.

Увидев, что дела принимают плохой оборот, остатки его войск приняли предложение Батур-хана и почти все перешли на сторону последнего. Батур-хан подошел к Бухаре за три или четыре дня до праздника Ноуруз (весной) и разбил лагерь перед Самаркандскими воротами. Он отправил к Омар-хану посла с предложением о мире при условии, что тот откажется от власти и притязаний на трон. Батур-хан отстаивал как стар-

ший брат свои права на корону, обещая оставить Омар-хану управление Карши, доверенное ему отцом, а также дать в управление некоторые другие города. Но Омар-хан не захотел принять ни одного из этих предложений и вернул его посла. Тогда Батур-хан окружил город, осыпая его время от времени пушечными ядрами и предпринимая самые жесткие меры, чтобы помешать доставке туда провизии. Он повесил много горожан, обвиненных в тайном ввозе в город фуража и провианта; в городе сразу стал ощущаться голод. Эти суровые меры посеяли ужас среди жителей; они начали роптать, а затем и открыто требовать разрешения выйти из города, где все были обречены на голодную смерть. Войска, какие Омару удалось собрать, совершали время от времени вылазки через ворота Самарканд, Мазари-Шариф и Шейх-Джалол, но каждый раз кто-то из знати и часть солдат переходили на сторону Батура, и Омар, отчаявшись, вынужден был отказаться от этих малоуспешных попыток и велел замуровать Самаркандские ворота.

В это время кушбеги, давно поддерживавший тайные связи с Батур-ханом, опасался как никогда озлобления сипаев, которые оставались преданными Омару.

Нынешний правитель Кермине, Рахим-бек, не покидал какое-то время хана, чтобы непосредственно осведомлять кушбеги, своего отца, о всех действиях, какие может предпринять против него окружающая Омара знать. Наконец, однажды Рахим-бек узнал, что приближенные, и среди них Исматулла-бек, открыто обвинили кушбеги перед ханом в вероломстве и предательстве, советуя Омару уничтожить его, если он не хочет, чтобы его предали и лишили трона и жизни. Тогда кушбеги разыскал мать Омара, всегда имевшую большое влияние на сына, и сумел завоевать ее благосклонность. Он сообщил ей о слухах, которые распускают о нем — старом и преданном слуге хана и его отца — его враги. «Какие еще нужны доказательства моей преданности Омар-хану,— сказал он,— если я вызвал его из Кермине и открыл ему ворота дворца, в котором я должен был бы считать господином его старшего брата Батура. Один бог знает, что будет, если Омар-хан не перестанет прислушиваться к подстрекательским и вероломным советам своих наперсников».

Мать хана, завоеванная покорным и преданным тоном кушбеги, приказала позвать сына и упрекнула его в легкости, с какой он поверил предательским советам, направленным против преданного ему министра, советам, которые могли дать лишь люди, желающие его обмануть и изгнать. Омар-хан, увидев что кушбеги обо всем осведомлен, пытался убедить его в своем дружеском к нему отношении и доброжелательстве, в доказательство возвел его в аталыки и подарил ему красивое почетное одеяние, украшенное бриллиантами и драгоценными камнями, принадлежавшее Хайдар-хану. Министр, со своей стороны, чтобы еще раз доказать преданность и самоотверженность своему гос-

подину, попросил у него разрешения самому пойти на следующий день сражаться с Батур-ханом, на что и получил согласие.

Самаркандские ворота, которые были замурованы несколько дней назад, были вновь открыты и всем войскам приказали быть готовыми к бою. Слугам и доверенным лицам министра поручили охранять Самаркандские ворота и бодрствовать всю ночь. Все предвещало назавтра кровопролитную битву, но под покровом этой же ночи готовилось предательство, которое должно было обеспечить трон Батур-хану.

В полночь одна из наложниц кушбеги, обвязанная веревкой, проскользнула по крепостной стене около Самаркандских ворот. Она пробралась в палатку Батур-хана и передала ему записку от кушбеги. Печать Мир Хайдара, хранителем коей был министр, переданная Батуру рабыней вместе с письмом, должна была подтвердить, что записка послана его верным слугой. Батура предупреждали, что на рассвете он должен быть готов со своим войском вторгнуться в город через Самаркандские ворота, которые ему откроют. В четыре часа утра ворота открылись, и войско Батур-хана устремилось в город, где одним из первых пал от удара атакующих Исматулла-бек. Омар-хана они застигли в кровати в объятиях его фавориток. Батур-хан поднялся во дворец, у дверей которого его встретил кушбеги и присягнул ему на верность. Вельможи-узбеки, оставшиеся верными Омар-хану, почти все были схвачены и доставлены в замок, где новый хан их изрубил и сбросил с крепостной стены. Их дома были отданы на разграбление.

Омар-хан, изгнанный с трона, был отдан в руки туркменов, которые вывезли его из Бухары до Бала-Мургаба за Меймене. Оттуда свергнутый хан отправился в Герат. Спустя какое-то время он вновь появился в Кундузе, в Хульме и в Бадахшане, откуда через горы отправился в Кокан к Мохаммед Али-хану, принявшему его с почтением. Коканский хан был рад видеть в своем дворце принца, которого он мог использовать для того, чтобы держать в страхе Бухарского правителя, своего врага.

Омар-хан, привыкший за долгие годы к неумеренному употреблению опиума, жил в постоянном опьянении, во время которого он целиком и полностью предавался позорным оргиям и всякого рода излишествам. Его вспыльчивый характер пугал окружающих. Бухарцы называют Омар-хана «териакеш» (курильщик опиума) и вспоминают его без особого уважения, любившим удовольствия и разрешавшим предаваться им своим подданным. Редко осмеливается бухарец говорить о двух предшественниках нынешнего хана, имена которых почти запрещены, а еще реже — говорить о них с похвалой.

Омар-хан умер вскоре после своего приезда в Кокан. Его преждевременная смерть (ему был всего 21 год) произошла от чрезмерных излишеств, коим он постоянно предавался с ранней юности. Батур-хан, хотя и захватил власть, не был спокоен.

Он вынашивал планы мести аталыку — правителю Шахрисябза, который несколько лет назад завоевал себе независимость и против кого он предпринимал несколько безуспешных атак, когда был еще правителем Карши. Но он был мало уверен в преданности окружавших его вельмож. Три младших брата, остававшихся в Бухаре во время последних волнений, подрастали и могли стать опасными. Они всегда были для мрачного и подозрительного Батур-хана объектом опасения и ненависти, и он решил от них избавиться, послав на берега Амударьи командовать крепостью. Несколько месяцев спустя они там погибли, но неизвестно от чего: от меча или от яда. Некоторые утверждают, что их завязали в мешки и сбросили в Амударью.

Новый хан два раза посылал войска, чтобы опустошить окраины Шахрисябза, но эти экспедиции не имели успеха так же, как и предпринятые им до восшествия на престол. Наконец, в начале 1833 г. Батур-хан, все более и более озлоблявшийся против правителя Шахрисябза, продолжавшего заносчиво вести себя, почувствовал себя достаточно сильным для нанесения решительного удара. Он выступил во главе войск против Шахрисябза, окрестности которого он уже начал разрушать. Но, проявив недальновидность в своей политике, он перед походом не подумал заручиться дружбой или, по крайней мере, нейтралитетом соседних с Бухарией ханств. Коканский хан, обручившись незадолго до того с дочерью правителя Шахрисябза, принял участие в распре. Он открыто взял сторону будущего тестя и послал войска атаковать Джизак — пограничный пункт Бухарии, чем обеспокоил хана. Хану, стесненному появлением нового врага и вынужденному думать о защите собственных провинций, пришлось отказаться от своих планов. Он смог завладеть лишь тремя небольшими укреплениями, взятие которых стоило ему нескольких сот человек, и вернулся в Бухару разъяренный, поклявшись отомстить в будущем году коканскому хану и аталыку.

Мохаммед Али, хан Кокана, установил дружеские отношения с хивинским ханом и начал организовывать лигу, включающую Хивинское, Кундузское и Шахрисябзское ханства, которая была бы способна противостоять Бухарии.

Вся зима прошла в переписке. Наш караван встретил 17 декабря на берегу Яныдарьи посла хивинского хана Алла Кули, возвращавшегося из Кокана в Хиву в сопровождении коканского посла. Их свита состояла из сорока всадников.

Мухаммед Мурад-бек, кундузский хан, принял сторону коканского хана и начал активно беспокоить гиссарского хана — сторонника Бухарии.

Батур-хан, осознав свою прежнюю ошибку, не пренебрегал, со своей стороны, ничем, чтобы у аталыка Шахрисябза появилось как можно больше врагов. В последней кампании Дост Мухаммед-бай, племянник аталыка и командующий крепостью,

сдался Батур-хану и передал ему ключи от крепости, которой он командовал. Воспользовавшись этим, чтобы посеять несогласие между аталыком и его ближайшим родственником, чья измена для него была чувствительной, Батур-хан встретил Дост Мухаммед-бая с почестями, сделал дорогие подарки и доверил ему с завершением кампании командование отобранными у аталыка крепостями. Посол, приехавший из Кокана в январе 1834 г., был очень плохо встречен ханом. Он приехал просить Батур-хана не препятствовать продвижению двух тысяч коканских всадников, которые должны пересечь часть его владений, чтобы достичь Шахрисябза. Они направились туда за дочерью аталыка, обрученной с Мохаммед Али-ханом, чтобы торжественно доставить ее в Кокан. Батур-хан ответил послу, что, находясь в состоянии войны с аталыком и зная враждебные намерения коканского хана, он, повинуясь голосу благоразумия, не может удовлетворить его просьбу. «Если хан,— добавил он,— посылая свои войска в Шахрисябз, не имеет других намерений кроме того, чтобы выставить эскорт для своей будущей супруги, то вполне хватит и 200 всадников, и если свита не превысит этого числа, они смогут беспрепятственно пересечь мои владения». Вскоре после прибытия, посол уехал, чтобы сообщить своему господину об отказе бухарского хана.

Через несколько дней Батур-хану вновь представился случай уязвить, в соответствии со своим планом, коканского хана. Коканский посол *, отправившийся в 1831 г. в Константинополь через Хиву, минуя Бухару, умер на обратном пути в Персии от чумы. Та же участь постигла и многих людей из его свиты. Его сын и пять или шесть всадников, оставшихся от свиты, приехали 31 января из Мешхеда в Бухару и остановились в караван-сарае Исмаил Ходжа. Они везли с собой великолепную саблю, посланную султаном в подарок коканскому хану. Батур-хан захотел посмотреть эту саблю и приказал сыну посла прислать ее ему. Сын посла ответил, что хан просит у него невозможного, так как сабля находится в футляре, опечатанном печатью самого халифа, и он не может сломать печать, не рискуя остаться без головы по возвращении в Кокан. Хан, раздраженный отказом, повторил угрожающим тоном приказ передать ему саблю, которую он обязательно хочет видеть. На этот приказ сын посла ответил, что если хан имеет твердое намерение совершить над ним насилие и оскорбить коканского хана, его господина, и халифа (султана), сломав печать, то должен завладеть этой саблей силой, так как добровольно он не согласится отдать ее в чьи бы то ни было руки, кроме своего господина. Хан, оскорбленный дерзостью ответа, немедленно приказал выгнать сына

* О нем шла речь в записке, касающейся коканского принца Сарым-сакхана, представленной мной в октябре 1832 г. его превосходительству военному губернатору Оренбурга накануне приезда принца в Оренбург (прим. П. И. Демезона).

коканского посла из города, передав ему, что он может возвратиться в Кокан той же дорогой, какой ехал в Константинополь. Все думали, что он вместе со своей свитой будет отдан в руки туркменов, и считали их уже мертвыми, пока не узнали, что они прибыли в Хиву. Это оскорбление, нанесенное коканскому хану, было равно объявлению войны, и все готовились к скорой войне. Тучи сгущались, гроза, казалось, вот-вот разразится. Тем временем кушбеги пустил в ход весь свой ум, чтобы не допустить войны, от которой пострадал бы в первую очередь. Он использовал огромное влияние, которое оказывал на своего господина, чтобы вновь отдалить от него узбекских вельмож, приблизившихся к нему во время последней кампании и постоянно подстрекавших его к войне, обещая блестящее мщение ханским врагам. Кушбеги живо описал Батур-хану несчастья, какие принесет долгая и кровопролитная война, которую он вел бы один против всех государств Туркестана, объединенных против него. Хан начал уже колебаться, когда 10 марта из Кокана приехал другой посол. От имени своего господина он приехал просить возвратить аталыку крепости, захваченные у того прошлым летом, и выяснить, по какой причине Батур-хан выгнал из Бухары сына коканского посла.

До отъезда посла эта последняя новость не дошла еще до Кокана. Посол узнал ее от правителя Ура-Тюбе, коканской крепости, расположенной на границе Коканского ханства с Бухарией, тот указал ему, что неосмотрительно отправляться с миссией в Бухару после подобного оскорбления. Он порекомендовал послу отправить курьера с сообщением о происшедшем и ждать приказа. Посол отправил к своему господину курьера, который и привез приказ — продолжать порученную ему миссию в Бухаре и, кроме того, выяснить причину оскорбления, нанесенного коканскому хану в лице сына его посла.

Новый посол прибыл в Бухару в дни праздника Ноуруз, продолжающегося около шести дней. Хан продлил народные празднества до 15 дней и больше обычного старался принимать участие в веселье своих подданных. Накануне войны, казавшейся неизбежной, он, видимо, хотел показать народу и коканскому послу свое спокойствие и уверенность в благополучном исходе.

Но в конце концов кушбеги взял верх над вельможами во влиянии на Батур-хана, и в первых числах апреля коканский посол получил красивое почетное одеяние, что свидетельствовало о примирении, а 15 апреля он получил, наконец, аудиенцию у хана и долгожданный ответ: крепости, возвращения которых требует коканский хан, будут аталыку возвращены, а что касается сына посла, выгнанного из Бухары, то послу дали уклончивый ответ, почти равный извинению. Посол уехал через два часа после аудиенции в сопровождении бухарского посланника, получившего поручение подтвердить ответ, данный послу. Человеком, на которого Батур-хан возложил эту миссию,

был Исхак Якуб Ходжа Накшбенди, потомок св. Бахауддина. Выбор, сделанный ханом, ясно свидетельствует о том, что он все же опасался недовольства Мохаммед Али-хана в связи с оскорблением сына коканского посла. Другой посол мог бы быть подвергнут такому же оскорблению, но Якуб Ходже нечего было опасаться. Мохаммед Али, несмотря на свой буйный характер, мог лишь засвидетельствовать ему свое почтение. Он боялся бы гнева даже своих подданных, если бы осмелился прибегнуть к какому-либо насилию против этого святого лица. Во время моего пребывания в Бухаре мне дважды представился случай говорить с этим ходжой, которому в Мазаре я даже нанес визит. Он высказал мне свое пожелание увидеть Россию.

Одним словом, Хан Хазрети Эмири Бухараи Шериф (эмир славной Бухары), тщетно стараясь сохранить гордость, проявил после своей бравады унизительную слабость. Кушбеги, пожертвовав ради личных интересов славой своего господина, и уверенный в том, что он отдалил, по крайней мере на некоторое время, опасности, угрожавшие ему, стал заносчиво вести себя с вельможами, боящимися и ненавидящими его.

Все эти детали, хотя и лишены интереса, смогут дать представление о характере правителя Бухарии, интригах его первого министра и его постоянной борьбе с вельможами, а также о политике Бухарии по отношению к другим государствам Туркестана.

ВОЕННЫЕ СИЛЫ БУХАРИИ

Хотя и очень трудно правильно оценить военные силы государства, склонного из-за своего боязливого и недоверчивого характера держать в секрете, особенно от глаз иностранца, свои слабые возможности и почти неспособного точно оценить свое положение, я осмелюсь изложить здесь сведения, собранные мной во время пребывания в Бухарии, касающиеся силы ее армии, состоящей, как известно, только из кавалерии.

В Бухарии насчитывается 19 тыс. наемных солдат. Провинция Бухара поставляет 12 тыс. солдат, Самарканд — 2500, Карши — 2500, Меймене — 1000, Каракуль — 1000 солдат. Всего 19 тыс.— число, которое может быть увеличено на три-четыре тысячи, если считать войска, содержащиеся некоторыми узбекскими вельможами, но принадлежащими короне. Эти силы размещаются в пограничных крепостях и главных городах. Так, Бухара держит свои войска в Джизаке, Бала-Кургане, Нурате и т. д. Карши держит свои войска в Ходжа-Джуйбаре, Керки и т. д. Каракуль — в Ёйчи и Чарджуе.

Туркмены разных кочующих племен, живущие как за Амударьей, так и перед ней и признающие господство Бухарии, должны, как говорят, иметь в запасе 18 тыс. человек в случае

объявления ханом всеобщего призыва. Они содержатся и экипируются за собственный счет. Таким образом, силы Бухарии можно оценить более чем в 36 тыс. человек. Но это число скорее номинальное, чем реальное. Бухара в том состоянии, в каком она сейчас находится, может мобилизовать не более 10—12 тыс. человек и то с большим трудом. Легко, конечно, взять в армию людей, живущих в степи, где они едва признают авторитет своих начальников, но далеко не так легко поставить их в строй и заставить маршировать. Бухария, окруженная враждебными государствами, объединенными против нее, не может, не подвергая себя опасности вторжения, оголять свои пограничные крепости, для защиты которых используются две трети наемных войск. Если учесть число больных или отсутствующих к началу кампании солдат можно легко понять, как в кампании 1833 г. против Шахрисябза, которым Батур-хан поклялся завладеть, Бухария смогла, несмотря на все усилия, собрать лишь 5 тыс. человек наемных войск и приблизительно такое же количество туркменов, которые почти все из-за отсутствия продовольствия начали роптать и покидать службу после трехнедельной кампании, хотя и воевали со страной, находящейся почти в центре Бухарии.

Солдат (алман), состоящий на жалованьи правительства, получает в год около 150 руб., часть из которых ему выплачивают деньгами, а часть натурой — такой, как джугара [36], солома, пшеница и т. д. На эту скудную сумму он должен жить, снаряжаться и питаться во время военных кампаний. Алман очень редко имеет собственную лошадь, особенно в больших городах, где содержание ее стоит довольно дорого. Получая приказ о начале похода, он нанимает лошадей на время кампании, которая редко продолжается дольше одного месяца, так как армия, отправляющаяся в поход без обоза, вынуждена вскоре расформировываться из-за недостатка продуктов. Эти экспедиции больше похожи на беглые прогулки по вражеской территории, и бухарские недисциплинированные войска, каковыми они сейчас являются, не могут вынести трех-четырехмесячную кампанию. Тех, кто имеет фитильные ружья называют туфангчи (мушкетеры) и батырами (богатыри). При приближении врага многие из них стараются обзавестись оруженосцами, которые носят их копья или ружья. Некоторые носят кольчугу и очень редко железный шлем или маленький щит. Бухарские солдаты абсолютно потеряли навык стрельбы из лука. Узбекские войска воюют недисциплинированно и всегда на лошадях. Туркмены почти все имеют собственных лошадей, но зато у них гораздо меньше ружей, чем у узбеков.

Восемь или десять старых пушек, из которых всего четыре имеют лафеты, составляют всю бухарскую артиллерию, обслуживаемую русскими и персидскими пленными. Во время моего пребывания в Бухаре хан два раза пытался отлить пушки, но

безрезультатно. Казалось, он только хотел доказать коканскому послу, находившемуся в это время в Бухаре, что живо готовится к войне, которая, казалось, должна скоро вспыхнуть. Кушбеги хотел непременно поручить доктору Хонигбергеру отлить две или три; он не мог себе представить, что человек, проведший четыре года на службе у знаменитого Ранджит Синтха, не умеет обращаться с пушками. Я помню затруднение доктора и то, с каким трудом он убедил министра в своем полнейшем неведении в военной науке и тем более в артиллерии.

Военные звания в бухарской армии следующие:

Дах-баши — командир десяти человек, юз-баши — командир сотни, пансад-баши — пятисот человек и, наконец, минг-баши — командир тысячи человек, которого называют иногда туксаба, так как он командует полком, имеющим туг (знамя).

К началу военных действий хан поручает обычно командование войсками одному из наместников или бухарскому сановнику, известному своей храбростью и знанием военного дела. Главнокомандующий сохраняет власть только на время кампании, после ее окончания он должен сложить полномочия. В особых случаях хан лично возглавляет войска, что он и сделал в последней кампании против Шахрисябза.

Один раз в год проводится общий смотр войск. В Бухаре его проводит хан или кушбеги, в провинциях это поручается наместнику. Каждый алман получает тогда кроме своей обычной платы в благодарность 10 таньга, примерно 8 руб. Это, кажется, приманка для того, чтобы солдаты не пропускали смотр, так как тот, кто не является в назначенный день, теряет право на благодарность. Смотр в Бухаре всегда длится более недели, так как в день на смотре проходит несколько сот человек. Поскольку они не осмеливаются предстать перед ханом или кушбеги в лохмотьях, в каких ходят весь год, в день смотра они берут напрокат на несколько часов у старьевщика красивое пестрое платье и гордо идут, немного напоминая павлинов, ответить на перекличке «хазер» (присутствую) и получить свою благодарность. При виде их в этот день столь хорошо одетыми можно подумать, что они довольно зажиточны, но иллюзия рассеивается, когда осознаешь, что этот прекрасный костюм не что иное, как показной блеск, и что через несколько часов они вновь облачатся в свои лохмотья. Все солдаты, охранявшие дворец и ворота города во время пребывания последнего русского посольства в Бухаре, получили от кушбеги халаты, тюрбаны и новые шапки.

ПРОДУКЦИЯ БУХАРИИ

Бухария, в большой степени обязанная своим плодородием неустанным заботам жителей и инженерному приему, исполь-

зуемому ими для орошения земель, может считать шелк и хлопок в числе самых главных своих товаров.

Шелковичный червь. Шелковичных червей выращивают в Бухаре и в ее окрестностях, в Кермине, Миankале и вообще во всех местах, где достаточно воды и где хорошо растет шелковица. В Бухаре некоторые из этих деревьев достигли необычайной толщины; их можно встретить в Бухаре на берегах каналов и всех водоемов. Шелковицы, листьями которых питаются шелковичные черви, редко достигают высоты свыше 10—14 футов. Бухарцы считают более удобной среднюю высоту деревьев. На невысоких деревьях листья свежее и их гораздо больше, кроме того, их легче собирать. Из сбора листьев с высоких шелковиц бухарцы сделали своего рода наказание за грехи. Они называют такие высокие шелковицы Шах-тути (королевское тутовое дерево).

Шелк из окрестностей Бухары и Кермине считается лучшим. В Бухаре: сырец стоит 13—14 тилла * за пуд, а пряжа — 30—32 тилла за пуд. Слегка окрашенная пряжа стоит 17 таньга за нимча (107 мискалей) ** и 20 таньга, если туда входит красный цвет. Если пряжа окрашена в чисто красный цвет, она продается до 1 таньга 4 мискаля, это значит примерно 26 таньга за нимча.

Небольшое количество шелка-сырца, который импортируют в Бухару из Кокана и из Ходжента, отправляют почти весь в Кабул. Коканский шелк выше качеством, чем бухарский, продается по 16 тилла за пуд, а ходжентский по 15 тилла.

В Бухаре изготавливают разнообразные ткани из чистого шелка и полушелка. Из чистой шелковой материи (дераи) делают платки, шарфы, пояса, тюрбаны. Одежду из дераи могут носить только женщины, так как считается, что если во время молитвы мусульманин будет одет в одежды из чистого шелка, его молитва не дойдет до аллаха. Из полосатой дераи делают платья. Шелковые и хлопчатобумажные ткани, предназначенные для мужчин: бекасаб (полосатые ткани), адрас (пестрые). Преобладающие цвета — голубой, зеленый, желтый и особенно красный. Я привез из Бухарии образцы этих тканей; некоторые из них, особенно из чистого шелка, никогда не ввозились в Россию.

Если бы в Бухарии захотели увеличить количество тутовых деревьев и заниматься преимущественно их разведением, можно было бы легко увеличить производство шелка и значительно

---

* Бухарская тилла равна примерно 15 руб. 12 коп. В 1 тилла —21 таньга, 1 таньга равна 34—36 пулам, в среднем — 35, и равняется 72 коп. 1 пул — чуть больше гроша. Я говорю здесь только о нарицательной стоимости этих монет (прим. П. И. Демезона).

** Бухарский батман весит 8 пудов, нимеман (полмана) — 4 пуда, ду пяндж сир (десять сиров) — 2 пуда, ду ду ним, или 5 сиров — 1 пуд, дую ним сир (4 чарыка) — 20 фунтов, чарык (4 нимча) — 5 фунтов, нимча (107 мискалей) — $1^1/_4$ фунта, мискаль — $1^1/_2$ золотника (прим. П. И. Демезона).

расширить эту отрасль торговли. Но такой план представляет определенные трудности. Коканского и бухарского шелка хватает для нужд бухарских фабрик и для удовлетворения спроса афганских торговцев. Бухарец слишком жаден и беден, чтобы заняться спекуляцией, плоды коей он получит только через несколько лет. Чтобы вырастить шелковичных червей нужно время, старание и руки, а они могут быть использованы на другой работе, которая принесет выгоду если не крупную, то, по крайней мере, более надежную и менее отдаленную во времени. Бухарцы не приложат больших стараний в этой области торговли, если только не будут уверены, что смогут найти для своих товаров надежный и легкий сбыт. Получат ли они большую выгоду от экспорта сырцового или готового шелка в Россию?

Хлопок. Хлопок засеивают обычно с 15 по 25 апреля, собирают с 15 августа по 10 сентября. Культура хлопчатника требует много забот, так как его надо хотя бы раз в неделю пропалывать (выдергивать сорную траву, растущую вокруг растения, достигающего в Бухарии высоты 3—4 футов). Он очень чувствителен к холоду и часто страдает от северных ветров и легких заморозков, появляющихся иногда в конце августа. Успешно выращивают хлопчатник в окрестностях Бухары, в Миankале, Кермине и Самарканде. Каршинский и чарджуйский хлопок более низкого качества.

Семена хлопка, из которых делают масло, продаются в Бухаре от 4 до 10 пулей за чарык (5 фунтов, 7—10 таньга за батман — 8 пудов). Хлопок в коробочке (гуза) стоит 48—52 таньга за батман; хлопок из Карши и его окрестностей — 42—46 таньга. Хлопок, очищенный от своей скорлупы (пахта) — от 6 до 8½ тилла за батман. Пряжа из хлопка (калаба) от 15 до 25 тилла за батман.

Ткани из хлопка, изготовленные в Бухаре, продаются от 4 до 20 таньга за 20 аршин. Первого сорта делают мало. Более состоятельные бухарцы предпочитают покупать русскую панку (китайку), ткань более прочную, красивую и практичную. Тонкий муслин не находит сбыта в России, где его считают непрочным, поэтому бухарские купцы, торгующие с Россией специально заказывают на своих фабриках материю более грубую, но зато прочную. Кербас продается по 3—4 таньга за 20 аршин, кербаси аслери (для подкладки) по 2—3 таньга за аршин.

Каракулевые шкурки. Экспорт черных каракулевых шкурок и сегодня еще для Бухарии богатая отрасль торговли, хотя она и очень пострадала за последнее время из-за беспорядков, происходивших в Хорасане и Кашгаре. Караваны не рисковали показываться на дорогах, полных опасности: некоторые караваны были полностью разграблены, вследствие чего цена на шкурки в Бухаре понизилась. Черные шкурки с маленьким завитком, которые экспортировались в Персию, продавались в последнюю

зиму в Бухаре по 5—6 тилла за дест * примерно от 75 до 90 руб. Черные шкурки с большим завитком, которые экспортировались в Герат, Хиву и туркменам, продавались по той же цене, что и упомянутые. Другие, с крупным завитком (дане дар), экспортировавшиеся в Китай,— более дорогие: они стоят от 10 до 12 тилла за дест. Наконец, шкурки худшего качества, которые экспортировались в Россию, стоили всего 1 ½ тилла за дест. Эти последние известны под названием бакана.

Лисьи шкуры. Из окрестностей Балха, Андхоя и Меймене получают некоторое количество лисьих шкур, которые можно достать от 6 до 4 фунтов за 1 тилла. В Бухарию их импортируют из Кабула и Герата.

Узбеки-найманы из окрестностей Меймене и Шахрисябза выращивают лошадей под названием карабаир, известных своими хорошими качествами. Они менее красивы, чем туркменские аргамаки, но более сильные и выносливые. Эта порода выведена из скрещивания туркменского жеребца и киргизской кобылы.

Бухарцы мало занимаются разведением овец, так как киргизы поставляют их им в больших количествах. Редко можно встретить у них коров или быков, но есть большое количество ослов, используемых для перевозки продуктов на рынок. Некоторые из этих животных, приученные к бегу, могут преодолевать большие расстояния.

Рис. Самый хороший рис растет в провинциях Миankаль и Самарканд. Того количества риса, какое возделывают в Бухарии, недостаточно для удовлетворения потребностей населения, и большую часть приходится импортировать из Кокана, Шахрисябза и Гиссара. В этом году он продавался по 42—44 таньга за батман. Гиссарский рис высшего качества, стоил 48 таньга.

В Бухарии успешно культивируют гендум (пшеница), джугару (Holcus saceharatus), кунжит и захир — разновидности кунжута, джав (овес), арзан (ячмень), маш (вид чечевицы), нахут (горох), лубия (вид фасоли) и вообще все овощи, какие можно встретить в теплых странах Европы, за исключением некоторых: цветной капусты, свеклы, картофеля, спаржи и артишоков. Дыни и арбузы здесь превосходные. Их множество сортов, каждый из них имеет свое название: кутч замбучи, бишкширин, абинабат, каракотур, загар. Некоторые виды достигают необычайных размеров.

Зимой 1834 г. пшеница в Бухаре продавалась по средней цене 12—14 таньга за батман, кунжут — по 32—40, захир — по 23—25, чечевица — по 18—19, ячмень — по 10, джугара — по 11, горох — по 20, овес — по 10½, тюкми-алаф (семена кормовой культуры) — по 42 таньга за батман.

Провинции Карши и Миankаль производят много табака. Каршинский табак — самый высококачественный.

---

* Дест — рука (на фарси). В данном случае — линейная мера.

В Бухарии выращивается большое количество винограда всевозможных сортов: хуссейни — белый с большими ягодами и двумя косточками; сахиби — белый с рыжим отливом, с одной косточкой; суифи — белый с четырьмя косточками. Эти три сорта не выдерживают хранения, и виноград едят свежим. Довольно часто бухарцы тайно дают винограду бродить в больших земляных сосудах (хум), чтобы получить из него потом тот самый напиток, который строго-настрого запрещен Кораном и так великолепно воспет поэтом Хафизом.

Другие сорта винограда сушат. Шибурхане — черный с большими ягодами и без косточек. Когда его сушат на солнце, его называют мавиза. Сиахи — черный, с ягодами средней величины и тремя косточками. Кишмиш хорошо знаком в России. Виноград, сушенный в тени, называется саеги, а сушенный на солнце, называется афтаби, он приобретает рыжеватый цвет. Муска (мускат) перед сушкой погружают один раз в кипящую воду. Поэтому его называют абджуши (прошедший через кипяток).

Большую часть заселенной Бухарии занимают сады, где растут: абрикосы, миндаль, вишня, дикая вишня, персики, груша, слива, яблоня, орех, тутовник, айва, гранат, зизифус. В южных провинциях можно встретить фисташковые деревья. Финики поставляются из Персии, апельсины и лимоны неизвестны в Бухарии. Кроме этих деревьев, ветки которых служат для отопления и построек, в Бухарии еще есть бид (ива), сифидар (серебристый тополь) и дерево, известное под названием буре, которое завезли из Самарканда и с гор, где берет свое начало река Зеравшан.

ТОРГОВЛЯ БУХАРИИ

Товары, которые получает Бухара
Из Индии через Кабул.

1. Нашатырь (аммиак), который покупают на месте приблизительно по 15 тилла за бухарский батман. Зимой 1834 г. его продавали в Бухаре по 66 тилла.

2. Кимекаб. Шелковая материя, тканая золотом или серебром, шириной в аршин. Стоимость ее неодинакова. Для платья надо 8—9 аршин, и обходится оно от 10 до 45 тилла. Большую часть отправляют в Кокан.

3. Дака. Английский муслин различной стоимости для тюрбанов. Он немного уже русского муслина, который можно встретить в Бухаре, но сравнительно дешевле. Тюрбан из 24—28 аршин стоит от 12 до 25 руб.

4. Хайдар шахи. Калекот шириной в один аршин. 12 аршин стоят от 9 до 11 таньга. Эта ткань известна в Бухаре под названием Хайдар шахи, так как Хайдар-хан приказал изготовить ее в Бухаре, но попытка оказалась неудачной, и осталось одно только название ткани.

5. Чит. Английские набивные ткани из хлопка разного качества.

6. Чите нассирхане. Хлопчатобумажная набивная ткань индийского производства. Шириной около одного аршина. Кусок в 12 аршин стоит 6—7 таньга. Материя, которую называют бадалхане, имеет в ширину всего ¾ аршина. Кусок в 16 аршин стоит 4 таньга.

7. Английские шали разных цветов, набивные и гладкие, от 3 до 6 тилла за кусок.

8. Чакан. Белые платки из хлопка с вышитыми шелковыми цветами. Их вышивают также и в Бухаре, но с меньшим искусством и вкусом. Это одно из любимых занятий богатых женщин.

9. Мурчи (перец) — от 20 до 21 тилла за батман.

10. Зинджибил (сассапарель) — от 12 до 16 тилла за батман.

11. Дальчин (корица) — от 3 до 4 тилла за пуд.

12. Чуби сандал (сандаловое дерево).

13. Рога носорогов. Из них делают рукоятки ножей, эфесы сабель, кинжалов и т. д.

14. Шекер (сахар-сырец) — от 17 до 20 тилла за батман.

15. Нават (леденцы) — от 26 до 30 тилла за батман. В самой Бухаре их также изготавливают очень хорошо.

16. Хина (хна). Ее используют для окраски ногтей рук и ног у женщин и детей.

17. Сина (александрийский лист).

18. Усма (пастель голубого цвета) isatis timtoria. Используется для окраски бороды, бровей и т. д. Очень вредно ее употребление для зубов, которые чернеют и портятся, и для глаз, которые слабеют, краснеют и слезятся.

19. Зарчуба (желтый корень, употребляемый в пищу). Он продается по 9—10 тилла за батман.

20. Хакик (сердолик хайдарабадский).

Из Пенджаба

1. Ниль. Индиго, привозимое кочевниками-логани*, покупающими его в самом Дери**. В этом году оно продавалось по 2 тилла и 4—5 таньга за пуд. Слово индиго пришло из хиндикук (индийская пшеница). Караван-сараи Кандагара, Газни, Кабула, Кундуза, Балха, Андхоя, Карши, Меймене, Шибаргана, Бухары и Хивы заполнены им, но оно не такого хорошего качества как то, которое привозили несколько лет назад. Афганцы не знают, куда им поместить огромное количество индиго, которое они привезли в последние годы в Туркестан, вынуждены продавать его по очень низким ценам или в кредит и ждать три-четыре года возвращения капитала. Нет сомнения, что они со-

* Так именовались афганские кочевые племена.

** Так в тексте. Видимо имеется в виду один из индийских городов — Дера-Гази-хан или Дера-Исмаил-хан.

гласились бы везти этот товар хоть в Россию, если бы была малейшая надежда продать его немного выгоднее. Некоторые афганские купцы говорили мне, что хотели бы отвезти это индиго в Россию, где могли бы по крайней мере продать его без промедления или обменять на товары, которые они повезут прямо в Кабул и которые сейчас они должны купить у бухарцев. Но так как индиго до сих пор не ввозилось в Россию Бухарией, они не осмеливаются рисковать без малейшей надежды на успех в этой далекой стране, которой они совсем не знают. С другой стороны, их отговаривают бухарцы, опасающиеся установления прямых торговых отношений Афганистана с Россией, что повредит их торговле. Можно было бы легко развеять их сомнения и неуверенность, закупив у Бухары определенное количество индиго, чтобы послать его в Россию. Выгодно ли будет России получать индиго через Бухару? В Бухару больше не поступает индиго из английских владений. Ост-Индская компания, как говорят, запретила сухопутный экспорт, чтобы не вредить своей морской торговле. Но настоящая причина, я думаю, в том, что Пенджаб поставляет достаточное количество индиго для нужд Афганистана и Туркестана. Цена индиго в Бухаре скоро возрастет, если Пенджаб станет владением Англии.

2. Сахар-сырец, изготовленный в окрестностях Лахора, столицы Пенджаба.

Из Кашмира

1. Шали различных видов, например: ризаи — одноцветные и с широкой каймой; рахдар — полосатые, из них шьют платья; бутедар — с пальмами, цветами, букетами; куссе — однотонные с очень узким бордюром в полтора аршина шириной и 6—8 — длиной, из них делают тюрбаны; шамли — 1 ½ аршина в ширину и 10—11 в длину для поясов; алван — одноцветные, три четверти аршина шириной, продается на локоть, из нее шьют пояса и платья; и наконец — джурабы — полусапожки и достгуш — перчатки из кашмира.

2. Каламдан (чернильницы), ложки из позолоченного дерева элегантной формы и очень легкие, рукописи, написанные красивым почерком, и другие малозначительные предметы.

Из Пешавара

1. Лунги — белые и голубые тюрбаны из хлопка. Они очень солидные и очень прочные.

2. Рис более высокого качества, чем бухарский. Но его привозят очень мало и в основном в подарок хану, кушбеги или каким-нибудь высокопоставленным лицам.

3. Нюхательный табак, предпочитаемый больше, чем привезенный из России.

4. Табакерки из кокосового ореха (балагун).

5. Весы, сделанные из верблюжьей кожи (теразуи чармн), которыми широко пользуются в Бухаре.

6. Сахар-сырец и немного сахара, изготовленного в Джелалабаде и в Сукмане, в двух днях езды от Кабула.

Из Кабула

Усма, зарчуба, некоторые афганские ружья, сабли, кинжалы, луки, немного риса и некоторое количество лисьих шкур.

Из Бухары в Кабул вывозят: большое количество золотых чеканных монет: тилла бухарские и голландские дукаты; чеканные деньги или в слитках, коканский шелк, шелковые и полушелковые платья, шелковые носовые платки, чай и китайский фарфор, коноплю из Кокана, туркменские коджари (попоны для лошадей) и некоторые русские товары, такие, как золотые и серебряные нити цвета кермез (пурпурный), нанку, олово, медь, железо, сукно, воск, шелковые ткани, сундуки, русский фарфор, бумагу, маленькие зеркала, иглы, подносы, выделанную кожу и некоторые мелкие товары из стекла.

Из Бухары в Герат вывозят: железо, медь, выделанную кожу, нанку, иглы, зеркала и другие предметы русского производства. Оттуда получают ковры различного качества, величина коих колеблется от 4 до 15 аршин, а цена от 6 до 40 тилла. Лисьи шкуры, ягнят низкого качества (некоторые из них попадают в Россию). Фисташки и бузгунч (фисташковое дерево приносит поочередно в один год фисташки, в другой — бузгунч, последний используют для красок), сухой чернослив, кисловатый на вкус, опиум.

Из Бухары в Персию через Мешхед вывозят много каракулевых шкур, чеканного золота, кашмирские шали, которые торговцы предпочитают доставлять из Кабула в Бухару, а оттуда переправлять в Персию. Дорога из Кабула в Мешхед через Герат кажется им очень трудной и ненадежной, особенно в последние годы.

Из Кермеза получают* хорошие ковры, перец, сассапарель, более высокого сорта, чем тот, какой получают из Индии, корицу, гвоздику (микхак), шафран, опиум, хиль ( )**, жевательную резинку, лисьи шкуры, шали из Кермана, платки из красного и черного шелка, тюрбаны из шелка с бахромой, изготовленные в Тегеране, шелка, тканые золотом, из Кашана, тростник, используемый для письма, бирюза из окрестностей Нишапура и некоторые изделия из английских тканей.

Из Китая в Бухару через Кашгар и Кокан ввозят большое количество туктачая (кирпичный чай), аккуйрюк (зеленый чай)

---

* Так в тексте. Идентифицировать этот пункт не удалось.

** Пропуск в записке П. И. Демезона.

и еще один сорт чая более высокого качества, имеющие довольно неприятный запах от сумок из лошадиной кожи, в которых их привозят из Кашгара, денег (серебра) в маленьких слитках, фарфора, черного корня, приятного на вкус, хотя и немного горького.

Из Кокана ввозят небелёный шелк и коноплю, которую переправляют большими партиями в Афганистан, рис из окрестностей Кокана и Ходжента. В Кокан ввозят шелковые ткани из Бухары, каракулевые шкурки, некоторые русские товары: нанку, кожу, сахар, чугунную посуду, кораллы и т. д.

Из Индии привозят английский муслин, шелковые материалы, тканые золотом или серебром, хлопчатобумажное полотно (нассирхане), а также кашмирские шали, сахар-сырец, перец, мускатные орехи, нашатырь, гвоздику, корицу и большое количество индиго.

Из Шахрисябза получают рис более высокого качества, чем бухарский, и очень красивые гранаты. Оттуда же привозят карабахских жеребцов, менее рослых, чем туркменские, но более выносливых и сильных. Жеребцы из Джизака, Самарканда и Миankаля не такие хорошие.

В Шахрисябз ввозят только индиго, какую-то продукцию из Индии и небольшое количество русских товаров.

Из Хивы получают довольно много лошадиных, бычьих и верблюжьих шкур; полушелковые полосатые ткани, не такие тонкие, как ткани, производимые бухарскими фабриками, но более прочные и практичные, их охотно покупают киргизы и китайцы; яблоки лучшего качества, чем бухарские. В конце марта и в апреле туркмены привозят жеребцов (аргамаков). Лучших из них оставляют для конюшен хана и кушбеги, других продают преимущественно афганским купцам, перепродающим их затем в Индии по баснословным ценам.

Большая часть угля, потребляемого Бухарой, поступает с берегов Амударьи, недалеко от Хивы.

Из Бухарии в Хиву вывозят значительное количество индиго, зеленый чай и особенно туктачай, табак, сухофрукты, шелковые пояса, шелковые и хлопчатобумажные ткани, сахар-сырец, английский муслин, но в небольших количествах, хлопчатобумажные платки, вышитые шелком, рис, джугару и довольно много пшеницы, которая в начале 1834 г. продавалась до 3½ тилла за батман, тогда как в Бухаре она стоила не больше 1 тилла.

Торговля Бухарии с Бадахшаном совершенно разорилась с тех пор, как несколько лет назад эта местность была опустошена Мухаммед Мурад-беком, ханом катаганов* и части хазарийцев*. Этот принц находится в Кундузе, но его власть рас-

* Искаженные названия жителей Афганистана.

пространяется от Гиндукуша до Бамиана и Хульма. Все жители Бадахшана были истреблены или обращены в рабство и проданы, хотя они и сунниты, в Бухарию и Хиву, а город полностью разграблен и опустошен. Атма, диванбеги[37] или премьер-министр Мухаммеда Мурад-бека, захватил все камни, лапис-лазурь, которые нашли в Бадахшане, и цена на них значительно повысилась в Бухаре, где они стали редкостью, так как на рудниках, дававших эти камни, никто не работал.

Торговля, которую ведут бухарцы с киргизами, значительна и, как кажется, особенно выгодна бухарцам. Киргизы поставляют в Бухарию овец, лошадей и верблюдов в обмен на пшеницу, джугару и другие бухарские товары.

Благодаря своему географическому положению Бухария должна, казалось, быть настоящей кладовой всех азиатских и европейских товаров, поступающих в Туркестан. Тем не менее ее торговля вот уже в течение нескольких лет значительно ослабла. Вот, если я не заблуждаюсь, причины, способствовавшие этому ухудшению положения. Индийские, логанийские и афганские торговцы, перевозящие в Бухарию продукцию Индии, Пенджаба и Афганистана, вывозят отсюда лишь очень маленькое количество товаров. Все наличные деньги, остающиеся у них в руках, они обменивают на бухарские тиллы и голландские дукаты, которые затем выгодно перепродают в Кабуле и Индии. До сих пор они вывозили только золото. Но так как оно стало очень редким в Бухарии, они стали забирать серебро в слитках и русские целковые. В этом году они вывезли их на значительную сумму. Мервские, мешхедские и даже некоторые бухарские торговцы проделывают с бухарским золотом такие же спекуляции.

Кто-то осмелился посоветовать нынешнему хану запретить вывоз золота из его государства. Но он ответил, что благодаря всемогуществу бога Бухария была процветающей страной, и его блаженный отец Мир Хайдар мудро решил не запрещать экспорт золота, не видя причин для запрета; и к тому же очень хорошо, что соседние народы считают его страну богатой. Советники хана вынуждены были одобрить мудрые меры и снисходительные взгляды блаженного и могущественного правителя благородной Бухарии.

Узбекские сановники, имевшие земли или капиталы, потеряли значительные суммы и почти все разорились на спекуляциях индиго. Я имел честь в своем первом рапорте рассказывать об этих махинациях. Волнения, происходившие в Кашгаре, экспедиция принца Аббаса-Мирзы в Хорасан поставили в последние годы новые препятствия торговле Бухарии с Персией и китайским Туркестаном и нанесли бухарским торговцам большие потери. Купцы, торгующие с Россией, ввозят уже в течение многих лет одни и те же товары, не думая ни об улучшении, ни о создании других отраслей торговли, и в результате успешного

развития русской промышленности цены на их товары быстро снижаются.

Деньги стали редки и ввоз даже русской продукции, которая, за исключением предметов первой необходимости, таких, как выделанная кожа, железо, медь, здесь не очень легко сбывается, дает им маленькую выгоду. Почти все узбекские и таджикские торговцы, погрязшие в долгах и чрезвычайно стесненные в делах, вынуждены прибегать к услугам индийцев, единственному богатому сейчас слою в Бухаре. Те дают им деньги в долг под большие проценты и под залог. Располагая капиталами и свободными фондами, они могут оптом скупать товар, ожидая, если понадобится и долгое время, удобного случая для выгодного сбыта этого товара. Так, в ущерб бухарцам они копят богатство, переправляемое ими в Индию, где они затем обычно и оседают после нескольких лет занятий спекуляциями в Бухаре, и увозят те немногие деньги, которые здесь еще остаются.

Для кушбеги выгодно это обеднение сановников, вынужденных теперь заискивать перед ним, чтобы получить от хана какое-нибудь место; он молчит и скрывает правду от своего правителя, считающего свое государство по-прежнему самым процветающим на свете, судя лишь по тому, что рынок на площади Регистан он всегда видит заполненным товарами и что время от времени он получает от своего министра красивые кашмирские платья.

Все жалуются на нехватку денег, но никто не пытается узнать настоящую причину, а тех кто знает правду, страх и эгоизм заставляют молчать.

Демезон, чиновник 9-го класса

Оренбург,
21 октября 1834 г.

Записка М. В. Виткевича

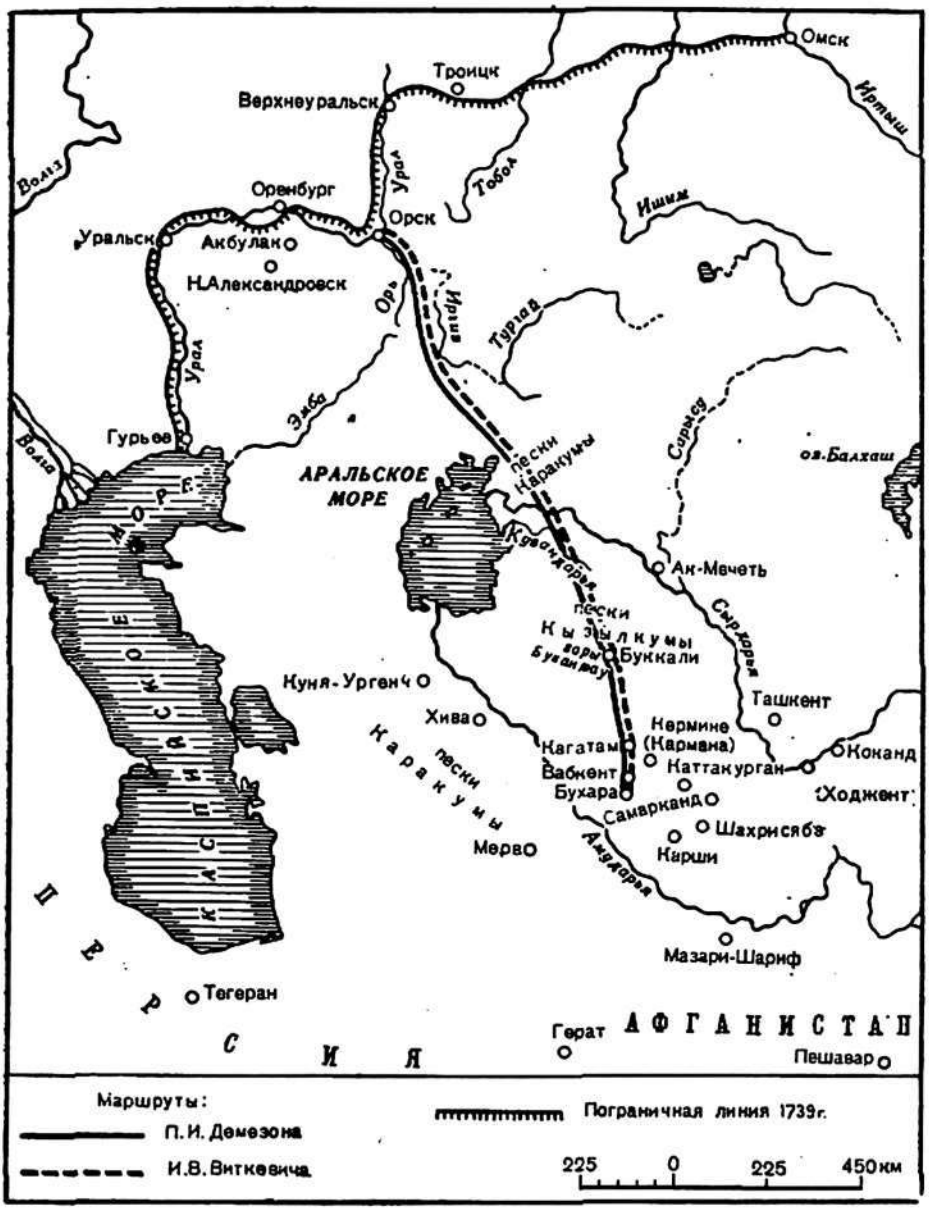
1836 г. «ЗАПИСКА, СОСТАВЛЕННАЯ ПО РАССКАЗАМ ОРЕНБУРГСКОГО ЛИНЕЙНОГО БАТАЛЬОНА № 10 ПРАПОРЩИКА ВИТКЕВИЧА ОТНОСИТЕЛЬНО ПУТИ ЕГО В БУХАРУ И ОБРАТНО» *

Цель и предмет отправления моего в Степь состояла собственно в том, чтобы вникнуть в положение и отношение дел, отдаленных от Линии[38] родов киргизских, действовать внушениями на умы и дух ордынцев, доставить возможно верные и подробные сведения по делам этим, проведать о влиянии бухарцев, хивинцев и англичан и, наконец, стараться о выручке захваченного в прошлом году в плен казака Степанова с женою.

Таким образом назначение мое ограничивалось пределами степи, но обстоятельства принудили меня проникнуть далее и побывать даже в самой Бухаре. Строгая зима и глубокие снега были тому причиною, что в течение зимы не было возможности предпринять обратный путь; аулы, расположившиеся уже на зимовку, начинают подвигаться на Север не прежде весны; трудный и дальний путь, холода, недостаток порядочной пищи расстроили здоровье мое, и мне необходимо было собраться с новыми силами, чтобы совершить обратный путь; и наконец, ташкентцы и хивинцы, которые теперь во взаимной вражде, разъезжали большими шайками по всему пространству по ту сторону Сыра (Сырдарьи.— *Сост.*), и если бы я им попался, то, без сомнения, не миновал бы смерти или рабства; все это и заставило меня продолжать путь с тем же караваном, с которым я вышел, до Бухары, а оттуда выехать в такую пору, когда уже мог надеяться примкнуть к аулам, прикочевывающим на лето к нашим пределам.

Караван отправился из Орска 9 ноября; надежные товарищи

* Далее следует запись 1850 г. на немецком языке, принадлежащая, видимо, Г. П. Гельмерсену, о том, что со слов И. В. Виткевича записку о его поездке в Среднюю Азию с ноября 1835 г. до апреля 1836 г. составил В. И. Даль.



и попутчики мои были: башкир Наджметдин, служивший долгое время письмоводителем при старшине джегалбайлинцев Сютее Исентаеве, и Ша-булат, бухарский купец, выросший в степи — мать его была кайсачка, а отец бухарец — и с давнего времени мне знакомый и преданный. Кроме того, большая часть караванных вожаков были также люди, мне хорошо знакомые.

На Иргиз пришли мы, к озеру Калакайчи-Барби, 22 ноября; на пути этом не видали мы ни души. За Иргизом выезжали к каравану иногда кайсаки, но аулов не видали мы до перехода чрез реку Сыр. На урочище Музбиль, которое на картах наших входит в пространство, означаемое названием Кара-Кум, пришли мы 30 ноября. Здесь украли у нас дюрт-каринцы 25 луч-

ших лошадей, о чем говорено будет ниже. На реку Сыр пришли мы 5 декабря; Куван перешли 8-го; обе реки по льду; здесь встретили мы 180 человек хивинцев под предводительством Ходжи-Нияза, пришедшего собирать подати с кайсаков и обобрать караван. Всего было у Ходжи-Нияза 400 человек, но они разделились на отряды. Три дня, до 12-го, провозились мы с этими сборщиками. 17 декабря перешли мы реку Яны, или Кызыл, что одно и то же, хотя географы наши обыкновенно думают, что это две разные реки. 23 пришли мы к роднику Айгыр-Булаку; 27 к Бала-Караку, роднику в 10 верстах далее от теплого ключа Кара-ата-аулия; 2 января, наконец, пришли в Бухару. Таким образом, путь наш продолжался 54 дня, но в том числе было много дневок и стоянок, а сверх того должны мы были сделать немалый обход, как сказано будет ниже.

Пробыв в Бухаре 45 дней, отправился я 13 февраля обратно, с выступившими в ту пору караванами; 6-го марта пришли мы на реку Куван, 9-го на Сыр, 9-го апреля на Иргиз, а 18-го в Орск. Подробности пути и разные замечания изложены ниже по порядку и по связи предметов.

О хивинцах и отношениях их и других областей Средней Азии к кайсакам

До 1824-го года хивинцы грабили и обирали кайсаков ежегодно, но положенного сбора с них не было. После неудачного опыта нашего, посылки вооруженного каравана[39], хивинцы сделались смелее и стали высылать отряды далее, до самой Сырдарьи, и грабить еще более и наглее. Тогда чумекейцы послали послов и обещались доставлять сами в Хиву закят с тем, чтобы хивинцы уже их не грабили; дело состоялось, и этот порядок длился до 1832 года. Тогда чумекейцы (Утятлеу-бий, отделения Кульбы, и Азнабай, отделения Джильдер) поехали в Хиву, в надежде выслужиться у хана и, поссорившись с однородцами, которые неуравнительно вносили закят,— предложили хану, чтобы он снова посылал сам сборщиков, закятчиев своих, как водилось прежде. Хан только этого и ждал; с того времени хивинцы ездят по Сырдарье, до самого Ак-Мечета Ташкентского[40], где отделяется Куван от Сыра, и грабят беспощадно чумекейцев наших, которые зимуют здесь и прикочевывают на лето к Оренбургской линии между Орска и Верхнеуральска. До этого все ташкентцы, а частию и бухарцы, сбирали с чумекейцев закят тогда только, когда эти слишком близко подходили к пределам их; иначе они оставались свободными. Ныне же насилие это вошло в употребление, и наши так называемые подданные, будучи с нашей стороны освобождены от всякой подати и в то же время подвергаясь, по беззащитности своей, всем произвольным притеснениям и поборам хивинцев, понево-

ле повинуются им более чем нам и считают себя более или менее подведомственными хивинскому хану.

Закят, или подать, когда кайсаки посылали его сами, собирался только с баранов из 40 — один; ныне же кладут в оценку весь скот, кроме лошадей, и берут баранами, кошмами, лошадьми и вещами, в чем хозяин отказать не волен; берут, что хотят. Кроме этой сороковины хивинцы берут еще кура-баши, т. е. по одному барану с загона, с овчарни, со стада. Ныне собрали хивинцы с одних чумекейцев до 3 тыс. кошм, из которых каждая стоит не менее 4-х целковых, да баранов до 28 тыс. голов; так что на деньги выходит всего более 300 тыс. руб.; и весь отряд сборщиков, до 400 человек, продовольствуется и одевается сверх того всю зиму за счет кайсаков и возвращается с награбленным имуществом. Закятчи эти выезжают в степь и зимою в одном изодранном халатишке и обирают первого встречного киргиза: сдирают с него тулуп, халат и говорят ему, что это за счет закята. Воины Ходжи-Нияза состояли большею частью из каракалпаков; были однако же и туркмены. Чиновники отряда были все родственники Ходжи-Нияза. Кайсаки называют хивинцев презрительно сарт, а в лицо — оралды или ургянджи. По Кувану чумекейцы наши сеют много хлеба; богатые кочуют, оставляя байгушей обедневших на месте, дав им корову, несколько дойных овец, и байгуши пашут, сеют семена хозяев, а урожай делится пополам. Хлеб ссыпают в ура, ямы, по 2—3 мешка, т. е. 8—12 пудов; хивинцы из хлеба этого берут подать, а именно с десяти ям одну. Главное хлебопашество на Нур-Ходже и Миг-Ботмане* — на том месте, где Куван разбивается на множество рукавов, которые снова соединяются, и где множество озер. Если кто из кайсаков скроет скот или хлеб, то с ним обходятся крайне жестоко; с него берут что хотят, все, и нередко еще убивают. И Ходжа-Нияз-бий казнил ныне несколько человек; между прочим у него угнано было несколько лошадей; воров поймали и обоих тотчас же повесили, по неимению шестов и вообще леса, на камышевых козлах. С Ниязом был и казы, духовный судья. Он и муллы толковали кайсакам непрестанно, что каждый кусок баранины будет харам, нечист и поведет их прямо в ад, если они не уплатят положенного закята правоверным, или если осквернят стада свои, уплачивая из оных подать христианам-русским.

У чумекейцев, которые в баранте[41] с алтын-япасцами (джапасцами), дюрткаринцами и кипчаками, лошадей очень мало; большей частью одни верблюды и бараны; а как в северной части степи одни только лошади могут довольствоваться круглый год подножным кормом, то чумекейцам и остается только запасать сено для баранов своих между Уралом и Иргизом, где иначе зимовать невозможно, или убираться на Сыр.

* Так по рукописи, хранящейся в Архиве АН СССР. В рукописи, находящейся в ЦГВИА СССР, это слово читается как Ленг-Ботмане.

Обстоятельство это передает их в руки хивинцам. Два отделения дюрткаринцев (Сеит-куль и Чубан) и два чумекейцев (Тока и Куняк) поссорились в прошлом году с закятчиями хивинскими и прибили их; поэтому отделения эти зимовали между рекой Иргизом и песками Музбиль и Калмас и погубили почти весь скот свой. Сколько ни плачутся кайсаки на эти притеснения и разорения, но не имеют средства от них избавиться; с одной стороны, по изуверству своему, внушаемому и поддерживаемому в них хивинскими муллами, с другой — зная уже по долголетнему опыту, что Россия защищать их вооруженной рукой не станет, поэтому принуждены они покоряться Хиве и терпеть; но положение их жалкое и гибельное. Доселе на Сыре у хивинцев укреплений нет, года тому 4 как послали они было человек 400 для возобновления древнего Джанкента на Сыре, но кайсаки их прогнали; в нынешнем году хивинцы хотят поставить укрепление, и Ходжа-Нияз указал уже для этого место на Миг-Ботмане. Кайсаки и особенно чумекейцы и дюрткаринцы беспрестанно говорят о том, что ожидают, не пойдут ли русские на Хиву; они бы без всякого сомнения приняли в этом деятельное участие.

Одно племя туркменов Тляка поссорилось и подралось было ныне с хивинским ханом за то, что он хотел отдать дочь одного туркмена за хивинца; ибо туркмены не отдают ни за что дочерей своих за инородцев и обыкновенно даже не бе́рут и у них жен, но хан уступил, они опять помирились. Каракалпаки суть чернорабочие хивинцев и расположены к ним по одному только изуверству и по слепой вере в непобедимую их силу. Бухарцы по невежеству своему и по проискам пронырливого, корыстолюбивого кушбегия останутся в случае войны ничьими; не будут ни помехою, ни пособием.

Если бы стать твердою ногою на Сыре, то нет никакого сомнения, что хивинцы сделались бы совершенно ничтожными, схоронились бы в берлогу свою, кайсаки наши были бы в безопасности и между Сыром и Уралом водворилось бы совершенное спокойствие и повиновение. Это можно предсказать с совершенною уверенностью. Хивинцы не будут в состоянии предпринять что-либо против отряда, защищенного полевым укреплением, хотя бы отряд этот был и весьма незначителен; власть и влияние их исчезли бы вовсе, и самая торговля наша была бы безопасна, ибо тогда бы хивинцы не осмелились грабить и обирать караваны.

Ныне власть и влияние нашего управления простирается почти не далее пограничной черты Урала и не внушает ни кайсакам, ни областям Средней Азии особенного уважения и страха, который необходим для повиновения. На любовь и привязанность нравственную, добровольную, основанную на убеждении и рассуждении, на такую привязанность ни считать, ни полагаться нельзя. Снисходительное и миролюбивое правительство

наше доселе тщетно надеялось достигнуть этим путем повиновения и спокойствия в Орде Зауральской. Неоднократно случалось мне слышать в ответ от кайсаков, которых хотел я устрашить угрозами и заставить отречься от воровского промысла своего: что русские нам сделают? Не в первый раз слышим мы эти угрозы, не в первый раз грабим их, и поколе Аллах милостив — все сходит с рук. Хивинцы — дело иное, тех не тронь.

Часть родов чумекей, дюрт-кара и роды кичкина-чиклы (которые не подходят к нам ближе Каракума), кита-киреит, тыляу и уак, уходящие на зиму за р. Сыр, вовсе не считают себя подданными русскими — это для них новая мысль. Их хивинцы приучили уже к такому безотчетному послушанию, что один хивинец, приехавший в любой аул, делает что хочет. Они так привыкли повиноваться каждому постороннему человеку, который только вздумает ими повелевать, что даже и я, например, пользовался между этими дикими, отдаленными родами, гораздо большим уважением, чем в родах близких к пределам нашим, где меня не боялись, а следовательно и не слишком уважали. Алтыняпасы и много родов Средней Орды считают себя подвластными Ташкенту, т. е. Кокану; но и за этих хивинцы нередко дерутся с ташкентцами. Некогда ташкентцы брали закят даже с чумекейцев, но теперь принуждены были уступить их Хиве. Бухаре принадлежат только кайсаки, известные под именем: илибай; это не род, а сборище, случайный сброд разных родов и отделений, около 1500 кибиток, кочующих между Яман-Кызылом и пределами Бухары в горах Букан. Они не богаты, вопреки названию своему, которое означает богатые аулы. Между Карши и Бухарой кочует еще сотни две кибиток чумекейцев. Илибаи эти промышляют привозкою углей и дров в Бухару. Более подвластных Бухаре кайсаков ныне нет. Султан Сарджан-Батырь, который, обще с ташкентцами делал набеги на Омскую область, поссорился ныне с союзниками своими, образовал отдельный отряд в 300 кибиток хорошо вооруженных воинов и грабит всех соседей. Часть рода дюрт-кара подходит к Орской крепости на мену; зимуют дюрткаринцы, все равно как и кичкина-чиклы, около Каракума, идут потом за Сырдарью, за Куван, в Кызыл-Кум, и подходят ближе к р. Аму, чем все прочие. Поэтому хивинцы и наложили на них руку и собирают с них подать, но если нет снегу, который здесь заменяет воду, то роды эти не удаляются от Кувана. Вскоре, по упадке власти Арун-Газыя[42], умершего ныне в Калуге, хивинцы сделали над родами кичкине-чикли и дюрт-кара хана — Джангазы Ширгазыева (Манапбай Каипов — тоже), сына Ширгазы Каипова, внука Каип Абулхаирова, который был ханом Хивы. Прадед этого хана Джангазыя, Абулхаир, присягнул, как известно, на верноподданство России.

Хан этот человек еще молодой и уполномочен собирать дань

с проходящих караванов, если на ту пору не случится хивинских закятчиев. Он летом подходит к Иргизу, иногда даже переходит реку эту. Он собирает также с подвластных ему родов закят и наложил в прошлом году на орский караван двойной налог, т. е. взял по пяти со ста, вместо обыкновенной сороковины, или двух с половиной процентов, за то, что третьего года караван прошел, не заплатив закяту. Он бы разграбил караван, пришедший с 700 человеками, но караван, к счастью, завладел перевозными лодками на Сыре; переговоры шли долгое время через реку, наконец должно было выплатить требуемое. Тут, например, у одного приказчика орского 1-й гильдии купца Мусы Назарова, у Мухаммед-Шарифа Махаррамова, взято товарами на 1500 рублей. Этот же приказчик отправил, пришедши в Бухару, 615 штук бязи на 9000 рублей для мены с чумекейцами в отделение Сары-Кашка с вожаком Дюрт-Кара Кайралаповым. Этого вожака в свою очередь ограбили ташкентцы, отняли все, переранив людей. Около 20 человек ташкентцев также ограбили приказчика казанского купца Мухтара Мухаррамова — татарина Габита Халитова; взяли 415 баранов, 4 верблюда и лошадь, а самого его увезли в плен. Он торговал в аулах чумекейцев и там же ограблен. Тут же разграбили и приказчика нашего купца Ковалева.

С нашего каравана взято хивинцами с одних бухарцев на 340 бухарских червонцев, или на 5440 рублей. С татар наших берут, как известно, вдвое противу азиятцев, но я теперь не могу сказать положительно, сколько именно с них было взято. У татар наших развязывают тюки, бьют людей и собирают с неслыханными притеснениями и злоупотреблениями; из развязанных тюков хватают и тащат товары во все стороны; хозяин должен со сборщиками браниться и драться — крик, шум и всегдашний недочет. Так, например, в аулах чумекейцев, между Куваном и Яны, хивинцы сторговали в караване нашем чекмени верблюжьего сукна, посулив по 3 барана за чекмень. Хивинцы надеялись отбить ночью у кайсаков баранов и ими заплатить, но проездив всю ночь, не нашли они киргизских баранов, а потому и напали на стадо Шигабутдина Сейфульмулюкова, татарина, торгующего в Орске, и разобрали 400 баранов по рукам, избив приказчика и пастухов. С величайшим трудом отбили и отняли часть баранов этих, но всех не воротили; равным образом и часть чекменей пропала.

Ташкентцы ограбили в то же время и бухарских купцов, но отправленные в Ташкент с ярлыками хана своего, получили удовлетворение. Если посмотришь своими глазами на эти самоуправства, о коих у нас едва ли кто имеет понятие, то нисколько нельзя удивляться застою нашей азиатской торговли. Одни туркмены не даются хивинцам в обиду, как кайсаки, коими один хивинец в черной высокой шапке помыкает как ему угодно; туркмены закята не платят никакого, исправляют только

казачью службу и привозят иногда подарки, коли приезжают в Хиву. Хивинцы, как известно, учредили ныне нового хана над родами: адай, биурдын, или чумучлитабын, и чикли (аит и буджюр). Роды эти большею частью кочуют или зимуют на восточном берегу Каспия, за Устюртом, но искони принадлежат нам. Хан этот известный наездник Султан Каип-Галий. Таким образом, хивинцы поставили ныне по хану на обе стороны Аральского моря и распространили власть свою далее чем когда-либо со времен заложения Оренбурга.

В Хиве живет и действует заодно с хивинцами Юсуф Сарымов, сын известного Сарым-Батыря, разбойника[43], рода байуллы, отделения байбакты; он ушел в Хиву назад тому 3 года из-под Уральска, бывал в С.-Петербурге, имеет две медали, золотую и серебряную, и причина неудовольствия его вовсе неизвестна. Сюин-кара, который прежде враждовал, делал набеги на линию, но со времени заложения Ново-Александровска пришел с повинною, доселе еще остается верным России.

Помянутый хан Каип-Галий и Сарымов ездили от хана хивинского сами к нему, к Сюин-каре, но он им отвечал, что останется русским. Хан хивинский до этого посольства еще собрал земляков убитого разбойника Кутерабара, чиклинцев отделения тляукабак, старшин отделений назар, чурень и других и требовал, чтобы они платили закят Хиве и делали набеги на Россию и на кайсаков наших. Хан угощал их и роздал им много пороху. Кайсаки приобрели ныне также немало пороху в Бухаре, где он хотя и плох, но необыкновенно дешев — каких-нибудь два рубля пуд. Они обещались исполнить волю хана; но бий Утарали (отделения киргиз или тляукабак), в верности коего мы доселе сомневались, показался в этом случае; он отказался, уехал под видом болезни в Бухару и пробыл там во все время споров, советов и приуготовлений. Хан хивинский действительно в половине января хотел итти на Ново-Александровск; он собрал до 18 тыс., но по нерешимости войско разошлось и начальник принес саблю свою хану, прося лучше отрубить ему голову заранее. Этим вполне подтверждается справедливое и неоспоримое мнение, что хивинцы кичатся только на словах, в надежде на авось, но что в душе боятся нас и что одною только силою можно изменить образ их действий. Старший брат хивинского хана — инак[44], который как все инаки этого двойственного правления, пользуется только почестями, а власти никакой не имеет, крайне отговаривает хана итти на русских.

Хан Хивы живет в дружбе со всеми своими родственниками, не как бухарский, и обедает не один, а всегда со всей семьей, до 40 человек, малых и великих. Этому причиной старший брат, инак, и на него вся Азия указывает, как на пример. Он человек кроткий, не добивается власти, и хан его уважает. Хивинские города, сама Хива и Ургенч, как говорят, гораздо хуже всякой бухарской деревни, хотя и в этой нет ничего завидного.

Стены хивинских городов весьма плохи и не могут выдержать никакого сопротивления. Хивинцы живут также хуже, простее бухарцев; пленные наши и персиане ждут русских в Хиву с того времени, как Аббас-Мирза был в Хорасане. Этому подал повод персидский батальон, составленный из русских беглых и пленных солдат. Сами владельцы Средней Азии, по невежеству своему и глупости, не имеют никакого понятия о силе и могуществе России, презирают в душе все немусульманское и коснеют в черством и однообразном невежестве своем, не заботясь о будущем, не занимаясь прошедшим. Слухи о победах наших над турками и персианами дошли сюда, в Среднюю Азию, в самом искаженном виде и большею частию почитаются какою-то сказочною молвою и мало кто этому верит. Сам кушбеги бухарский спросил меня, правда ли что мы победили персиан и турок и что взяли с них столько-то миллионов? На утвердительный ответ мой отвечал он двусмысленною улыбкою и сомнительно покачивал головою.

Хивинские воины, кара-аламаны, ходят обыкновенно в изорванных халатах и в черных или рыжих высоких шапках; у 180 человек, которых я видел, было не более 18 самопалов и несколько копий — по недостатку древок немного; сабли были у всех, а пистолетов не было вовсе. Сабли туркменской и своей работы; лошади плохи; аргамаков было только два хороших, да с десяток похуже; прочие лошади породы джабау, некрасивая и нехорошая порода; лошади мелки, нескладны и слабы. Народ стройный, красивый; каракалпаки поплотнее, хивинцы худощавее; туркмены тонки, высоки и статны.

Хивинцы слышали, будто я везу четыре ящика сабель в подарок кайсакам. Сказка эта основана на том, что один из купцов вез четыре ящика стали, в прутьях, что верблюдов его вьючили недалеко от моего жилища в Орске, и некоторые думали, что это мой товар и сабли. Ходжа-Нияз и диван-беги* его, пленный персианин Джапар, всячески добивались сабель этих, наконец даже раскупорили ящики, обыскивали караван и насилу успокоились и отвязались.

Караванов не грабят они ныне для того только, чтобы пользоваться постоянным и произвольным с него побором; впрочем малейшая неприятность и ныне еще нередко имеет последствием разграбление каравана, который всегда пробирается между страхом и надеждой, и, идучи в Бухару или из Бухары, не смеет миновать пределов Хивы, где подвергается всем насильственным и произвольным поборам. У меня в ножнах шашки зашито было 300 червонцев; хивинцы удивлялись тяжести шашки и успокоились тем, что ножны, как у русских сабель обыкновенно бывают, железные и только обшиты кожею.

---

* Здесь — управляющий делами.

Рядового поляка, кажется, из Кизильского батальона в 1835 году летом поймали япасцы, от них взяли чумекейцы и отдали в счет закята Ходже-Ниязу в Хиву. Рязанов, бежавший из Хивы в Россию, а потом из Астрахани опять в Хиву, вместе с другими снова хотел уйти в Бухару; но был пойман и посажен на кол, вместе с кривым малолетком Полудовым из Орска и с Андреем Аршиновым. Андрей Аршинов, обще с братом своим, бежал из Астрахани года тому три и разбойничал по Каспийскому морю вместе с туркменами и адаевцами. Полудов был увезен вместе с отцом своим около 1827 года из Орска и ныне казнен за четвертый побег. Отец его еще жив, в Хиве, и работает на кунжутной мельнице.

Мнение, что в Азии мусульмане и тем паче сунниты не подвергаются рабству, не совсем справедливо. Татар наших нередко продают на базарах, не спрашивая их о исповедании. Те, которые живут в городе, довольно безопасны; но если их поймают где-нибудь туркмены, для чего разными хитростями заманивают в степь, то нередко привозят на базар для продажи. Равным образом среднеазийские мусульмане не исполняют наказ Корана своего и в том отношении, что никогда не освобождают пленника, принявшего их исповедание. Почти все пленники наши и все персиане, хотя большею частью только для виду, приняли, по принуждению, исповедание повелителей своих; но ни один для этого не получил еще свободы.

Яныдарья ныне суха вовсе; полуоседлые кайсаки около Сыра, занимающиеся хлебопашеством под защитой ташкентцев, сделали плотину для задержания воды, пущенной по пашням. Аральское море, по общему мнению, убывает значительно. Против устья Яны в заливе Кара-Шур была вода верст на 20 еще во время экспедиции Циолковского в 1824 году; ныне все сухо, и море отошло далеко. Причиною этому кажется то, что устье Амударьи ныне почти вовсе занесло илом и травою, и река обратилась к Куне-Ургенчу, разливаясь далеко за оный, в песках. Жители, разоренные наводнением, повторявшимся с 1832 года, по этому случаю ежегодно основались опять в покинутом некогда Куня-Ургенче. Куня-Ургенч лежит на старом русле р. Аму; предание говорит, что когда сделана была известная плотина и река пошла в Арал, то старое русло высохло и жители принуждены были покинуть город. Ныне устье Аму обмелело, река стала разливаться по сторонам и снова подошла к Куня-Ургенчу. Само собою разумеется, что она однако же никогда не может достигнуть Каспийского моря; ей должно бы протечь до 900 верст по пескам и рыхлой почве, и на это не станет в ней воды. Она должна исчезнуть в пустыне этой, образуя болота и топи. Хивинцы, по случаю задержания в прошлом году бухарских купцов в Оренбурге и взятия подписок с хивинских купцов, что не станут держать и покупать русских пленников, уверены, что русские пойдут нынешний год в Хиву, но надеются на силу

и милость своего святого Палвана, которому поручили заботиться о безопасности столицы и ханства.

Дальние кайсаки очень не расположены к хивинцам и, несмотря на изуверство исповедания своего и на подстрекательство мулл, расположены несколько более к русским, которых знают, впрочем, только понаслышке, по сказкам и басням и также боятся и не совсем им доверяют. Вообще кайсаки, за исключением самых ближних и проживавших на Линии, не имеют никакого понятия о подданстве своем и считают себя совершенно независимыми; повинуются, где этого не могут избегнуть, силе, но считают это насилием. В этом нет с их стороны ни умысла, ни упорного, обдуманного сопротивления; они вовсе не знакомы с мыслью, что они чьи-либо подданные, а привыкли думать, что состоят, временно, под властью владельца, к землям которого они по необходимости должны приблизиться.

О Бухаре, о самом ханстве, отношениях и состоянии его

28 декабря встретили мы первых бухарцев; караван-баши за 6 дней послал вперед дать знать хану о прибытии каравана; навстречу выехал джилаудар*, персиянин, невольник хана, который в милости, в чести, ездит на аргамаке и величается таксыр — почесть, оказываемая только вельможам и султанам. При нем было 10 человек; он допросил купцов, составил список товарам и ночью же отослал кушбегию. Джилаудар встретил нас между урочищами Кароком и Нур Ходжа. За два дня хода от первого бухарского селения, Кагатама, есть еще третье и ближайшее урочище, где обыкновенно встречают караваны — это Агатма. От Карока до Нур Ходжи верст 30; столько же от последнего до Агатма, а отселе до Кагатама, первого бухарского селения, верст 25. Караван разделили под Кагатамом на 3 части: на бухарцев городских, деревенских и татар. Первым прикладывают печати к тюкам и собирают пошлину в Бухаре; вторых осматривают и собирают пошлину тут же; татар — как случится, но обыкновенно обирают их также на месте. Почва здесь всюду песчаная, переносный сыпучий песок, так что часть Кагатама и ныне еще виднеется из-под песка, засыпанная вовсе. Несмотря на это, есть сады и виноград. Беспорядочно разбросанные дворы Кагатама обнесены глиняными стенами. Тут есть дом кушбегия, в котором собирают пошлину,— баджхана, таможенный дом. Здесь же, в Кагатаме, сам кушбеги, великий ловчий, сокольничий, который держит пошлину на откуп и платит, как говорят, хану 80 тыс. бухарских червонных, встретил караван и управлял лично и своеручно. Впрочем, вероятно, что откупная сумма преувеличена.

* Джилаудар — в данном случае курьер хана.

И тут без грабежа и насилий не обошлось; брали, что хотели, что кому нравилось. Некто Эдигар-Бик (Бек-Бий) при сборе этой пошлины также важное лице: он приехал с кушбегием и с голодною его толпой, кашлянул, окинул стоявших пред ним покорных купцов жадным оком и приветствовал их громовым голосом, обещав избить палками каждого, кто осмелится утаить что-либо из товаров. Кушбеги, который, как известно, носит почетное, но скромное звание это только для виду, между тем как он по власти своей есть первое лицо в государстве и управляет даже самим ханом, кушбеги хотел блеснуть знанием европейских дел; он повторял несколько раз урок, который затвердил, как сам признавался, от бывшего недавно в Бухаре англичанина Бёрнса: что англичане на море, а русские на суше — сильнейшие государства в Европе.

Товарищем моим из самого Оренбурга был, как я уже сказал, полубухарец Ша-Булат; но кушбеги, который не хотел называть простолюдина шахом, дал ему название Там-Булата и допрашивал его с угрозами, не везет ли он в числе своих и мои товары.

Дело в том, что немусульманин платит пошлины вдвое противу правоверного, и поэтому думали, что я приехал торговать под именем Ша-Булат; не хотели верить, чтобы у меня товаров не было вовсе. Кушбеги позвал меня. Ты русский? Русский. Зачем приехал? Особенной надобности у меня нет; я был послан к кайсакам за пленником, харчи у меня все вышли, роды, с которыми мне отправляться, откочевали, глубокие снега сделали дороги непроходимыми; ташкентцы, туркмены и хивинцы на пути разбойничают; поэтому я прибегнул к Бухаре как к союзной державе. Хочу пробыть несколько времени здесь и отправиться после с попутчиками, с кайсаками. Товары есть у тебя? Нет. А деньги? Есть, 200 червонцев. Я снял чресленник и просил, чтобы кушбеги сам велел сосчитать деньги. Глаза у него разгорелись на мое золото, но ему было как-то совестно обобрать меня, и он искал предлога. У нас, сказал он, в Бухаре на все есть законы, и с денег твоих по законам нашим следует взыскать пошлину. Я отвечал, что и сам жил в государстве, где судят по законам и привык им повиноваться. Знаешь ли Искандера? — спросил кушбеги. Я думал, что он говорит об Александре Македонском; но оказалось, что речь шла об Александре Бернсе. Я сказал ему, что путешественник этот расхвалил его, кушбегия. Это ему понравилось. Искандер подарил мне книжку, продолжал он, очень любопытную, но не мог мне объяснить хорошенько содержания ее, потому что знал плохо по-персидски. Он кое-где на краях написал перевод. Но книжки этой, о которой кушбеги знал только, что она очень любопытна, не показал он мне и впоследствии, вероятно, затерял ее или поленился отыскать. Он говорил о ней только, чтобы показать ученость свою.

Принесли и стали рассматривать ружье и пистолеты мои с

пистонами, но кушбеги отворачивался и боялся этого нового изобретения, хотя знал и видел его уже прежде. Эдигару поручено было сосчитать червонцы. Нашлось 197. Наперед всего положено было взыскать пошлины за полные 200, потом пошли толки, сколько взять? Мусульмане платят с 40 по одному, а неверные вдвое. Толковали мне, что с армян, с индийцев берут также по 5 со ста, с Искандера взяли столько же. Я не спорил, но кушбеги, желая прикрыть действия свои благовидным предлогом, позвал муллу и спросил его по-татарски, сколько следует взять с русского, ибо русские доселе, кроме послов, никогда в Бухаре не бывали, а по-персидски сказал ему, мулле: с десяти один. Я отвечал по-персидски же, что может взять и с пяти один, может также взять и все. Это немного озадачило кушбегия, и он своротил разговор, начав расспрашивать меня; где я выучился по-персидски. Наконец, взяли со 197 — 20 червонцев, причем кушбеги повторил несколько раз, что он, впрочем, спросит еще хана, согласно ли это будет с волею его, и готов немедленно возвратить деньги, если хан это прикажет. Само собою разумеется, что это было одно только пустословие. Меня спросили, где я буду жить — в деревне или в городе? Я хотел было оставаться на сахре, вне города, чтобы разъезжать свободно; но кушбеги предложил мне нанять квартиру в его сарае, от чего я впрочем отказался, и настаивал, чтобы я ехал в город. Караван разошелся; верховые поскакали в город и по деревням, к знакомым своим, а я поехал в Вабкенд, 2 1/2 фарсаха [45], верст 20 от Кагатама, в дом Ша-Булата. Кушбеги приказал мне явиться к нему в городе.

По 54-х дневном степном пути довольно приятно было видеть селение. Беспорядочно разбросанные глиняные мазанки, впрочем все до половины развалившиеся, с плоскими кровельками — вокруг сады, виноградники; почва: ил, глина, песчаные бугры и солонцы. Я поместился в михмане-хане, в гостиной комнате Ша-Булата; это на дворе отдельно складенная избушка, об одной комнате, в которой четверо дверей, с двух сторон по двое; откуда ветер, там двери затворяются. Каждый двор обнесен глиняными стенами. Видно, что местечко было некогда в лучшем положении; есть много остатков бывших строений. Старые глиняные стены, в которых есть солома и навоз, разбиваются и употребляются бухарцами для назему.

В полуверсте от Вабкенда переезжают реку того же имени через деревянный мостик, ширина реки сажен 10, 12 — мост подлиннее.

Этот и следующий день однодеревенцы — трудно назвать Вабкенд городом, да и бухарцы сами одну только столицу свою честят этим именем — однодеревенцы Ша-Булата приходили с поздравлениями, рассказывали дела и новости свои, у кого какие споры, тяжбы, и у кого сколько танапов [46] земли и каков был урожай. Погода стояла ясная; по ночам были сильные мо-

розы, за 10°, а в полдень таяло на солнце. Греются здесь посредством сандалие — род низенького столика, под который ставят жаровню, накрывают столик одеялами и садятся в кружок, сунув ноги и руки под стол. Ели плов и баранину. В Вабкенде есть башня, минарет, который стоит сам по себе, без мечети; минарет этот кирпичный, довольно искусно сложенный. Есть предание, что какой-то хан велел убить строителя подобной башни в Бухаре, чтобы он не мог построить в другом месте что-нибудь подобное; но ученик этого зодчего бежал в Вабкенд, выстроил башню в одну ночь и сошел с ума. Вышина башни этой 40 газ, т. е. 20 маховых саженей. Есть поверье, что Орская крепость стоит выше Бухары или выше Вабкенда на 40 таких башен и что в течение сорокадневного верблюжьего хода понижается ежедневно на высоту одной башни. Это может быть близко истины.

2-го января навьючил я все необходимое на одного верблюда и отправился с башкиром своим и Ша-Булатом в город. В полутора фарсахах от Вабкенда переехали мы мост Таш-Купыр, кирпичный, построенный через р. Заревшан Абдуллой-ханом, как и вообще все порядочные строения приписываются здесь этому Абдулле-хану, владевшему, как говорят, лет за 200. Мост длиною сажен 30, шириною с не большим в две сажени; он начинает разваливаться, но никто его не чинит. В заломах на столбах моста много надписей; путники изливали в стихах благодарность свою Абдулле-хану.

Река Вабкенд впадает в р. Заревшан немного ниже Таш-Купыра. В Вабкенде вода еще мутнее, чем в Заревшане; течение и тут и там не быстрое. Вся земля изрезана канавами; все мостики, ведущие чрез множество канав, поломаны и попорчены так, что по большой дороге, которая, впрочем, нередко суживается в тропинку, едва можно проехать верхом. Вдали, по дороге, виднеются сады, виноградники и жилища. У самого моста, по ту сторону, на правой руке глиняная мечеть, на левой — лавочки и кузница для проезжающих. Тут, в лавочке стоит и русский самовар, которых навезли ныне сюда много. В полуфарсахе, по дороге, селение — едешь почти непрестанно между глиняными стенами или между пашнями, изрезанными канавами. Далее, на канавах, построено множество мельниц — мутовок, почему место это и называется Ассия, мельницы; тут же есть и медники, которые в особенности делают медную посуду, для омовений мусульман, известную здесь под именем *кашгари*. Мельницы стоят на курьих ножках, на кривулинах в руку толщиною, и обмазаны глиной. Всего от моста до города около 3-х фарсахов, от Ассия остается один фарсах, верст 8 или 10. Тут встретили мы толпы народа, возвращающегося с базара, из города. Чрезвычайно смешное зрелище; холод был значителен, накинув один изорванный, стеганый халат, надев на босу ногу изодранные башмаки и перекинув мешок через спину осла, си-

дит бухарец, сгорбившись и заложив руки за пазуху, на ишаке своем и непрестанно толкает его пятками по бокам. В городе остановились мы в сарае Аяз, по имени бывшего хозяина.

Глиняная стена, или вал, коим обнесен город, вышиною около 5 сажен; толщина ее у основания аршин 5; окружность полагают — фарсах, до 10 верст. Стена поддерживается тут и там земляными быками; вершина украшена зубцами; под зубцами, вокруг, с внутренней стороны, род уступа, который обваливается и крайне узок, так что пройти по нем едва ли возможно, за исключением разве некоторых мест, близ ворот, где выдаются площадки, с которых сталкивают иногда преступников. При мне столкнули, за воровство, двоих; один сломал ногу, другой весь расшибся, но, кажется, они остались оба живы. Рва нет; остались одни только признаки его; ворот, как говорят, 12; но когда я заставлял бухарцев назвать их по именам, то всегда одних ворот не досчитывались. Впоследствии я слышал, что одни ворота завалены вовсе и в них не ездят.

Названия ворот следующие:

1. Самаркандские, 2. Мазар, 3. Кауаля, 4. Салляхана, 5. Намазга, 6. Шейх-Джелаль, 7. Каракуль, 8. Ширгиран, 9. Талипадж, 10. Каляндар-хане, 11. Имам.

Притворы или полотенца плохие, сколочены из мелкого лесу; в случае нужды их заваливают снутри камнями и землей. Вплоть к стенам города, вокруг, примыкают сады, дачи, обнесенные также стенами, примыкают и лепленые и мазаные лачужки, все это, с небольшими промежутками, окружает город на значительное расстояние, простирается, например, почти до самого Вабкенда. В городе высоких манаров (минаретов.— *Сост.*) кроме Манар-Каляна, о котором было уже упомянуто, по случаю башни Вабкендской, нет. Вид города при въезде неопрятен, неблаговиден; улицы непомерно узки, так, что если встретишься пеший с двуколою арбою, которых, впрочем, очень мало, то нельзя пройти, а остается только перелезть через ось и колеса. Ось по обе стороны боронит мазанковые стены. Поблизости базаров теснота и толкотня непомерно велика. Пешие и конные оглушают друг друга непрестанным криком: пушт! пушт! (поди, поди); разносчики съестных припасов сбивают с ног друг друга; через лежачих идут люди и лошади — словом едва можно пробиться и протолкаться; но лишь только пять раз в день — мадзины (муэдзины.— *Сост.*) позовут к молитве, как мгновенно улицы пустеют, и кто не идет в мечеть прячется по крайней мере куда может, чтобы его не отыскали ханские есаулы.

Из строений заслуживают замечания: базары, бани, караван-сараи, мечети, медресы и Арк, или дворец. Три главные базара: *тим*, где продаются ткани, ковры и шелковые изделия; *чар-су*, где продается всякая мелочь, шитое платье, утварь, сбруя; *саррафан*, где есть и продажа, но большей частию сидят меня-

лы, индийцы. Три базара эти все одного зодчества: круглый, кирпичный свод, на таких же столбах, к которому примыкают кругом такие же своды, меньшего размера. Между сводами, большею частию, некрытые треугольные промежутки. Под сводами, прижавшись к столбам, сидят продавцы; глиняный пол базаров так выбит, что весь состоит из ям, в колено глубины. Во всех примыкающих к базарам улицах и переулках есть лавки. Все эти базары древни, ветхи и приписываются также Абдулле-хану; новые базары состоят из обмазанных глиною, сложенных из полешков сводов, которые образуют род кровли. Эти базары крайне безобразны.

Бани постройкою своею походят на базары, но только пространство между столбами забрано стенкою, обмазано глиной и строение гораздо ниже. В сводах бань вставлены небольшие окошки в одно стеклышко, и внутри бывает очень темно, нечисто, неопрятно; пол очень дурно устлан плитами, стены выбелены и всегда мокнут; средний свод, забранный особою стенкой, есть самое жаркое отделение бани, которая топится снизу, нагревая каменный пол; из среднего свода восемь дверей ведут в восемь особых приделов, в своды меньшего размера. Бани все принадлежат медресам или другим общественным заведениям, их отдают на откуп. Откупщик преважно заседает в заломе, у входа в баню; тут же, в особой загородке, под открытым небом, раздеваются, и банщик стережет платье. Лучшая баня Маскаран; в ней и в бане Гамами-Ходжа парится сам хан, который за это ни копейки не платит; это не водится. С частных людей, впрочем, также не полагается определенной платы; бани суть народные, богоугодные заведения; банщик не смеет даже спросить денег, а кланяется вежливо тому, кто сам подает несколько пул, и всегда довольствуется этим подаянием. Несмотря на это, бани отдаются, как я уже сказал, на откуп. Все бани в Бухаре гадки и нечисты, но банщики моют хорошо, бреют, в то же время приговаривают всякую всячину, выпрашивая себе подаяние, ибо содержание от хозяина не получают.

Караван-сараев, или просто сараев, как их называют в Бухаре, по крайней мере 25; замечательнейшие: Раджаб-Бик-Диван-Беги; в нем я остановился, перешед из Аяза, где мне не показалось. Это четвероугольное кирпичное здание, об однех воротах, с двором посередине. Три яруса расположены амфитеатрально, уступами, один уже другого; на низу конюшни и несколько комнат; во втором ярусе кладовые; третий содержит жилые комнаты, шага по три ширины и по пяти длины. В комнатах небольшие очаги для котелка или чайника. Здесь платят в месяц: за комнату 2—4 танег, а таньга около 20 коп. серебром; за кладовую — 7—14; за конюшни особой платы не полагается.

Снаружи, в толстых глиняных стенах сарая, множество заломов, в которых торгуют мелочники. Вокруг сарая отчасти при-

леплены снаружи избушки, частию оставлен ход или улица, которая так узка, что двум человекам рядом нельзя пройти. Во всех сараях двери и деревянные работы неимоверно дурны; петель у дверей нет, а ходят они на деревянном веретене, на пятке и притворяются не плотно. Хозяин сарая Раджаб-Бик получает, отдавая его на откуп, ежегодно до 300 бухарских червонцев. В этом сарае стоят обыкновенно андаджанцы, туркестанцы из разных мест, иногда и хивинцы. Длина бока этого сарая до 25 сажен; всего в нем до 300 жилых нор.

Сарай Аяз больше Раджаб-Бика, но ветх и крайне неопрятен. В нем пристают беглые наши татары, афганцы, гератцы, менялы-бухарцы; тут же живет известный армянин астраханский Мартын Егоров Берхударов. Сарай Аяз той же постройки, как и все прочие, за исключением одного или двух. Но все почти сараи больше или меньше разваливаются и вообще в самом неопрятном и дурном положении. У нас бы никто не согласился жить в такой конуре, в которой помещаются здесь богатые купцы и сановники, не подозревая даже, что можно бы жить получше. Помянутый Берхударов вставил было в дверь свою, для свету, стеклянное окно о 4-х стеклах; это было такое диво, что весь город сходился смотреть и щупать стекла эти, поколя наконец их выбили, и Берхударов принужден был заменить их бумагою.

Сарай Ногай очень ветх и дурен, в нем едва возможно жить. Живут там без исключения одни татары (беглые), человек до 1000, по 6—8 в одной конурке, и проводят большую часть дня на воздухе, за чеботарной работой. Приезжающие из России татары останавливаются тут же; один из земляков такого приезжего очищает ему комнату свою, прислуживает и за это получает безделицу.

Сарай Тамбаку, получивший название от продажи в нем табаку. Табак сеют в Бухарии повсюду, но русский для нюхального, а каршинский для курительного почитаются лучшими. Первый известен под названием нос или носовой. Довольно странно, что курить и нюхать строго запрещается, но продавать явно табак и трубки не запрещено. Курят почти все, нюхают также очень много, но все это втайне. Сарай Тамбаку выстроен как русский деревянный постоялый двор; покрыт весь, и свет входит только в ворота. Комнат не более шести.

Два сарая Ходжа, оба одних хозяев, а именно родственников ханских, из коих один живет ныне в Оренбурге. Хан объявил сараи эти своими. В одном живут одни индийцы; он велик, но очень ветх и в самом дурном, неопрятном положении. Замечательно, что отхожее место этого сарая есть плоская кровля верхнего яруса: десятки людей во всякое время сидят там, под открытым небом, без всякой огородки, ничем неприкрытые от взоров целого города, как только накинутыми на голову халатами.

Сарай Пахта — хлопчатой бумаги. Мал и нечист, завален весь, сверху донизу, тюками хлопчатой бумаги. Из деревень товар этот сами поселяне не привозят, но барышники ездят по деревням, в базарные дни, закупают бумагу и сваливают ее здесь.

Сарай богатого афганца Бедрутдина. Купец этот имеет жен и дом в Бухаре, приезжает ежегодно из Кабула и первый капиталист в Бухаре: у него полагают до 40 т. тилла, или 160 т. руб. Он ежегодно вывозит в Кабул до 100 лучших лошадей и много русских товаров. Сарай новый, хороший, не мал. В нем останавливаются большею частью афганцы.

Сарай Мирза-чуль. В нем стоят также афганцы логани и жители разоренного города Мавра[47]. Сарай старый и плохой.

Сарай Кушбеги, мал, но в хорошем положении. Сам кушбеги проводит большую часть времени там, в особой комнате. Останавливаются наиболее персиане.

Три сарая Ургянджи, или хивинские, заняты все хивинцами, привозящими в Бухару хивинские халаты, которые кочевыми народами предпочитаются халатам бухарским. Привозят тоже яблоки, джиду[48], зимою рыбу; закупают в Бухаре пряденую и хлопчатую бумагу для отправления в Оренбург, бумажные ткани, индийскую выбойку, краски, чай, каракульские мерлушки и прочее.

Сарай Филь-Хана. Наверху живут беглые татары, сапожники (Кауш-Дуз), а внизу ташкентцы и кокандцы.

Сарай Эмир, то есть ханский — темный, тесный, служит только кладовою. В другом ханском сарае, Эмире, торгуют каракульскими мерлушками.

Сарай Абдулла-Джан. Наверху живут кашемирцы и афганцы, внизу бухарцы. Сарай Карши — продажа каршинского табаку. Живут в нем индийцы и бухарцы-тулупники. Тулупы эти никогда не заготовляются в запас, а поспевают обыкновенно при наступлении весны; в продолжение морозов народ толпится и дожидается по целым дням шубы; пробившись таким образом половину зимы, бегая по улицам в изорванном халате, при 10, 15 и более градусов морозу, бухарец наконец покупает тулуп и при наступлении весны, проносив его несколько недель, спешит продать первому охочему за полцены.

О будущем здесь не заботятся и каждую весну забывают, что опять придет зима. В сараях Берра и Дамулля-Шир останавливаются кокандцы и ташкентцы, торгующие чаем. Два сарая Исмаил-ходжа, старый и новый; в первом останавливаются туркменцы и вообще люди, приезжающие на своих лошадях и верблюдах, ибо в нем конюшни довольно просторны; во втором стоят бухарские купцы, а вверху — ногаи, беглые татары. Сарай Алям — где стоят бухарцы. Сарай Паяс-Таны, где кундузцы продают невольников. Невольники эти: газаря, каферы, чатрар[49], бадахшанцы, а иногда и русские, гератцы, персиане.

Эмир Мухаммед Мурад-бек, нынешний владелец кундузский, непрестанно делает набеги на окружные народы, берет пленных, и купцы их привозят в Бухару. Платят за них 20—50 тилла или бухарских червонцев, за хороших девок дают до 70, за пригожих мальчиков до 40, но работники обыкновенно не дороже 30. Говоря о караван-сараях, надобно заметить, что почти каждый купец бухарский держит комнату в сарае; ему негде более складывать и держать товары свои, негде торговать. Во всех домах такая теснота, дворы так непомерно малы, калиточки так узки, что нет возможности ни пронести, ни сложить в частные дома тюки и товары; при этом взаимные сношения жителей и приезжих, все дела производятся только на базаре, да в сараях; по домам никто почти друг к другу не ходит; дом и двор почти всегда на запоре.

Мечетей в Бухаре считают до 300; они большею частью хуже всякой нашей избы; мазаные глиняные, со сводом, темные; на некоторых небольшая и невысокая вышка, вместо минарета, или же моаззин просто сзывает народ безобразным криком своим с крыльца мечети. Бóльшая часть мечетей не велики; помещается сотня людей, много полторы.

Мечеть Джума, пятничная, соборная — считается первою. Там молятся только по пятницам. Она кирпичная, древняя. *К ней принадлежит стоящий невдалеке минарет, вышиною в* 60 газов, в 30 маховых саженей. Он довольно искусно выкладен узорами из темного кирпича и об нем уже было упомянуто, когда говорилось о башне Вабкендской. Мечеть Джума и минарет этот верх славы и гордости бухарцев, и они твердо уверены, что нигде в целом мире нет ничего подобного. С минарета этого сталкивают иногда преступников, если вздумается хану. В мечети могут поместиться, по словам бухарцев, до 20 тыс. молельщиков; но следует заметить, что 20 тыс. эти стоят под открытым небом, ибо мечеть состоит из четвероугольного пространства, обнесенного каменным навесом на столбах и под сводами, как наш Оренбургский гостинный двор, с который и будет величиною, т. е. ряд сводов составляют покрытый ход, шириною шагов в 15; наружная стена сплошная, внутренняя состоит из столбов и сводов. Средина или двор не покрыт. Известь всюду осыпалась, надписи стерлись и строение в дурном положении..

Мечеть Гау-Кушан, той же постройки, но гораздо меньше; минарет ее вышиною около 25 газов. Древнее кирпичное строение, также в плохом положении. Гау-Кушан значит: мясники, коровorезы; название это дано мечети по соседней улице, где были прежде бойни.

Мечеть Аталык стоит у самых ворот Арка, или дворца, также каменная, старинная. Она еще меньше Гау-Кушана; своды занимают одну только сторону, а с трех сторон сплошная стена. Мечеть стоит на Регистане, на площади, примыкающей к Арку,

ко дворцу, у самого входа в него. Но Регистан, в нашем смысле, едва ли может назваться площадью. Неровное, нечистое место, застроенное лачужками и лавками, заваленное сором и грязью, изрытое какими-то канавами, рытвинами и промоинами, бугристое, ямистое, как в башкирской деревне, так что иногда с трудом только можно пробраться по нем по узеньким тропинкам.

Мечеть Сары-Хауз, полукаменная, полудеревянная, небольшая; двора нет, а вся под сводами. Прочие мечети не заслуживают особого внимания: выстроены очень дурно и состоят из нескольких сводов, сложенных из поленьев и кривулин и обмазанных глиной.

Медресов, или училищ, считается до 70; они похожи постройкою на сараи, с тою только разницею, что потолки или кровли их не плоские, а на своде. Ученики живут обще с муллами в каморках и пользуются их наставлениями. В каждой каморке живет мулла, который получает свою долю дохода от этого медресе, доход от приписных бань, земель или сараев. Мулла этот содержит несколько учеников, которые ему в то же время и прислуживают и получают от него то, что мулле угодно им дать. Покидая место свое, мулла продает его другому собрату. Известнейшее медресе Мир-Араб лежит противу первой мечети. В нем до 80 комнат и столько же мулл. Из этого видно, какое множество в Бухаре тунеядцев.

Арк, или дворец — сбор таких же лачужек, небольшой мечети, навесов и полуразвалившихся конюшен — лежит на довольно высоком кургане, который, по общему мнению, в древности насыпан людьми. Всюду, где курган этот осыпался, выказываются бревна, деревянная решетина, состоящая из такого крупного лесу, какого ныне в Бухаре нет. Вход на курган этот под сводом, засыпанным также землею. Дорога под сводом тесная, неопрятная, вся в глубоких выбоинах. Во дворце, под навесом, лежат двенадцать пушек и две мортиры; тут же посиживают и невольники ханские. Две изломанные коляски, одна, кажется, Гавердовского[50], проданная в Хиву кайсаками, а другая, работанная в Орске и подаренная здесь посланцу бухарскому, бывшему в 1831 году, стоят в саду ханском, близ горы, покрытые кошмами; когда туда хан приходит, то их всегда раскрывают. Воду носят и возят в Арк в кожаных мешках; наверху ее нет. Покрытый свод запирается двойными воротами, одне снутри, другие снаружи; в заломах входа того сидят сторожа, караульные, в изорванных халатах; оружие их: ружье, чекан и сабля — стоит и лежит подле.

Наружная отделка ханского жилья ничем не отличается от глиняных мазанок прочих жителей; внутренность, говорят, отделана немного получше, т. е. выбелена; один покой обит русским ситцем, потолок расписан красками. Кроме хана с женами и прислугою живет в Арке еще кушбеги, также с семейством. Строения разделены глиняными стенами; жилище кушбеги раз-

валивается и в самом плохом положении. Беглый татарин Трошка, о котором будет еще говорено ниже, сделал хану за 10 червонцев резную дверь, отделав ее золотом, как в деревнях наших мужики украшают наличники вокруг окон и ставни.

Строения в Бухаре все, за исключением немногих древних мечетей и сараев, глиняные; делают деревянную, из мелкого лесу, решетину и обмазывают ее с обеих сторон глиною, которую месят с навозом и соломою; стены эти бывают обыкновенно очень толсты. Дома все подняты, так что под жильем кладовые или конюшни. Дом к дому с улицы примыкает вплоть; изредка есть промежутки, которые ведут опять в другие дворы. Дворики тесные, иногда не больше комнаты; узенькие калиточки, а ворот не бывает, плоские кровельки, в то же время и потолки; окон на улицу нет почти нигде; иногда есть отверстия на двор, вместо окон, или решетка над дверью; в сараях, обыкновенно, двери на двор двойные: одни деревянные, другие масляной бумаги; на день первая растворяется и свет входит сквозь бумагу; в частных домах лето и зиму растворяют дверь или же сидят впотьмах. Ни во двор, ни в дом никогда не пускают чужого, калитки всегда заперты; хозяин выходит, если кто постучится, и иногда принимает гостя, особенно приезжего, в особой комнате — михман-хане, гостиной, которая однако же есть не везде. Она стоит у самых ворот и ограждена особою стеною. В домах редко бывает более одной комнаты, в которую ведут двое, трое дверей, а из нее вправо и влево бывает по темному чуланчику. Двери выходят на крытый ход, род галереи на столбах, с которой крыльцо или лестница ведет на двор. В некоторых дворах есть колодцы, где дом стоит на дворе, там высокая глиняная стена занимает место его с улицы. Жидовская улица прямее, пошире и дома немного лучше.

В Бухаре считают 300 улиц и переулков; жителей, говорят, до 100 т.; но это без всякого сомнения крайне преувеличено. Кроме собственно бухарцев, в Бухаре много евреев и найти можно жителей целого Узбекистана или Турана*; есть и персиане, индийцы, но те и другие не живут постоянно, а приезжают только по купеческим делам. Персиане безопасны, доколе они в городе, но на пути их нередко грабят и даже обращают в неволю. Индийцев ныне крепко теснят, и они собираются оставить Бухару вовсе. Им не дозволяют более вывозить золото и серебро в Индию — впрочем они действительно почти все золото прибрали к рукам, не позволяют покупать товаров из первых рук, а наконец не дозволяют более жечь покойников. Есть в Бухаре также много калмыков-мусульман; все они в военной службе; это потомки калмыков наших, бежавших в 1772 году с Приволжских степей и переловленных большею частию кайсаками.

---

* Следует понимать, по-видимому,— «жителей всех тюркоязычных стран».

Взамен вывезенного индийцами золота и серебра правительство бухарское начеканило множество фальшивой монеты; любопытно видеть, как правительство смотрит на дела и вещи; отдавать медь вместо золота выгодно и потому, не призадумавшись, делают это, а о кредите, о доверии не имеют никакого понятия. В золотые деньги подмешивают серебро, в серебряные — медь, или делают просто медные, полуженые. Я сказал кушбеги в глаза, что они чеканят их сами; кушбеги отпирался и уверял, что это делают туркменцы, что он велел прошлого года одного за это повесить. Я засмеялся и заметил, что на поддельных и настоящих деньгах явно одна и та же казенная чеканка,— вынул несколько танег и показал ему. Тут он спросил: да как же у вас делают бумажные деньги? И я не мог объяснить ему, что это государственный долг, который уплачивается по мере востребования и основан собственно на доверии: этого он не понимал.

Серебро идет в Бухару из Кашгара за русские товары; золото все идет из России, а потом — через менял-индийцев в Кабул. Его так мало в Бухаре, что два—три червонца можно достать только с величайшим трудом. Поддельные деньги ходят; купцы всегда упрашивают, нет ли настоящих, а в случае отказа берут и поддельные.

Сначала привели меня было, как я уже упомянул, в сарай Аяз, но он так дурен и неопрятен, хуже всякой кухни нашей, что я не решился в нем остаться. Армянин Мартын Егоров Берхударов, астраханский купец, бежавший 4 года назад от долгов, пришел и пригласил меня в сарай Раджаб-Бик Диван-Беги и сказал, что меня спрашивает афганец. Это был Мирза-Гусейн-Али[51]. Берхударов потерял капитал и покинул семейство и дом в Астрахани, разорившись по случаю разбившихся двух судов его; он порядочный молодой человек и плачет ныне, вспоминая участь свою. Он отдает оставшиеся у него 200 червонцев в рост, под заклады, одной только знати, с купцами не водится. Если бы нашему правительству угодно было иметь в Бухаре верного человека, который бы извещал обо всем происходящем, то на это с выгодою можно бы употребить Берхударова, тем более что он человек способный, пишет по-русски и изъявляет на это дело полную готовность свою. Толкаясь всегда между сановниками, знает он все дела. При этом случае упомяну, что в Бухаре все инородцы ожидают пришествия русских и что весть эта разнеслась после похода Аббаса-Мирзы на Хорасан и наконец после похода нынешнего г. военного губернатора в степь.

Англичане содержат в Бухаре кашемирца Низаметдина и дают ему 20 тыс. рупий, т. е. 40 тыс. руб. в год, он живет в Бухаре под предлогом торговли уже 4 года и притворяется, что не мог доселе распродать по выгодным ценам шали свои. Он человек очень смышленый, знается со всеми и угощает знать

бухарскую; отправляет через нарочных тайных гонцов еженедельно и чаще письма в Кабул, где живет англичанин Масон, который доставляет известия эти далее. Удивительнее всего, что Дост Мохаммед-хан, владелец Кабулистана, очень хорошо знает назначение Масона; хан перехватывал даже письма его, но не трогает лазутчика, говоря: что мне сделает один человек! Кажется, что Дост Мохаммед, который всегда обращается отлично хорошо с европейцами, не хочет навлечь на себя их неудовольствие и из уважения к европейцам вообще терпит и Масона. Человек этот живет в Кабуле под предлогом отыскивания древних монет. До него был там персианин мир Карамет-Али, который получал также большое содержание, 400 рупий — кальдар или 100 голландских червонцев в месяц. Но англичане были им недовольны, вытребовали его в Лудиану и прогнали. Низаметдин в Бухаре держит еще при себе родственника, который собственно исправляет письменные дела. Живут они в сарае кушбеги, по тамошнему великолепно; угощают знать; Низаметдин одевается щегольски и собою редкий красавец; товарищ его человек очень смышленый, хотя и неблаговидный, и играет лице подчиненное, хотя по всему видно, что он собственно управляет делами. Деньги получают они от индийских банкиров: Низаметдин старался, немедленно по прибытии моем, познакомиться со мною и выспрашивал меня обо всем: о Новоалександровске, о Новой линии, об отношениях с Хивою и проч. Будучи уже предупрежден, не давал я ему на это положительных ответов; но он, при всем том, отправил на другой же день после расспросов письмо через Карши в Кабул. Зная европейские приличия, ожидал он ответного посещения моего и, опасаясь этим навлечь подозрение бухарцев, ибо сам был у меня вечером — втайне одним словом,— просил меня, через третьего, не навещать его.

Хан нынешний, Батыр-Хан, которого зовут всегда просто эмиром, государем, всю правительственную власть сложил на кушбеги. Кушбеги, Хаким-Бий, косой старик, человек пронырливый, крайне корыстный и в самом деле богат: богаче всех бухарцев и самого хана. Ни одного дела не допускает он до хана и делает совершенно, что хочет, хан уже не в силах ему противу стать. Говорят, будто хан дал ему, при вступлении на престол, клятву слушаться и уважать его как отца; известно, что Хаким-Бий и Раджаб-Бик Диван-Беги возвели хана на престол; но первый удалил последнего и завладел всем. Кушбеги не является по праздникам на выходы, на салям, во дворец; по званию есть много чиновников старше его, хотя они власти никакой не имеют; но он бы должен им всенародно показывать некоторое преимущество, чего делать не хочет. Впрочем, где он сойдется с ними случайно, честит он их и величает, но заграбил всю власть себе, так что прочих ничтожных сановников почти не слыхать и не видать. Под его непосредственным веденнем

кухня, конюшня и весь дворец хана и все управление целого ханства; он все: судья, полицмейстер, дворецкий, церемониймейстер, докладчик и первый министр по всем отраслям и частям государственного управления; а таможня, как сказано было уже выше, у него на откупе. Он выбирает и считает лично хлеб, опресноки[52], которые берут для хана на базаре; он печатает ежедневно кушанье ханское и воду для питья в особом сосуде, чтобы хана не могли отравить; словом, все, малое и большое, рук его не минует. Я бывал у него раз восемь, получив от него приказание заходить, и говорил и спорил с ним много. Он бранился за то, что задержали в прошлом году купцов бухарских, говорил, что пошлет посла жаловаться на это государю, уговаривал меня остаться в Бухаре и ожидать отправления посольства.

Я представлял ему, что он обязался посольству нашему не держать пленных и что, сколько мне известно, купцы задержаны были только на несколько дней, чтобы принудить их дать расписки в том, что они освободят имеющихся у них пленников, коих знали поименно; прибавил, что, по моему частному мнению, довольно странно видеть у нас на свободе разгуливающих барышников бухарских, которые пользуются всеми правами и преимуществами наших законов, между тем как русские в Бухаре есть какое-то безответное существо, на которое всякий может наложить руку и между тем, как те же самые купцы содержат русских невольников, не считая их даже и людьми; говорил, что посольство его, вероятно, не изменит положения дел, доколе он, или хан, не будут действовать благовиднее, что сам я не могу оставаться в ожидании отправления этого посольства и не останусь, ибо как русский офицер, посланный за делами, обязан явиться при первой возможности начальству.

Я должен заметить здесь, что счел за лучшее не скрываться, а сказаться настоящим именем и званием своим. Я сделал это как по той причине, что мог бы легко быть узнан кем-нибудь, если бы сказался мусульманином и чужим именем, тем более, что бухарские купцы писали уже об отправлении моем из Оренбурга и из Хивы,— так и собственно потому, что мне казалось несколько унизительным для русских, а тем более для офицера, скрываться от бухарцев под чужим именем и что хотел сделать опыт, проложить и русским свободный путь в ханство это, доселе неприступное для всякого честного человека.

Кушбеги отвечал на все это, что пленных не выдадут, тем более, что русские сами держат мужиков своих в рабстве, что правоверные выдавать рабов кафырам, неверным, не могут. Впрочем, прибавил он, не шутя, пленникам вашим не запрещается исповедовать веру свою; они все, как видишь, по праздникам пьяны.

Далее кушбеги стращал меня, что бухарцы не станут ходить в Россию, а будут торговать с англичанами, указывая при этом

на Бернса, который делал на этот счет разные предложения. Я отвечал наотрез, что это пустое, что англичане ни под каким видом не могут доставлять бухарцам из Индии железо, медь, чугун в деле, юфть и другие товары, что бухарцы и того менее могут брать товары эти у англичан, потому что отдавать им взамен нечего; хлопчатую бумагу, сушеные плоды и другие произведения земли своей они, бухарцы, за Гиндукуш не повезут и сбывать им произведений этих кроме России некуда. Кушбеги пришел в замешательство, но уверял, что все это изменится, что они скоро заведут Низам *, регулярство и порядок, и тогда дело пойдет иначе. Я напомнил ему, что они дома, у себя, не могут управиться и не совладают с отложившимся городком; это ему очень не понравилось; он говорил, что набирают войско из беглых татар и русских пленников и вскоре накажут возмутителей, что после Курбан-Байрама ** сам хан собирается на Шаир-Сабс (т. е. Шахрисябз.— *Сост.*). Заметим, что хан действительно набрал человек с 10 беглых татар наших в сипаи ***, держал их обманами без жалованья и кроме того обнародовал фирман, по коему все пленники находящиеся в частных руках, приглашались бежать от господ своих и явиться в Арк, во дворец, где немедленно будут записаны в сипаи, в солдаты. На этот вызов явилось также человек 25, которых и держали в самом жалком положении.

При этом кушбеги, с которым я объяснялся прямо и говорил ему не обинуясь правду в глаза, ибо знал по опыту, что это лучшее средство для противодействия козням, хитрым и тайным замыслам бухарцев, которые не боятся греха, а боятся только гласности его, при этом кушбеги спросил меня, почему Мирза Джафар (г. де Мезон) ****, будучи послан в Бухару в прошлом году, не говорил ему таких вещей в глаза, какие я говорю? Я отвечал: потому именно, что он был послан, а я частный человек и говорю все что мне угодно. Впрочем кушбеги относился о г. де Мезоне не выгодно, говорил, что ему, как послу, стыдно было обманывать их и притворяться мусульманином и уверял, что они с самого начала разгадали его и сами над ним шутили.

Кушбеги снова принялся уговаривать меня остаться до отправления посольства, проговаривая даже, что меня не отпустят, и стращал, что хивинцы или ташкентцы убьют меня дорогою. Я отвечал положительно, что не останусь, ибо заехал сюда без воли и приказания начальства, единственно по необходимости, стыдил его, что он так обходится с гостями и говорил, что живой не дамся никому. Тогда он изменил тон, был ласковее и сваливал все с себя на других. Я говорил ему, что в случае

---

* Регулярное войско.
** Мусульманский праздник.
*** В данном случае речь идет о воинах.
**** Речь идет о П. И. Демезоне.

отправления посла надлежало бы, по мнению моему, выбрать порядочного человека; что это была бы собственная их польза. А известно, что доселе место или звание посла было и есть продажное и дается без разбора любому торгашу и прасолу, который и прежде и после посольства своего сидит босой и полунагой в мелочной лавочке своей, между тем как семейство его, для хозяйственного сбережения, голодает. Кушбеги отвечал мне, что каферы, неверные, не достойны лучших послов и что для мусульман было бы предосудительно посылать к нам *хороших людей. Оттого-то, возразил я, дела ваши идут так* плохо; вы презираете людей, которых презирать не имеете никакого права, кичитесь и чванитесь сами собою и сами за то терпите. У царя нашего под рукою более мусульман, чем во всех ваших ханствах, вместе взятых; но они живут свободно, исповедуют веру свою, равно как и ваши подданные пользуются у нас совершенною свободой. Он засмеялся и находил это все в порядке вещей; как же неверный может не оказывать правоверному преимущества? Таковы-то понятия этих народов, таковы их суждения и ответы.

Из этого однако же ясно видеть можно, стóят ли владельцы Средней Азии того, чтобы обходиться с ними так, как это водилось доселе, можно ли равнять их, в каком бы то ни было отношении, с владельцами европейскими и чего можно ожидать от них, чего можно достигнуть, если не стараться разочаровать дремлющих в этом ребяческом невежестве, в этом неограниченном самодовольствии и себялюбии. Относительно задержания купцов бухарских кушбеги уверил меня также, что этою мерою нельзя правительство их принудить ни к чему, ибо, говорил он, что для нас значит потерять несколько сартов; пожалуй, задерживайте! Я знаю, отвечал я, что люди вам недороги, но стоит только задержать товары ваши, тогда вы не то скажете. Это поразило кушбеги; он не нашелся, что отвечать и уверял только, что он человек бедный и товаров в Россию не посылает, кроме разве весьма незначительного количества. Я повторил сказанное и уверял его, что нам очень хорошо известны и товары и прикащики его, которых я называл ему поименно, присовокупив, что доселе воли правительства не было еще на такое распоряжение, но что оно, по частному мнению моему, было бы весьма полезно. Относительно письма г. генерал-майора Генса о выдаче пленных и по другим предметам, которые он, кушбеги, оставил два года без ответа, говорил он только, что это сделалось по недосугу; хан занят и он занят.

Несколько раз принимался кушбеги еще расспрашивать меня о предметах веры нашей, но заметив с первых его слов, что он не намерен соблюдать при этом разговоре должного приличия и уважения, отвечал я наотрез, что у нас всякой исповедует веру отцов своих свободно, что всякий отвечает богу и совести за это, а допросов в этом отношении у нас нет, и я

прошу его избавить меня от них и здесь, где мысли мои об этом предмете никак не могут согласоваться с мыслями его, кушбеги.

Неоднократно также подозревали меня лазутчиком, и кушбеги говорил, что я приехал рассматривать и узнавать все, а после русские придут с войском. Я просил его на это рассудить, что нам высматривать у них вовсе нечего; что мы знаем все, что у них делается, или можем узнать, если захотим, через проживающих у нас бухарцев и что кроме этого недавно посольство наше было у них с 500 человеками войска [53] и что видели тогда все, что хотели.

Была речь неоднократно об Искандере, т. е. о Бернсе, и о Мартыне, т. е. Хонигбергере. На последнего сердился кушбеги чрезвычайно за то, что он успел провезти деньги свои без пошлины; вообще же об этом человеке отзываются здесь дурно; он между прочим продавал какой-то порошок, обращаемый в золото; для этого нужно было только отыскать крепкой водки, которая бы распускала порошок этот; но бухарцы доселе ищут ее тщетно; они выписывали крепкую водку из разных мест, но она, по их мнению, недовольно крепка. И я между прочим, получил поручение прислать самой крепкой водки из России. Об Искандере говорил кушбеги, что он приезжал с предложением основать в Бухаре английскую факторию, что доказывал при этом бескорыстие англичан, пользу от этого заведения для бухарцев, убеждая кушбеги в физической невозможности для англичан завоевать Бухару и указывая на опасных соседей, на русских, от коих могут они только быть безопасны, заключив союз с англичанами. Бернс обещал быть назад через три года, чтобы кончить дело, и кушбеги его приглашал к этому и намерен его покровительствовать.

Скажу при этом случае слово о торговых отношениях наших и об англичанах. Англичане заменить и вознаградить бухарцам торговли с Россией не могут, эта вещь несбыточная, как я уже упомянул выше, по двум причинам: во-первых, англичане железа, меди, чугуна, юфти и других русских товаров доставлять бухарцам не в состоянии уже по отдаленности и трудности пути; во-вторых, им брать взамен своих товаров нечего; звонкой монеты в Бухаре нет; золото все идет из России, серебро из Кашгара, за русские же товары, и произведения Бухары все в излишестве находятся во владении англичан. Мы, напротив, легко могли бы распространить круг торговли своей до самого Мультана [54] и вытеснить английских промышленников из целой Средней Азии. Наш путь ближе, наши произведения и товары в большем ходу и славе, и мы можем вывозить из Средней Азии много предметов, между коими бумага всегда займет первое место; ныне благоприятствует нам еще одно вовсе неожиданное и не многим известное обстоятельство. Дост Мохаммедхан, владелец Кабулистана, ищет покровительства России и готов сделать в пользу нашу все, что от него потребуют; и нако-

нец, что также не многим известно, товары наши во всей Средней Азии, до самой Индии, ценятся выше английских; довольно странно, что английские ткани, заготовляемые для Азии, так дурны, что не могут выдержать ни даже самого поверхностного сравнения с русскими. Все ситцы их и другие бумажные ткани жидки, редки, до невероятности, и только полощены и подклеены; в холодной воде краска сходит и остается тряпка. Я сам сначала не верил этому, но убедился наконец собственными глазами, будучи в Бухаре, куда также завезены уже товары англичанами, хотя сбыт их плохой, потому что товары плохи. Но если с нашей стороны не будет взято никаких мер, то и эти плохие ткани должны наконец занять место наших, и торговля наша упадет еще более.

Об англичанине Стрендже я узнал только вот что: он вышел из Ленкорана, неподалеку Решта, на персидском судне, обще с шекинскими турками или татарами (т. е. с азербайджанцами.— *Сост.*) и прибыл на урочище Ох, на восточном берегу Каспия, между горами Балхан и Мангышлаком. Здесь стал он упрашивать татар, чтобы они взяли его в Хиву, с караваном, и сулил за это до 1000 червонцев; но татары, зная Хиву, боялись положить с ним вместе головы свои и решительно отказались; наконец караван ушел и судно также отплыло. В бедственном положении этот Стрендж с трудом нанял туркменскую лодку, которая нагнала и воротила судно, и Стрендж отплыл обратно в Персию. Я видел в Бухаре прикащиков шекинского купца Мир Абу-Талиба, прибывших на урочище Ох со Стренджем, и от них об этом узнал.

О Вольфе слышал я только, что он, приехав в Бухару, сказался жидом и перешел жить к жидам; но когда он начал проповедовать Евангелие, то те его прогнали, и он, до отъезда своего, жил в караван-сарае.

Муркрофт был чрезвычайно неосторожен; он щеголял, хвастал и хвастался богатством, угощал на золоте и на серебре и тем подал сам повод алчному корыстолюбию бухарцев посягнуть на жизнь его.

В Бухаре есть грузин тифлисский, Мукуртум, 97 лет, свежий и бодрый старик, довольно богатый; он живет в индийском караван-сарае и безвыходно в Бухаре 40 уже лет. Он приобрел некоторое уважение жителей и бранится с кушбегием и с самим ханом, которые желая покорыстоваться от него, призывают его от времени до времени и заставляют принять мусульманское исповедание.

Армянин или грузин Григорий, из Кизляра, человек средних лет, ушедший из Троицка, подравшись с городничим, около 1831 года, также в Бухаре. Он человек очень порядочный и очень жалеет, что был принужден покинуть Россию.

За неделю до отъезда моего из Бухары хан прислал за мною мехтера, служителя. Было часов 9 утра, холод очень значите-

лен. Между прочим я сам видел однажды около того времени у кушбегия на термометре 18° Р.*, а бывало и холоднее. Я был одет в тулупе, халате и армяке, а хан восседал на окне своем в одном легком халате сером, измаранном, т. е. в одной рубахе, ибо халат этот занимал ее место, а грудь была голая, на голове круглая тюбетейка. Окно это без рамы, просто отверстие в стене, от земли вышиною в сажень, и тут показывается хан народу. Мехтер подвел меня со двора к окну, таща за рукав, шагов на десять, и, приложив руку к груди, стоял в подобострастном, полунаклонном положении. Хан чесал бороду красным деревянным, гривенным гребешком и стоящий за ним мальчик джуан подал ему ноженки. Я стал просто вытянувшись, и несчастный мехтер тщетно кивал и мигал мне и дергал за рукав, чтобы я отвесил поклон. Хан взглянул на меня очень важно; спросил мехтера по-татарски: знаю ли я язык? Я отвечал, что говорю по-персидски и по-татарски. Русский ли ты? Русский. Давно ли приехал и зачем? Я отвечал, что живу уже слишком месяц, что был послан в степь и заехал в Бухару, как в союзную землю, по поводу войны ташкентцев с Хивою, чтобы не попасться им в руки, и по случаю недостатка продовольствия. Долго ли пробудешь? Уеду с первыми попутчиками, если дозволено будет, потому что кайсаки уже откочевывают к России, и мне надо отправиться с ними. Ихтиар — можешь, отвечал хан. Видел ли город? Хорош ли? Видел, хорош. В какой ты службе? В военной, пехотной. Сколько у тебя солдат, под командою? Капральство — 75 человек. Так ты и не юзбаши, у тебя и сотни нет! И так пешком дерешься? Пешком. Умеешь ли стрелять из пушки? Нет. У меня есть новые пушки, из которых никто не может попасть в цель; я думал, что ты мастер и за этим послал за тобой. Заметим, что пушки эти особенного устройства: напал кривой, усыпан горбами и неровностями и потому закатывают в него маленькое ядро, которое гуляет по широкому и неровному каналу на свободе. Перед отъездом зайди к кушбегию — сказал хан, и мехтер снова потянул меня за рукав. Я поклонился, хан кивнул головою, и мы отправились.

На улице видал я хана часто: он каждый день разъезжает по мечетям. Наперед едет удайчи с булавой и кричит во всю глотку: желайте эмиру здоровья и долголетия! Потом следуют два отрока, джуана, потом хан в суконном чекмене, в чалме, на лошади, худой и незавидной, покрытой попонами; на хороших аргамаках он ездить боится. За ним едет Салям-Агасы, который откланивается за хана; кричит непрестанно: «Алейкум-салям», там следует еще пара джуанов и несколько прислужников. Хану лет 28; похож он на худощавого бледного жида, среднего роста, с большими черными глазами. Он самоуправен, где кушбеги не устранит его пронырством своим, жесток и де-

* По Реомюру.

лает неслыханные насилия. Мальчиков и девочек уводят от отцов и матерей для скотской похоти эмира; нередко он наказывает телесно, лично при себе, если кто заслужит немилость его. В Бухаре наказывают дубинками, толщиной почти в косое или в коленце так, что ломают кости и нередко убивают до смерти.

Политические отношения Бухары, по ничтожности хана и корыстолюбию кушбеги, в жалком положении; хивинцы и все прочие соседи Бухары грабят пределы ее ненаказанно; город Шагер-Сабз отложился уже лет 15 тому, и бухарцы доселе не могут с ним управиться. Узбек, засевший в Шагер-Сабзе, держится то силою, то хитростями; когда ему пришлось было плохо, то он предложил мировую, прислал хану дочь свою в замужество, и потом опять напал на него врасплох, разбил и разграбил войско его и сохраняет доселе независимость свою.

Постоянного войска, сипаи, состоящего из одной конницы, считается в Бухаре до 12 тыс.; это большею частию узбеки и праздношатающиеся всякого звания и племени; они записаны на службе, проживают где хотят и являются по воззванию; они получают ежегодно по 4 тилла и по 4 батмана пшеницы; кроме этого хан иногда раздает тому, кто первый навернется, отбитых и взятых у кайсаков в закят лошадей; если лошадь у воина пала, то он получает за это ярлык и при первом случае убыль вознаграждается. Десятники, пятидесятники, сотники, пятисотники и тысячники (дабаши, пинджабаши, или караул-беги, юзбаши, пенсатбаши и минбаши, или серкардар) получают по два халата в год и некоторые подарки, как случится, и жалованье. Главнокомандующий есть сам хан. Войско это в самом жалком положении, оборванное, голодное, вооружено крайне плохо и никогда не может быть собрано в целом составе своем. Кроме этого, ополчение из кайсаков, туркменцев (рода арабачи и других), из кочующих узбеков и другой сволочи могло бы составить до 50 тыс. менее чем полувооруженных ратников; говорят, что когда нынешний хан завладел престолом, изгнав предшественника своего, то у него было разного сброду до 40 тыс. Но собрать их действительно дело весьма трудное; а заставить их драться и содержать в целом составе своем сколько-нибудь продолжительное время — еще труднее, даже невозможно. У кого продовольствие вышло, тот едет домой; и все войско нередко исчезает в несколько дней, может быть в самую роковую минуту, которая должна решить участь похода и целого ханства!

Кроме упомянутого содержания, получаемого войсками, при раздаче коего происходят величайшие беспорядки и злоупотребления, войско и в военное время не получает ничего, и каждый сам заботится о перевозке и доставке продовольствия своего. Фуража не отпускается вовсе, хотя он там, по бескормице, важнее всего и становится дороже, чем содержание человека. Приступая к городу, выступая противу неприятеля, войско пе-

ремогается несколько дней, неделю, много две, голодает, воины закладывают сбрую, одежду, оружие за хлеб и фураж и наконец возвращаются, изморив и себя и лошадей, восвояси. Орудий у хана всего около 18, но они в таком положении, что никуда не годны. Вывозят их на арбах, привязывают орудие непосредственно к арбе и стреляют. Есть одна пушка с именем императрицы Елисаветы Петровны и две русские мортиры, орудия эти завезены туда, как говорят, Надир-шахом. Кроме этого, у хана есть несколько фалконетов, прикрепляемых к седлам верблюдов. Фалконеты эти тонкостенны и, по-видимому, кованые; они, должно быть, вывезены из Персии и служат более игрушкой, нежели оружием.

Праздник Курбан-Байрам, следующий за подвижным постом Рамазан, празднуется в Бухаре с возможным великолепием; но все, что я видел, празднество это не стоит, по совести, описания. Все скудно, смешно, безобразно и походит на какой-то нищенский пир, в котором нет ничего, кроме бессмысленной толкотни шайки оборванцев.

Бухарцы по ночам, в ожидании Байрама, начинающегося с появлением луны, сидят на кровлях своих и пялят глаза на небо; кто первый увидит молодую луну, тот получает, если два свидетеля присягнут в добросовестности его, от хана подарок: халат. Утром весь народ, столпясь вокруг хана, отправляется на молитву, за город, на открытое место; хан едет в полном блеске, т. е. в суконном халате своем, на коем впереди пары две золотых кисточек, и перед ним ведут 9 аргамаков его, в числе коих была пара очень хороших. Кроме того предшествовала хану смешная игрушка: на одноколке, запряженной дрянною лошадью, которая была накрыта изношенным халатом, на одноколке этой стоял какой-то навес или шатер на четырех столбах, обвитый цветными и парчевыми лохмотьями. Посредине навеса висел род осмигранного цилиндра, составленного из восьми небольших продолговатых зеркал. Игрушка эта качалась и повертывалась на тряской одноколке во все стороны, и народ давил друг друга насмерть, пробиваясь к этому диву. В толпе шли порознь — по два, по три — ханские воины, человек до 400, которые в самом жалком виде и вооружении выстроились за городом в две линии, пропустив хана в средине. Потом на этой же площади была борьба, шум и крик — и в этом состоял великолепный праздник.

Замечу, при этом случае, вообще, что рассказы Бернса, издавшего путешествие свое в Бухару, странно противуречили всему тому, что мне случалось тут видеть. Он созерцает все в каком-то блеске и сиянии, между тем как я видел одно только отвратительное, безобразное, жалкое и смешное. Или г. Бернс с намерением представил Бухару в преувеличенном и разукрашенном виде, или он был расположен глядеть на все глазами самыми пристрастными.

Пленных персиан в Бухаре множество, значительная часть нынешнего населения Бухары даже происходит от смеси таджиков и узбеков с отпущенниками-персианами. Надобно впрочем заметить, что узбеки берут за себя дочерей таджиков и даже персиан, но своих им не отдают.

Русских пленников знал я в Бухаре до 25 человек. Большая часть их принадлежит хану, человек до 20. По ханству также русских немного; может быть, наберется еще до 50, и то старики, прежнего привоза. Ныне с Линии не увозят, а увозимые с моря все попадаются хивинцам.

Замечательнейшее лице между русскими пленниками — это некто Михальский. Он поляк, из-под Замостья, взят в 1812 году в плен и, будучи прислан в Оренбург за побег, находился до 1816 или 1817 года на Линии. Здесь хотели его наказать за то, что у него на охоте разорвало ружье и сильно поранило руку; подозревали, что он хотел сделать себя неспособным. Он бежал в степь, взят кайсаками и продан кушбегию в Бухару. Он сапожник, столяр, слесарь и все, что угодно. Он и татарин Исмаил произвели чеботарным ремеслом своим в Бухаре переворот: до них не умели здесь сшить сносную пару кауш-мессы, сапог с галошами. Он также отлил хану и пару пушек, о которых было сказано выше. Он женат на бухарке, принял, по наружности, мусульманство, имеет трех детей и часто поговаривал о том, что хотел бы бежать в Россию, плачет и раскаивается в побеге своем, но жалеет бросить детей. Настоящее имя его Фаддей, но он известен под именем Уста-Матвей. Ему лет за 60. У него русские пленники все под командою.

Трофим Андреев, известный под именем Махмуда, трубач Орского батальона, бежавший в 1832-м году. Кайсаки его поймали и повезли продавать в Бухару; тут он сказался татарином; отец его действительно татарин, он же вырос в отделении кантонистов[55], и сам не знает, крещен или нет. Бухарцы сначала не решались его покупать, но когда кайсаки стали отдавать его за 7 тилла, то один бухарец его купил. Трошка божился и клялся, что он мусульманин, тягался с хозяином своим, ходил к казн-каляну, к самому хану, но без успеха. Наконец, по случаю ханского фирмана, о коем упомянуто было выше, бежал он от хозяина, явился к хану и ныне записан в войска. Он также сапожник и плотник и ныне, под начальством Ивана, собирается строить лафеты; поговаривает, однако, что хочет бежать с другими в Шагер-Сабс, и упрашивал меня взять его в Россию, с тем чтобы он был избавлен от заслуженного наказания. Разумеется, что я ему этого обещать не мог.

Иван, господский человек, проживавший в Астрахани, взят на Каспийском море, был 3 года в Хиве, бежал в Бухару и плотничает ныне у хана. Он-то, собственно, по вызову хана, взялся сделать к орудиям лафеты, но требует на то колесы из-под старой коляски Гавердовского, о чем в мое время еще шли пере-

говоры. Иван этот — самый порядочный и толковый человек из всех тамошних пленников.

Коломенский мещанин Егор, известный под именем Московского, славится удальством своим и буйством. Он также бежал из Хивы, где жил у хана, и говорит, что не раз уже собирался раскроить хану лоб мотыгою, которою работает в саду ханском, но не решился предать себя после на истязания, которые его неминуемо ожидали, и поэтому бежал в Бухару.

Артиллериею управляет у бухарского хана бежавший с женою из Сибирского казачьего войска, из конной артиллерии, рядовой. Имени его не помню. Он живет уже давно в Бухаре, называется мусульманом (т. е. мусульманином.— *Сост.*), ходит в алой шапке и имеет нож за поясом, что уже почитается большим отличием. Но собственно топчибаши, начальник артиллерии, природный узбек.

Есть еще какая-то майорская дочь, увезенная с Линии, когда ей было лет 15; теперь ей уже за 50. Она уже на воле, преимущественно занимается промыслом наших своден, прислужничает и навязывается всем новоприезжим.

Беглых татар наших в Бухаре, как уже было упомянуто, великое множество; и немало их, говорят, в Кокане, в Ташкенте и по всему Турану; только в Хиве их почти нет. В степи, подалее от Линии, во всяком ауле два-три человека. Через Бухару проходят также нередко бежавшие из Сибири ссыльные закавказские татары, армяне, грузины, черкесы и греки. Беглых вообще из Сибири очень много. Татары наши в степи учат грамоте, шьют сапоги, ездят воровать, иные торгуют. Похождения одного из этих бродяг, которого я знал в Бухаре, довольно занимательны. Он уроженец города Оренбурга, где жив и поныне отец его, служил в каком-то пехотном полку во время Турецкой войны; передался туркам, был взят в плен вместе с гарнизоном Исакчинским, узнан, прошел сквозь строй и отправлен в Литовский корпус. При открытии Польской войны передался он мятежникам; был в шайке Матусевича, потом, когда кавказские линейцы Матусевича разбили, попал к Станевичу, который соединился с Гельгудом; перешел вместе с шайкой его в Пруссию, воротился и стал разбойничать по лесам; когда же стали преследовать строго разбойников, то пробрался в Вильно, явился и сказался вышедшим из плену башкирцем 9 Кантона, приняв имя убитого им лично башкирца, которого он взял в плен, будучи еще в шайке Матусевича. В Вильно он, в ожидании справки, прислуживал плац-адъютанту. По получении из Оренбурга удостоверения, что такой-то башкирец действительно находился в полку и взят в плен, отправили его, татарина, в Оренбург; на пути бежал он из Черноречья, скрывался у отца в Оренбурге с неделю, украл на Линии у калмыков добрую лошадь и ушел в степь. Там жил он у дюрткаринца Тляулия, но поссорился с сыном его из-за лошади, которую тот хотел у него

отнять, и сын Тляулия выдал его султану Юсупу, а этот препроводил его в Оренбург. Здесь он сказался беглым солдатом, был прогнан сквозь строй и отправлен в Финляндский корпус. Дорогою, сколько он ни собирался бежать, не было к тому случая; ослабив кандалы и выжидая время, пришел он наконец в С.-Петербург.

Когда он со многими другими арестантами стоял в Ордонанс-гаузе, в С.-Петербурге, то кандалы с одной ноги свалились; это было в сумерки; он выскочил в дверь, забежал куда-то за угол, отбил кандалы вовсе и, несмотря на шум и погоню, ушел. За городом познакомился он с каким-то цирюльником, попутчиком, украл у него суму с бритвами и прибором и пришел благополучно в Троицк, исправляя путем должность цирюльника; он пускал в деревнях кровь, лечил и сказывался башкиром, который был отдан в столицу в науку и едет теперь домой. Из Троицка бежал он сам пят, с четырьмя солдатами, татарами, и доехал с ними, не видав ни души, до Тургаев. Здесь явился к Марал-Ишану, святоше киргизского рода, отдохнул, откормил лошадей и отправился с товарищами далее. За Куваном ограбили их кайсаки, избили до полусмерти, бросив нагих. Они в свою очередь напали ночью на путников, увидав огонь, отняли пару лошадей и верблюдов, прибыли на них в Бухару. Ныне этот искатель похождений записан ханом в воины, в сипаи, но жалуется, что не кормят, не одевают, и намерен уйти в Персию в русский батальон.

Батальоном этим командует беглый вахмистр русский Самсон. Когда Аббас-Мирза усмирял хорасанцев, то туркменцы взяли в плен 15 человек русских, посланных рыбачить для принца. В том числе был взят и беглый рядовой Кабардинского пехотного полка, который защищался при нападении туркмен, и один из наездников отрубил ему саблею в один мах руку, в полплеча, выше локтя. Искалечив его, туркмены продали его одному бухарцу за два тилла, и он исправляет ныне должность водоноса. Безрукий не давал мне покою, просил, чтобы я выкупил и вывез в Россию; хозяин его отвечал мне: «Что мне ваши два червонца; он мне давно уже водою выносил более этого, и я держу его, как видите, почти на свободе; но отдать его в ваши руки и отпустить в Россию, сами знаете, не могу; за это и меня повесят».

Беглого татарина Ниджеметдина, о котором я имел честь докладывать его пр-ву г. оренбургскому военному губернатору еще до отправления моего, вывез я из Бухары, обещав сему татарину от имени его пр-ва милосердие. Он желает приписаться в башкирцы, в 4-ю юрту 9-го кантона, где и поныне братья его, между тем как он, еще при генерале Эссене[56], был каким-то образом из этого звания исключен.

Казак Иван Степанов, захваченный с женою в 1835 году у Березовского отряда на покосе, беглыми джегалбайлинцами,

проживающими у дюрткаринцев, находился, по собранным мною сведениям, у кочующих по сю сторону Сыра племен. На пути туда украли у нас из каравана ночью 25 лошадей; поэтому сделались мы осторожнее и стали высылать в сторону, назад и вперед разъезды. Один из разъездов этих поймал известного разбойника рода Дюрт-Кара, отделения Сеиткул, Кулджан-каракчи. Когда привели его, то он уверял, что ехал в караван, чтобы известить о находящемся у них пленнике Степанове и украденных из каравана лошадях, обещая все это возвратить. Купцы хотели везти его с собою и сдать хивинцам, но я этого сделать не позволил, сказав, что он наш подданный, и велел его отпустить, наказав ему строго сказать соплеменникам своим, что если они не возвратят пленника, им будет худо. Он поехал, взяв с собою одного из караванных вожаков, чумекейца, чтобы ему сдать лошадей и пленника. Кулджан привел этого действительно к аулам своим, но здесь сыграли комедию; связали Кулджана, хотели его бить будто бы за ложное показание его и уверили чумекейца, что лошадей украли не они. Силою отнять лошадей было невозможно, потому что караван нельзя было остановиться и что виновные в краже прикочевали к косе или полуострову на Аральском море. Аран, посевернее устья Сыра, где живут до 500 кибиток разбойников, известных под именем Каркру-Аранчи, сорок родов ловцов, которые занимаются охотою, ловят на тычинки куланов, сайг, коз и разбойничают. Это сброд разных племен и родов; говорят, что они на полуострове этом сеют и хлеб.

Вместе с нами отправился из Орска посланный от султана-правителя Юсупа к дюрткаринцам для выкупа Степанова. Он не захотел ехать с Кулджаном и моим посланным, говоря, что первый его убьет, а пошел с нами далее и расстался уже за Сыром. Я дал ему наставление и между прочим запретил выкупать пленника, а велел настаивать, чтобы его выдали так. Кайсаки, разделив добычу, разрознили Степанова с женою, которая родила в степи, и отдали ее вскоре в заклад хивинцам; между тем как муж ее оставался в других аулах. Все это происходило на пути в Бухару, и первая попытка освободить пленника была неудачна.

На обратном пути, перешед реку Сыр, узнал я, что дюрткаринцы невдалеке от нашего пути верстах во ста; но лошади и верблюды как в караване, так и в аулах, были, как обыкновенно зимою, до того слабы, что едва было возможно отправить гонца. С трудом снарядил и отправил я султану Саналию вожака, который отыскал и привел с собою старого знакомого своего,— Булюш-Бая, чумекейца отделения Сырым, зятя того дюрткаринца, Кулбая, у которого находился пленник. Познакомившись с ним дружески, представил я ему обязанность услуживать начальству нашему, обещал награду и отправил его за пленниками. Вместо 4-х дней, после коих следовало ему воз-

вратиться, прошло семь; тут он наконец явился с предложением, чтобы я дал бумагу на имя Кулбая, что его не будут преследовать, если он выдаст пленника. Я сделал это, снабдил его еще подарками, и он надеялся привезти вскоре казака. Но на 4-й день приехал он с порожними руками, избитый, в крови; это произошло оттого, что посланный от Юсуфа кайсак хотел непременно выкупить пленника, отговаривая Кулбая отдавать его даром, отчего и вышла ссора и драка: Булюш-Бай возвратил мне данные ему подарки и не хотел ничего взять; лошадь измучил он до того, что пришел пешком; рассказал, что поссорился на вечные времена с тестем и подрался.

Бик-Мирза, один из первых хищников, который сам отдал жену казака в Хиву, на беду подоспел туда же и, желая вовлечь весь род в ответственность с собою, уговаривал единоверцев своих не отдавать пленника; Кулджан делал то же, давал даже за него выкуп и хотел везти его к хивинцам. Я потерял было всю надежду; стал однакоже уговаривать султана Саналия и башкирца своего Ибетуллу Сайфулина ехать туда и, отдав Булюш-Баю на дорогу лошадей своих, отправил наконец их всех вместе. Они поехали и возвратились только на 12-й день. Они прежде всего, по общему совещанию, явились к дюрткаринцу Тляулию, бывшему разбойнику, который рассорился с Бик-Мурзою, дрался с хивинцами, бегает от них ныне, а потому и не трудно было убедить его, что он должен услуживать русским. Тляулий будучи сам болен, послал с нами Кулджана и других к Кулбаю и начал по делу этому стараться. К счастью, Бик-Мирзы в ауле не было; они успели застращать Кулбая, взяли казака, привезли к Тляулию, а потом и в караван. Тляулий при этом написал мне письмо, в котором уверял, что никогда не хотел ссориться с нами, но что притеснения наших мелких чиновников и султана-правителя причиною всех раздоров; изъявлял желание, чтобы я был послан начальством для разбора взаимных притязаний и начетов родов: дюрткара, джегалбай, тамын и табын, чтобы их помирить, заставить разделиться между собой и с нами и допускать впредь без притеснения к мене и кочевью. Словесно Тляулий изъявил готовность свою содействовать при поимке разбойника Бик-Мирзы.

Казак Степанов — человек больной, слабый и глупый; из него нельзя было выведать ничего.

Старшина джегалбайлинского рода Сютей, как я узнал здесь, виною всех беспорядков и неудовольствия джегалбайлинцев; он исподтишка представлял им стесненное их положение по случаю основания Новой линии и уговаривал противиться распоряжениям правительства. Насчет проживающих у дюрткаринцев беглых джегалбайлинцев, человек до 10, которые служат первым вожаками и предводителями шаек, остается сказать, что если бы захватить родственников их, кочующих здесь у Линии, то вероятно беглецы были бы выданы.

Русских в степи нет нигде, но беглых татар, как я уже упомянул, множество. Видя это, нельзя не пожелать, чтобы татары наши вообще отдаваемы были на службу во внутренность Империи и чтобы их в Оренбургском корпусе, откуда бегает их до половины, не было.

Относительно пути нашего замечу следующее: из Орска прошли мы чрез Иргиз до Каракума, глубоким снегом, не видав ни одного аула. За Иргизом напали на нас чумекейцы, которые считали нас разбойниками. Дело объяснилось по урану[57], по отзыву, и кончилось тем, что у нас украли трех верблюдов, которые и пропали.

В Каракуме снегу было мало, дров довольно, и мы отдохнули. Аулов не видали впрочем до самой Сырдарьи, а люди иногда навстречу выезжали. Чрез Сыр перешли мы по льду, где и встретились с хивинскими сборщиками, о чем было уже говорено. До Бухары шел караван 52 дни, т. е. около 30 верст в день. На Сыр пришли мы в 27 день, а ровно в месяц до Кувана. Впрочем, стояли мы иногда по нескольку дней на месте, а иногда делали верст до 70. Мы перешли чрез Сыр около 200 верст от устья его, при урочище Майлибай-Чаганак; ширина реки в этом месте зимою сажен 150. Разлив бывает самый большой в июле, от таящих снегов при источниках реки, и тогда река занимает все пространство между возвышенным кряжем берегов ее, версты на три и более.

Яныдарья суха вовсе и по руслу ее растут большие кусты джингила; Куван не шире как сажен 15, и всюду есть броды.

Хивинцы с осени уже рассорились и подрались с ташкентцами за сбор податей с кайсаков. Ходжа-Нияз посылал в Китинский род за закятом, и посланный воротился с известием, что и ташкентцы приехали к китинцам за податью и что толпы их пустились на разбой и на грабежи. Поэтому совет каравана нашего решил уклониться от обычного пути вправо к Аральскому морю. Этот путь по причине топких, сыпучих и голых песков еще затруднительнее обыкновенного; воды мало, а местами нет вовсе, два колодца содержали такую вонючую воду, что нельзя было даже поить ею скот. Совет кайсаков — выстрелить несколько раз в колодец — был исполнен безуспешно. Мы и лошади пили снежную воду; снег с трудом собирали в оврагах пополам с песком. По этому пути, коим мы уклонились к Хиве, есть урочища Акча-Денгиз, Унадым и другие; это солончаки, где растет саксаул; сюда приезжают хивинцы выжигать уголь. Места эти отстоят от первых хивинских деревень дня на три ходу, а баранов пригоняют в неделю.

Ташкентцы грабили кайсаков и путников между Ташкентом и Хивою во всю зиму; бараны были в Бухаре в большой цене. Южная часть Кызылкума, через которую нам довелось идти, по случаю этого обхода, гораздо бугристее северной; песчаные холмы с дом вышиною и так круты, что верблюды с вьюками

непрестанно падали и опрокидывались боком и навзничь. Печальнее этой пустыни трудно себе что-нибудь представить. Бугры или сугробы лежат полосами, которые по всему Кызылкуму, Большому и Малому, имеют постоянное направление от NNW на SSO. На колесах пройти по Кызылкуму решительно невозможно; верховая лошадь с величайшим трудом взбирается на бугры эти, покрывающие непрерывными грядами весь Кызылкум, а песок так вязок и сыпуч, что колеса погружались по самые ступицы. При выходе из Кара-Шура на Кызылкум запаслись мы снегом из приморских оврагов. Мы встретили аул, который с людьми и скотом едва не погиб; он откочевал было по слухам, что есть снег, в Кызылкум, но после первого ясного дня снег этот растаял, и аул с величайшим трудом в совершенном изнеможении дотащился обратно до Каракума. В Кызылкум заманивает кайсаков корм, но безводье крайне опасно. Кызылкумом шли мы трои сутки усиленными переходами, часов по 12 сряду. Кроме снегу, в Кызылкуме решительно нет воды. Есть предание, что здесь были некогда глубокие колодцы. По эту сторону Каракума, в нескольких часах ходу от него, есть явные остатки древнего заселения; обломки кирпичей, черепки посуды и прочее, но все сровнялось уже с землею. Между реками Куваном, Сыром и Яны все пространство исполнено таких следов древнего жилья; черепки и осколки эти доказывают, что у древних жителей была такая посуда, какой ныне нет. Большею частью виден след зеленой, иногда и голубой поливы. Ныне здешние народы не делают ничего подобного; муравленые изразцы изредко привозятся из Персии, из Мешхеда, а глиняная посуда вся простая, без поливы.

За Большим Кызылкумом следует пространство, равнина, изрезанная оврагами, состоящая из красной солонцеватой глины; почва чрезвычайно твердая и ровная. Тут на другой день караван пришел к ключевой воде, которая довольно странно наполняет в безводном пространстве этом водоем, сажени в полторы поперечника. Здесь выпили мы и скот всю воду. Родник этот называется Айгыр-Булак, от него 4 часа ходу до Минг-Булака, «тысячи родников». На топком иле, на пространстве каких-нибудь пяти или семи квадратных верст, бесчисленное множество родников, замечательно, что здесь перемешаны в расстоянии один от другого на несколько сажен родники горькие, соленые и пресные. Вода в родниках этих стоит, будто налитая по край, не течет далее, не соединяется, как бы можно было полагать, в одно русло. Вероятно, она уходит опять в землю. Место это окружено обрывистым яром, состоящим из красной глины, и похоже на огромный провал. Набрав воды, отошли мы на ночлег за два часа ходу от родников, чтобы шатающиеся разбойники нас не так легко нашли. Далее, на другой день, опять дошли до одиночного очень хорошего родника, Туш-Булак, который выпили вдруг, и многие остались без воды; пошли далее и ночевали

на самой опушке песков Яман Кызыла или Малого Кызылкума, прошед двои сутки полосою, разделяющей Большой, Яман Кызылкум, ночевали без корму, без воды и без дров. Влево виднелось два больших холма, Ссулы-Тюбелик и Чум-Тюбелик, водяной и безводный холм. Далее, также влево, виднелся хребет Пте-Плдыка — Ак-Тау. Горы Букан, Куллар, Агачлы-Ирляр и проход в горах этих Кипча-Таш, коими проходят обыкновенно караваны, остались у нас далеко влево, так что мы их и не видали.

У Пте-Плдыка есть, говорят, глубокий колодец и пещера; то и другое приписывают работе какого-то пленника, который ушел откуда-то и жил здесь с женою хозяина своего.

В Яман Кызыле я едва не погиб, отбившись в темную, холодную ночь от каравана; я развел большой огонь и кайсаки из каравана меня отыскали. В Яман Кызыле нашли мы сухой колодец под названием Ясаул-Кудук; глубина его должна быть чрезвычайно велика, потому что вынутая из него земля образует огромный холм, и стука камня, опущенного в колодец, не слыхать вовсе. По Яман Кызылу шли мы двои сутки; пески сыпучие, мельче и вязче Большого Кызыла. Воды также нет; саксаулу много. Корм для верблюда есть везде, а лошади едва-едва могут удержаться на ногах. Джюсан, Биургун, Аксиляу — лучшие травы, изредка по небольшим скатам рассеянные; верблюды довольствуются солянками и крупным бурьяном. Прошед Яман Кызыл, караван ликует; тут уже считают себя дома. Остается впрочем до Кагатама добрых 4 дня ходу. Тут, на пути, ночевали мы при горьком колодце, коего воду пьют одни только верблюды. Колодец этот называют Арабским, потому что вырыт заходящими сюда от озера Кара-Куля арабами. Арабы эти составляют остатки потомков первых завоевателей Турана и распространителей там исламизма. Они знают большею частью татарский или персидский языки, но между собою говорят по-арабски. Они-то собственно держат породу овец, очень сходную с крымскими, от которых идут знаменитые каракульские мерлушки. Они платят, хотя довольно непостоянно, подать бухарцам.

По случаю обхода, который сделал караван наш, мы продолжали путь далее почти прямо на восток. С горького колодца пришли мы на ночлег к теплому ключу, Карак или Кара-ата-аулия. Это было 28 декабря; при сильном морозе кайсаки, татары и бухарцы купались в теплой воде. Около ключа выросла роща; ему приписывают много целебных свойств, уверяя, что для излечения достаточно искупаться один раз. Но вода, по-видимому, не содержит в себе ничего особенного; она безвкусна, чиста и годится на варево и даже на чай. Тут могилы человек 80 татар наших, бухарцев и кайсаков, которых убили хивинцы, кажется, в 1825 году, разграбив караван. Известный Палван-Кул, Федор Грушин, ушедший из Хивы в Россию в 1829 году и

торгующий ныне в Астрахани пряниками, около того же времени по случаю раздоров Хивы с Бухарою влетел предводителем шайки туркмен и хивинцев среди белого дня в бухарский город Вабкенд, где был базарный день, избил множество народа и многих полонил. От теплого источника видна гора Нуртау, из которой берут хороший мрамор, белый с желтыми прожилками, но его почти никуда не употребляют и не умеют обделывать.

Известный мусковый корень, употребляемый для курения, растет по всей Бухарии, в степи. Угольщики, люди, отправляющиеся весной для собирания целебных и красильных трав и корней, копают и мусковый корень, сунбул. Они же находят иногда древние монеты, которых много, в особенности на пути от Бухары до Каракуля — селения, поблизости озера того же имени. По этому же пути, верстах в 25 от Бухары, есть какие-то древние развалины. Жиды бухарские промывают иногда несколько золота с берегов Заревшана, но промысел этот очень незначителен. Замечу, что из Троицка и доселе еще возят в Бухару золото, хотя уже гораздо менее, чем прежде.

Бадахшан разорен ныне вовсе и оттуда уже драгоценных камней не возят.

Путь, относительно действий военных, как я полагаю, представляет столько затруднений, что их едва ли возможно одолеть. Путь до Сыра, самый лучший и выгодный, ведет из Петропавловской крепости, на Сибирской линии, потому что тогда минуем большую часть Каракума; или можно выйти из Троицка, из укреплений Новой линии и держаться восточнее; а вышед на петропавловскую караванную дорогу, следовать уже по ней. Таким образом удобно можно дойти до р. Сыра. Тут остается или, прорыв плотины, пустить воду в Яныдарью, итти вниз по ней и потом вдоль Аральского моря до восточного рукава Аму, Кара-Узяка, или построить суда на Сыре и итти в Хиву водою. Устья Сыра и Аму проходимы, ибо и теперь, изредка, суда приходят из Конграта в р. Сыр этим путем. Но мне бы казалось, что всего удобнее сделать это таким образом: отправиться с отрядом на Сыр, укрепиться там, остаться на более продолжительное время и собирать закят с кайсаков, не давая их в обиду ни ташкентцам, ни хивинцам. Таким образом легко можно будет содержать отряд, а кайсаки ничего не потерпят, потому что будут платить нам менее и уравнительнее, чем теперь хивинцам, ташкентцам и всякому, кто вздумает их обобрать.

Здесь для отряда баранов и хлеба будет довольно. Этим одним Хива сделается совершенно ничтожною; а присоединив к себе кайсаков и другие племена, в удобном случае не трудно занять и разорить и Хиву. Но может быть путь через Усть-Урт, чрез Ново-Александровск, также удобен, если только решиться итти не с большим отрядом, разделиться на три колонны, которые могут итти разными путями и притти в одно время. О пути чрез Мангышлак я ничего не знаю.

Приказчики кушбегия и Мирзы Зикерия, любимца и товарища первого, были, как известно, задержаны несколько дней в Оренбурге, чтобы принудить их дать обязательство освободить находящихся у них пленников, коих знали поименно. Когда караван наш отправился, то помянутые приказчики написали об этом в Бухару из Хивы, где находились они с караваном, и присовокупили еще ложь, что бухарец Ша-Булат, с которым я приехал из самого Оренбурга, был причиною их задержания, что это случилось по его происках; кроме того жаловались они непосредственно и на меня и требовали, чтобы я также был теперь задержан. Еще одно происшествие озлобило бухарцев противу Ша-Булата: работник его и кушбегиева прикащика, бывшего в караване нашем, подрались однажды за тропинки в глубоком снегу, по которым всякому хотелось вести верблюдов своих; при этом случае Ша-Булат подоспел и как удалой наездник, выросший в степи, поколотил один всех и поставил на своем. При этом бухарцы, не обинуясь, сказали ему, что отплатят ему в Бухаре. Кушбеги стращал, что повесит его, Ша-Булата, если он не признается, где мои товары и что я или купец, приехавший тайно торговать, или лазутчик, которого дело было узнавать пленников русских поименно, чтобы задержать после за них купцов. Несмотря на козни эти и на неприятное положение мое, я был подвержен менее опасности, чем сам Ша-Булат; я успел застращать несколько кушбегия и других бухарцев и ясно видел, что они явно руку положить на меня не осмелятся; мне надлежало только остерегаться тайных замыслов их, но к Ша-Булату приступили не шутя. Наконец, оказалось, что Мурза-Бай, один из приехавших из Хивы приказчиков кушбегия, был старинный мой приятель из Орска, человек мне по разным случаям обязанный. Он пришел ко мне с повинною, плакал, извинялся, что действовал противу меня, не зная, что это я; он, через Мирзу Зикерия разуверил кушбегия в подозрении его, Ша-Булат принял очистительную присягу и тем дело кончилось.

Мирза Зикерия, в бессильной злобе своей, уговорил теперь Рахимбая — нашего караван-баша, чтобы пригласить меня к обеду и отравить. Об этом сказали мне: Михальский, татарин Трошка, армянин Берхударов и наконец многие русские пленники.

Я не верил, но на другой день действительно явился брат Рахим-бая, Улуг-бай, который теперь пришел с караваном в Орск и пригласил меня к обеду. Я обещал притти. Обед здесь всегда бывает вечером, в сумерки, ибо бухарцы едят только однажды в день и об эту пору прислали за мною опять нарочного. Тут я отказался, сказавшись больным, и посланный упрашивал меня битый час, так что я его насилу выжил. Тем дело кончилось; они догадались, что я узнал о намерении их и стали около меня ухаживать, прислуживать, лицемерить и уверяли

меня, что они, как приятели мои, терпят нынче за меня гонение и немилость хана и кушбегия.

Между тем кушбеги не переставал стращать меня и уговаривать оставаться до отправления посла, вероятно того же самого караван-баша Рахим-бая. Прежде всего озаботился я отправлением бумаг Гусейн-Алия. Я сделал тюк, в который уклал также и бумаги эти и уговорил одного надежного татарина взять его под своим именем. Дело в том, что с вывозных товаров пошлины не берут, тюков не осматривают, но меня и Гусейна легко могли задержать и осмотреть тюки наши. Татарин обещал, но захлопотался по базарам деревенским и опоздал; караванные верблюды, мало-помалу навьюченные, все уже были отправлены на сборное место, на Карак (Кара-ата-аулия), верст 150 от пределов бухарских, и я остался только с Гусейном, башкирцем своим, двумя кайсаками, Ниджеметдином — беглым татарином, которого я вывез из Бухары, с лошадьми и двумя верблюдами своими. Тут делать было нечего, медлить некогда; мы ночью связали все вещи свои в тюки и решились отправить их на моем верблюде с татарином и кайсаками, а сами остались для прикрытия отступления своего. Мы выбрали для этого рассвет, когда все были на молитве, но и тут тюки наши повстречались с единомышленником Мирзы Зикерии, и татарин мой отделался, к счастью, уверив его, что это вещи татар, живущих в караван-сарае и просивших моего татарина пособить им в перевозке. Таким образом, отправили мы было благополучно все вещи свои; утром, на другой день, вдруг является мой башкирец, испуганный, бледный, с известием, что верблюдов наших задержали уже по ту сторону Вабкенда.

Я между тем узнал уже от многих, что Мирза Зикерия уговорил кушбегия, чтобы меня убить по пути. Поэтому я сказал кушбегию и другим, что еду с япасским караваном, который вышел дня за два на Троицк; сходил накануне к кушбегию и сказал, что еще не знаю, когда выеду; а между тем собрался уже совсем, разделался с сарай-баном, хозяином, оседлал лошадь и заехал только к Гусейну. К нему пришел и Берхударов звать нас на прощальный завтрак. За час до приезда татарина моего пришел я вдруг к кушбегию и сказал ему, что еду вечером или ночью догонять япасский, троицкий караван; между тем как действительно хотел ехать сей же час к своему орскому каравану. Кушбеги крайне этому изумился; не знал вовсе что сказать, начал уговаривать и стращать, что меня убьют хивинцы или ташкентцы, но я отвечал решительно, что вечером или ночью поеду и что я разбойников не боюсь. Воротившись к Гусейну и нашед там татарина своего с известием о задержании верблюдов моих, схватил я пистолеты, заткнул их за пояс, накинул халат, надел дорожный малахай свой и побежал к кушбегию.

Тут застал я Мирзу Зикерия, и они, как я слышал входя,

хотя и не вслушивался вовсе, говорили об мне, об отъезде моем. Я вбежал прямо в комнату. Кушбеги спросил с изумлением: «Опять здесь?» «Поневоле опять,— отвечал я,— потому что вы не выпускаете меня». «Как не выпускаем?» «Послушайте,— сказал я ему,— если вы меня хотите задержать силой, то держите; но дайте мне, как говорил я вам уже и прежде, дайте мне, как водится у порядочных людей, содержание, какое получаю я дома от государя своего, и дайте бумагу, которую я бы мог послать к начальству своему, чтобы там знали, что я остаюсь не добровольно; я говорил вам уже не раз, что заехал сюда по крайности, не имея на то никакого позволения, и что должен торопиться домой, не теряя времени; я никогда не ожидал такого приема, ибо жил и взрос на земле, где едва ли поверят, если стану рассказывать, как обошлось со мною бухарское правительство, правительство, коего подданные пользуются в отечестве моем свободою и всеми правами человечества, между тем как у вас здесь и одному человеку нельзя показаться, не подвергаясь всем мелочным придиркам и притеснениям, о коих у нас не имеют даже и понятия, но я объявляю вам еще раз, решительно, что я не останусь, хоть умру, и что каждому, кто вздумает задержать меня дорогою или хотя спросить, куда еду, ибо я уже объявлял это вам и сотне других, которые непрестанно о том мне докучали, итак каждому, кто меня затронет на пути, у меня ответ готов вот какой»,— а сам откинул полу халата и указал на пистолеты.

Кушбеги до того изумился, что не знал вовсе, что отвечать. У азиатцев считается невежливым и даже обидным притти к высшему в вооружении. Кушбеги опешил и спросил наконец: как я мог притти к нему с пистолетами? Я отвечал, что их обычаев не знаю, а что у нас, напротив, следует итти к высшему в полной форме, в вооружении и что это походная форма моя. Он взглянул с изумлением на Мирзу Зикерия, который привстал и побагровел в лице, и отвечал на нерешительный вопрос кушбегия: кто задержал верблюдов моих, отвечал неуверенным и нетвердым голосом: «Этого я не приказывал». По взглядам их видно было что тут произошло какое-то недоразумение, случилось не то, что было приказано. Кушбеги притворился, будто ничего не знает, и спрашивал меня: Какой есаул задержал моих верблюдов? Как его зовут? Я отвечал, что не знаю по имени есаулов их, но что задержаны верблюды мои за Вабкендом и что я требую решения. Я требовал, чтобы кушбеги дал мне ярлык за печатью своею, дабы никто не смел меня останавливать, но он этого сделать не хотел, а говорил только: поезжай. Я простился с ним и ушел, повторив ему еще раз, что у меня пуля будет отвечать всякому, кто заденет меня на пути хотя одним словом. Кушбеги не выдержал вполне притворства своего и отвечал: «Посмотрим, посмотрим»,— но сам был по-видимому очень рад, что я выбрался. Это было рано, почти на

рассвете и я с намерением повторил снова, что уеду вечером или ночью.

Путем нагнали меня гурьбою человек восемь пленников наших и умоляли в голос беречься и бежать сейчас, потому что меня намерены убить. Что это было дело и заботы Мирзы Зикерия, это я уже узнал наверно, и между прочим догадался уже и потому, что в одно утро прибежал в караван-сарай какой-то оборванец, заглянул ко мне в каморку и, не узнав меня, спросил: «Где русский?» Я отвечал, что вышел, и спросил на что ему? «Не знаешь ли,— сказал тот,— когда он едет?» «Никак ночью,— отвечал я,— а тебе на что?» «Да Мирза Зикерия велел узнать потихоньку».

Воротившись к Берхударову, сел я тотчас на лошадь и поскакал с татарином своим в Самаркандские ворота, прямо на Вабкенд; часа два после этого, кончив дела свои, Гусейн выехал также, вместе с одним преданным ему бухарцем, и мы съехались у Вабкенда. Здесь мы снова разделились, чтобы не навлечь подозрения; он поехал в селение Суфиян, а я в самый Вабкенд. Сюда прискакал из Бухары нарочно вожак и приятель мой Альмат в слезах и с воплем, чтобы предостеречь меня, уверял, что уже высланы люди, 25 человек с поручением убить меня на пути; сказал однако ж также, что кушбеги бесился, узнавши, что я уже уехал, тогда как говорил, что поеду вечером. Ша-Булат тоже нагнал меня, когда я уже выехал из Вабкенда, с тем же известием и просил, чтобы я, бога ради, не терял времени. За Вабкендским мостом съехались мы опять с Гусейном и вчетвером, с двумя кайсаками, пустились крупной рысью.

Надобно сказать об этих кайсаках слово. Один из них был караванный вожак Бик-Батыр, джегалбайлинец, отделения сарыклы, который приехал в Вабкенд за делом. Он бросил все дела и расчеты с купцами, взял с собою товарища Таш-Бу, роду чумекей, отделения джильдер, который бросил также двух верблюдов с поклажею, сдав их на чужие руки, и по чистой привязанности своей ко мне (Бик-Батыр знал меня давно уже прежде) взялся довести нас до каравана. От Бухары до Карака ехали мы день и ночь двои сутки, пробираясь окольными глухими путями; это было в феврале; мороз и буран, который клубил и расстилал белый песок, пронимал нас до костей; а между тем, кроме одного бараньего курдюка, есть было у нас совершенно нечего. Бежав из Бухары, не успели мы запастись ничем. Гусейн при этой пище, без хлеба, без мяса едва дотащился, и все мы были крайне изнурены.

У Карака не нашли мы каравана и в отчаянии уже почти решились продолжать опасный путь одни до Кувана, где должны были находиться чумекеевские аулы, которых караван не мог миновать. Но к счастью нашли караван свой и пристали к нему в десяти верстах от Карака. Здесь встретил я и верблю-

дов своих, которые, как оказалось, были задержаны по какому-то непонятному недоумению. Есаул, узнав, что меня нет при них, был в нерешительности, что делать, и наконец, когда татарин мой ударил его плетью, а сам поскакал в город, то и есаул мой, подумав немного, куда-то отъехал, а Ниджеметдин, беглый татарин мой, воспользовался этим и примкнул с верблюдами к каравану.

В караване уже распространились слухи о злоумышлении бухарцев; я нашел всех в волнении и в беспокойстве. Все начали вооружаться, кто чем мог, кайсаки большей частию одними дубинами, которые вытаскивали из верблюжьих седел своих, и я принял отряд в распоряжение свое; даже выставил пикеты и готовился на случай нападения, но все было благополучно; бухарцы за караваном гнаться не посмели, а погоня, высланная за мною, или не догнала меня, или неудачно где-нибудь прождала, потому что мы, как уже говорил я, проехали степью окольными путями.

Тут мы узнали, что две огромные шайки ташкентцев, в одной человек 800, в другой до 2 тыс., грабят впереди нас и спустились уже на запад, к пределам Хивы. Весть эту привезли двое кайсаков, которые едва ушли, между тем как товарищей их переловили. Ташкентцы были верстах в 50 от нашего каравана, знали, что он стоит здесь, но, как посол ташкентский находился о ту пору в Бухаре, не осмелились напасть на караван. Любопытно, что посол прибыл под конвоем шайки этой и отделился в Бухару, а они поехали своим путем на грабеж и правеж. Поэтому взяли мы на обратном пути своем далее на восток, ближе к Ташкенту, между тем как идучи туда, придерживались к западу, к Хиве; миновав опасность, спустились мы на запад и дошли благополучно до чумекейских аулов, за Куваном. Здесь караван разбрелся по аулам, купцы начали торговать, в ожидании весны, потому что здесь была еще глубокая зима и каравану итти было невозможно; но караваны обыкновенно спешат выходить из Бухары, чтобы захватить еще зимный путь через Куван и Сыр, потому что летняя переправа крайне затруднительна. Мы прокочевали с аулами, которые шли на север, к Иргизу, шесть недель. За Иргизом отделились мы от аулов и пустились в путь, прямо на Орск, куда оставалось верст до 500. Чрез Иргиз переправились мы уже вброд. Нас было всего 9 человек: я, Гусейн, два татарских приказчика, с ними два кайсака, помянутый вожак Бик-Батыр, мальчик его и, наконец, султан Санали. Люди мои оставались с верблюдами. Мы прибыли в Орск на 8-й день.

Лица, которые заслуживают поощрение начальства и о которых осмеливаюсь усердно ходатайствовать, суть следующие:

Султан Санали Мурза-Галиев, который собственно выручил пленника Степанова при таких обстоятельствах, где я уже вовсе не имел средства что-либо сделать; было бы крайне нехо-

рошо, если бы казак, несмотря на угрозы и настояния мои, остался бы в плену, или еще хуже, был бы выкуплен посланным от султана-правителя. Ему, Саналию, следовало бы, кажется, дать золотую медаль как в уважение заслуг его, так и звания; ибо султанам всегда доселе давались медали золотые.

Кайсак роду джегалбай, отделение сарыклы, Бик-Батыр, истинно усердною привязанностью своею и услугами, которые мне оказал, заслуживает серебряную медаль.

Булюш-Бай, роду чумекей, отделения сырым, который четыре раза ездил за пленником, подрался и поссорился с однородцами своими и служил в деле этом усердно. Ему бы можно было дать, как я полагаю, алый кафтан.

Башкирец Гибетулли Сайфуллин *, служащий письмоводителем у Сютея Исентаева, управляющего джегалбайлинцами, был ко мне прикомандирован из пограничной комиссии и служил верно во все время. Он служит давно и хорошо, был неоднократно представляем в урядники; но как он, неизвестно почему, доселе произведен не был, то и трудно теперь определить ему достойную услуг его награду.

В заключение осмеливаюсь еще упомянуть, что я издержал на пути своем, хотя и ограничивался возможно малыми расходами, из собственных денег своих 3500 руб. В том числе большую часть издержек составляли необходимые в таких обстоятельствах подарки султанам, старшинам и услуживавшим мне кайсакам, равно как и покупка собственных верблюдов, лошадей, плата вожакам и тому подобные расходы.

---

* В начале «Записки» он был назван Наджметдином.

Приложение

Секретно

ЗАПИСКА О ПРЕДМЕТАХ, ДОЛЖЕНСТВУЮЩИХ ОБРАТИТЬ НА СЕБЯ ВНИМАНИЕ ГОСПОДИНА ДЕ МЕЗОНА ПРИ ПРОЕЗДЕ ЕГО В БУХАРИЮ*

1. Расположение к России бухарцев вообще и правительства их в особенности. Если расположение сие невыгодно, то по каким причинам? Не имеют ли бухарцы таких причин к неудовольствию, которые неизвестны правительству?

2. Свойства лиц, имеющих главное участие в управлении Бухариею.

3. Произведения земли. Не может ли быть усилено произведение хлопчатой бумаги и до какой степени? То же о шелководстве.

4. В случае усиления привоза к нам произведений бухарских, не могут ли они быть уплачиваемы такими произведениями, которые до сего времени не вывозились, *или может ли быть усилено потребление в Бухарии тех товаров*, которые ими уже вывозятся?

5. Не привозятся ли в Бухарию из других стран Азии товары, которые до России не доходят, но могли бы быть употребляемы с пользою и заменить *товары того же рода, привозимые европейцами? В сем отношении заслуживает* уже внимание индиго, или так называемая кубовая краска. Остается узнать, какое количество оной могло бы быть ввозимо в Россию из Бухары и по каким ценам?

6. Бухарцы вывозят из России значительное количество железа и меди и сами выделывают из оной разные вещи и посуду, между тем как они могли бы быть выделываемы в России гораздо удобнее и дешевле. Полезно бы узнать сему причину.

7. Бухарцы привозят к себе много чаю из Китайского Туркестана, и по довольно дешевым ценам, так что он мог бы быть доставляем с выгодою в здешний край, но как его возят не в ящиках, а в мешках, то он бывает не довольно душист, истёрт и не чист. Нет ли возможности завести доставление товара сего в ящиках, удобных для навьючивания на лошадей, на которых возятся караваны между Кашгаром и Коканом?

8. В каком положении находится теперь торговля между Бухариею и Китайским Туркестаном?

9. В каких отношениях, касательно торговли, находится Бухария с Хивою, Коканом, Бадахшаном, Афганистаном и Персиею?

10. Какое мнение имеют бухарцы об англичанах и об Ост-Индской компании их? В чем состояли действия бывших в Бухарии англичан? Много ли доставлено в течение сего года в Бухарию английских товаров и сколько из *Персии; сколько из Турции чрез Персию; какого качества были товары; по* каким ценам они проданы и охотно ли были раскуплены? Предмет сей весьма важен и потому нужно обратить на оный самое бдительное внимание и собрать самые подробные сведения.

* [3, л. 6—10].

11. Значительна ли мена бухарцев с киргизами и выгодна ли она для сих последних?

12. Где выменивают для себя хлеб и товары киргизы, кочующие за Сырдарьею?

13. Известно, что они притесняются хивинцами, и потому не худо бы разведать, не согласятся ли они прикочевать поближе к России.

14. Какое влияние на сих киргизов имеет султан Манумбай Ширгазыев [58] и действительно ли он совершенно предан правительству хивинскому?

15. Способны ли места за Сырдарьею к хлебопашеству и к посеву хлопчатой бумаги?

16. Справедливо ли, что Яныдарья, высохшая за несколько лет пред сим, вновь восприяла течение?

17. Нет ли возможности доставить такое же течение Кызылдарье? Позволяет ли местоположение сделать отводные каналы из Сырдарьи и рукавов ее?

18. Справедливо ли, что Амударья прорывает себе русло к Каспийскому морю?

19. Начальник вновь прибывшего сюда хивинского каравана, подтверждая по сему предмету рассказы киргизов, объявляет, что сия перемена направления течения Амударьи произошла от наводнения, бывшего минувшим летом в Хиве, которое сверх того причинило вред пашням и истребило произраставшую на них пшеницу. Весьма были бы полезны о сем обстоятельные сведения подробнейшие.

20. Киргизы и бухарцы рассказывают, что во время дороговизны или почти совершенного недостатка хлеба в Хиве, во время минувшей зимы, весьма многие жители из нее удалились, так что очень заметно уменьшение народонаселения, и что вообще хивинское правительство пришло в совершенное бессилие. Обстоятельство сие заслуживает быть подробно объясненным.

21. В 1832 году Аббас-Мирза приближался с войском к Хиве, но остановился, и слухи о походе его умолкли. Отложено ли только наказание, которое он готовил хивинцам, или не состоялось ли между ими какое-либо примирение?

22. Находящиеся в Хиве русские пленные единственным способом избавления себя от неволи находят крайне трудное бегство чрез Киргизскую степь в Россию, между тем как в Бухарию им бежать гораздо ближе, а оттуда они могли бы довольно удобно выходить в Россию с караванами. По какой причине не употребляют они сего средства? Не найдутся ли в Бухарии люди, которые бы согласились покупать пленных в Хиве, вывозить их в Бухарию, а оттуда отправлять в Россию? Хивинцы продают пленных единоверцам, и потому предположение сие кажется весьма удобоисполнительным.

23. С находящимися в Бухарии русскими пленными надобно обходиться весьма осторожно, дабы не подать правительству бухарскому повода к неудовольствию. Видеться с ними должно, сколько возможно, не наедине, и не иметь с ними никаких сношений, которых предмет мог бы быть неприятен для бухарцев. Между тем можно явно просить об освобождении их, и если нельзя иначе, то спросить, какое иное потребно вознаграждение. Само собою разумеется, что сведения о числе и положении находящихся в Бухарии пленных будут начальству приятны.

24. Случиться может, что кушбеги пожелает вместо полученных им подарков отправить такие же для военного губернатора. В таком случае нужно бы ему объяснить, что самый приятнейший для меня подарок было бы освобождение и возвращение в отечество одного или нескольких пленников русских.

25. В 1825-м году был в Бухарии англичанин Муркрофт, прибывший туда из Индии и убитый на обратном пути в Хульме. Пожитки его и товарищей сделались добычею местного начальника и продавались публично. Бумаги его, не имеющие никакой цены для тамошних жителей, могли сохраниться, и вероятно даже, что можно достать оные за современные подарки и обещание будущих наград. Правительство вероятно не откажется пожертвовать несколькими тысячами рублей, если представлены все записки сего путешественника.

С подлинным верно: Секретарь коллежский секретарь Ульянов.

ВЫСОКОПОЧТЕННОМУ, МОГУЩЕСТВЕННОМУ И МУДРОМУ КУШБЕГИ ХАКИМ БИЮ, ПЕРВОМУ САНОВНИКУ БУХАРСКОМУ. ИСТИННОМУ МОЕМУ ПРИЯТЕЛЮ*

Пребывающие в Оренбурге бухарцы подали прошение, в котором изъясняют, что они по торговле чувствуют разные стеснения и просят по сему предмету моего пособия.

Главное стеснение для торговли бухарцев происходит от опасности и неестественного направления караванных путей.

Караваны ходят большею частию через Хиву, от чего торговцы теряют лишнее время и деньги.

В Киргизской степи они подвергаются иногда остановкам, поборам, а иногда даже разграблению.

Здесь на месте встречаются еще некоторые другие неудобства, хотя не столь важные.

Желая устранить все препоны для торговли и свободных дружественных сношений между Россиею и Бухариею, я готов принять на сей конец решительные меры, но вместе с тем желаю, чтобы меры сии были согласны с мыслями Вашими.

Потому я признал нужным просить Вас, чтобы Вы меня уведомили: какие именно распоряжения с нашей стороны были бы по Вашему мнению полезны для торговли, и не можете ли Вы с своей стороны оказать также некоторое содействие к доставлению караванам надлежащей безопасности и возможности ходить прямейшими путями.

Мне приятно будет, если Вы мне сообщите откровенно мысли Ваши о сем предмете, излагая все то, что Вы для приведения торговли в самое цветущее состояние почитаете необходимым и полезным.

Полагая, что Вам при сем случае могут быть нужны сведения о наших торговых постановлениях и заведениях и разные объяснения о здешних потребностях, я отправляю Вам переводчика 9-го класса Демезона, который будет иметь честь представить Вам сие письмо.

Прошу Вас принять его в особенное Ваше покровительство и отправить его обратно сюда с весенним караваном.

Для доказательства моей к Вам приязни я поручил г. Демезону поднести Вам по особой записке некоторые вещи, о которых я полагаю, что они могут быть приятны.

В ожидании ответа уверяю Вас в моем истинном уважении и дружеской преданности.

Подписал: Генерал-адъютант Перовский.

28 октября 1833
Оренбург

---

* [3, л. 11—12].

Комментарии

[1] Сухтелен Павел Петрович, граф (1788—1833). На военной службе с 1802 г. Кавалергардом участвовал в войнах с Францией (1805—1807) и со Швецией (1808—1809). В 1805 г. в битве под Аустерлицем, в которой кавалергардский полк отличился своей храбростью и почти весь погиб, П. П. Сухтелен был ранен и взят в плен. Объезжая поле боя, Наполеон обратил внимание на раненого молодого кавалергарда Сухтелена и в разговоре с ним хвалил за смелость. (Этот эпизод использовал Л. Н. Толстой, работая над романом «Война и мир».) От русского командования П. П. Сухтелен получил золотую шпагу с надписью «За храбрость». В 1811 г. во время войны с Турцией находился в распоряжении М. И. Кутузова. Участвовал в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах русской армии. После битвы под Лейпцигом награжден орденом св. Георгия. С мая 1826 г.— генерал-квартирмейстер Главного штаба. В августе 1826 г. произведен в генерал-лейтенанты. В русско-персидской войне 1826—1828 гг.— начальник штаба Отдельного Кавказского корпуса. Участвовал в русско-турецкой войне 1828—1829 гг., был ранен. В апреле 1830 г. назначен военным губернатором Оренбурга и командиром Отдельного Оренбургского корпуса.

[2] Перовский Василий Алексеевич (1795—1857). Внебрачный сын графа А. К. Разумовского (фамилия Перовский происходила от названия села Перово — подмосковного имения Разумовских). На военной службе с 1811 г. Участвовал в Отечественной войне 1812 г. В сражении при Бородине был ранен. В 1818 г. стал адъютантом великого князя Николая Павловича. С 1825 г.— флигель-адъютант. 14 декабря 1825 г. находился «при Николае» и был «контужен поленом в спину» (во время выступления декабристов рабочие-строители Исакиевского собора на Сенатской площади бросали в свиту будущего царя кирпичи и поленья). В 1828 г. получил чин свиты генерал-майора. Участвовал в русско-турецкой войне 1828—1829 гг. Под Варной был тяжело ранен. В 1833 г. после приезда в Оренбург произведен в генерал-лейтенанты и назначен генерал-адъютантом. В 1833—1842 гг.— военный губернатор Оренбургской, а в 1851—1857 гг.— Оренбургской и Самарской губерний и командир Отдельного Оренбургского корпуса. В 1839—1840 гг. руководил неудачным походом царских войск в Хиву. В 1843 г. получил чин генерала от кавалерии. С 1846 г.— член Государственного совета. В 1855 г. получил титул графа. В 1853 г. во главе военного отряда штурмом овладел крепостью Ак-Мечеть (позже Форт-Перовский, г. Перовск, сейчас Кзыл-Орда). В 1853—1857 гг. заложил ряд укреплений на Сырдарье и организовал Аральскую военную флотилию, что содействовало в дальнейшем присоединению к России Кокандского ханства.

Был хорошо образован, знаком и дружен со многими деятелями культуры и среди них с В. А. Жуковским, А. С. Пушкиным, В. И. Далем. Последнего он пригласил на службу в Оренбург, а А. С. Пушкину помог посетить этот город во время работы над «Историей Пугачева».

[3] Даль Владимир Иванович (1801—1872). Русский писатель, лексикограф, этнограф. С июля 1833 до 1840 г.— чиновник особых поручений при оренбургском военном губернаторе.

[4] Неплюевское военное училище. Основано в 1824 г. в Оренбурге. Названо в честь И. И. Неплюева, наместника Оренбургского края в середине XVIII в., сделавшего большой денежный вклад в устройство училища. «Училище сие есть первое в своем роде. Преподавание восточных языков составляет один из главных предметов учения, образование переводчиков, офицеров для иррегулярных войск здешнего корпуса и распространение просвещения между азиатцами есть цель сего заведения». Из восточных языков в училище преподавались: арабский, татарский и персидский. В 1844 г. преобразовано в Неплюевский кадетский корпус, в свою очередь преобразованный в 1866 г. в Оренбургскую военную гимназию (см. [18, с. 169—170]).

[5] В конце июля 1833 г. А. С. Пушкин просил у правительства разрешения на поездку в Оренбург. Получить возможность совершить это путешествие ему помог своим авторитетом и связями его друг В. А. Перовский.

17 августа А. С. Пушкин выехал из Петербурга и прибыл в Оренбург 18 сентября. Вместе с В. И. Далем он ездил в Бердскую слободу, Илецкий городок и окрестные станицы Оренбурга. А. С. Пушкину удалось не только увидеть легендарные «пугачевские» степи, Урал, но и встретиться и говорить с современниками Пугачева.

Из Оренбурга А. С. Пушкин выехал 20 сентября. В. И. Даль сопровождал его до Уральска, где они простились 23 сентября.

В 1835 г. А. С. Пушкин писал В. А. Перовскому: «Посылаю тебе „Историю Пугачева" в память прогулки нашей в Берды... Жалею, что в Петербурге удалось нам встретиться только на бале. До свидания в степях или над Уралом».

[6] Родофиникин Константин Константинович (1760—1838). С 1783 по 1789 г. находился на военной службе. Волонтером участвовал в морском сражении со шведами у Готланда в 1788 г.

Дипломатическую службу начал в 1803 г. в Коллегии иностранных дел. В 1805 г. направлен дипломатическим агентом в 1-ю русскую армию. В 1806—1810 гг. с дипломатическими поручениями находился в Турции и Сербии. В 1819 г. назначен директором образованного Азиатского департамента Министерства иностранных дел (до 1837 г.). В 1833 г. стал членом Совета МИД. В 1835 г. получил чин действительного тайного советника. В 1832 г. назначен сенатором, в 1838 г.— членом Государственного совета.

[7] Бернс Александр (1805—1841). Английский офицер на службе Ост-Индской компании. В конце декабря 1831— июле 1832 г. возглавлял экспедицию, отправленную английским правительством с разведывательными целями в Бухару. Из Дели экспедиция А. Бернса прошла через Кабул и Кундуз, переправилась через Амударью, прибыла в Карши, а оттуда в Бухару. В дороге А. Бернс выдавал себя за странствующего армянского купца. В Бухаре А. Бернс неоднократно встречался с кушбеги (см. прим. 12) и обсуждал вопросы торговли между Англией и Бухарой. Все обстоятельства, связанные с этой поездкой (за исключением секретных), были освещены в изданной им книге (см. [12]). В 1839—1841 гг. А. Бернс выполнял функции политического советника при штабе английской армии в Кабуле и губернатора города, где был убит во время народного восстания (см. [27, с. 218—220]).

[8] Чернышев Александр Иванович (1785—1857). Военный и государственный деятель. Один из ближайших и преданнейших Николаю I людей. С 1802 г.—кавалергард, участвовал в войнах с Францией 1805—1807 гг. В 1808—1812 гг. выполнял дипломатические поручения во Франции и Швеции. Был военно-дипломатическим представителем в Париже. В 1812 г. возвратился в Россию. С сентября 1812 г.— в действующей армии, командовал кавалерийским отрядом, участвовал в заграничных походах. В 1812 г. произведен в генерал-адъютанты. С 1819 г. член, а с 1821 по 1836 г. председатель комитета по устройству Донского казачьего войска. С 1827 г.— сенатор и граф. В 1828 г. назначен товарищем начальника Главного штаба и управляющим Военным министерством. В 1832—1852 гг. военный министр. В 1826 г. член следственной комиссии и верховного суда по делу декабристов; высказался за самые суровые приговоры декабристам. В 1841 г. получил титул князя, а

в 1849 г.— светлейшего князя. Сторонник палочной дисциплины в армии. Немногие военные реформы, какие он пытался провести, не принесли положительных результатов. Один из главных виновников поражения русской армии в Крымской войне.

[9] Казанский университет. Основан в 1805 г. На кафедре восточных языков в первой трети XIX в. в разные годы работали крупные ученые-востоковеды — Х. Д. Френ, Я. О.-Ярцов, М. А. Казем-Бек, И. Хальфин, О. М. Ковалевский, А. И. Попов, Ф. И. Эрдман. Преподавались арабский, персидский, турецкий, татарский и монгольский языки.

[10] Вландали Георгий Михайлович (1781—1834). Родился в Константинополе в греческой семье. Хорошо знал турецкий и персидский языки. В июле 1820 г. был принят на русскую службу и определен первым переводчиком восточных языков при главноуправляющем в Грузии А. П. Ермолове. С открытием в мае 1823 г. Учебного отделения восточных языков при Азиатском департаменте Министерства иностранных дел был назначен его начальником и профессором турецкого языка (до августа 1825 г.). Будучи откомандированным в штаб главнокомандующего, принимал участие в русско-персидской (1826—1828) и русско-турецкой (1828—1829) войнах, участвовал в переговорах о заключении Адрианопольского и Туркманчайского мирных договоров.

[11] Негри Александр Федорович (1784—1854). Происходил из старинной греческой семьи. В Россию приехал в 1806 г. В 1815 г. с чином действительного статского советника принят на службу в Министерство иностранных дел. В 1818 г. в качестве старшего советника посольства был в Персии в свите русского посланника генерала А. П. Ермолова. Во время пребывания в Персии вел подробный дневник (хранится в Центральной научной библиотеке АН УССР в Киеве). В 1820 г. направлен посланником в Бухару; по возвращении в Россию представил в МИД подробный журнал своих переговоров и переписки с бухарским правительством. В 1828 г. во время русско-турецкой войны, выполнял ряд ответственных дипломатических поручений в русской армии. С 1837 г. жил в Одессе.

Был ученым, знал многие восточные языки и занимался исследованиями и переводами восточных рукописей. Участвовал в работе Одесского Общества древностей (в 1844 г. был избран его вице-президентом).

[12] Кушбеги. Первоначально звание принадлежало начальнику ханской охоты. В XIX в.— это первый министр Бухарского ханства и заместитель эмира при его отъездах из Бухары. Кушбеги имел свою канцелярию, в его руках сосредоточивались все дела государства, он являлся постоянным докладчиком эмиру. Кушбеги постоянно проживал в бухарском Арке (дворце), а при выезде эмира из Арка вообще не имел права покидать его даже на самое короткое время.

[13] Шейх-уль-ислам (дословно «глава ислама»). Высший среди судей и ближайший сотрудник эмира в делах правосудия. В собраниях занимал первое почетное место. Во второй половине XIX в. его обязанности свелись к ничтожным по значению функциям разбирателя жалоб и заявлений, касавшихся насаба, т. е. происхождения от пророка и его первых преемников и сподвижников. При трех последних эмирах (1860—1920) это звание было просто почетным и давалось эмирами лицам духовного сословия.

[14] «... нет еще и пряжки». Имеется в виду «Знак Отличия Беспорочной службы», учрежденный 22 августа 1827 г. в память коронования Николая I. Серебряный позолоченный «Знак» имел форму квадратной сквозной пряжки с изображением дубового венка; в середине венка римскими цифрами обозначалось число лет службы, за которое «Знак» был выдан. Носился в петлице, гражданскими чиновниками на владимирской ленте, а военными — на георгиевской. Правом получения «Знака» пользовались военные и гражданские чиновники любых классов, прослужившие полных 15, 20, 25, 30, 35, 40 и более лет, прибавляя к каждому сроку выслуги по пять лет.

Говоря о том, что у П. И. Демезона нет еще и пряжки, К. К. Родофиникин подразумевает, что чиновник служит «недавно», не прослужив даже первых 15 лет (см. [14]).

[15] Учебное отделение восточных языков при Азиатском департаменте Министерства иностранных дел. Учреждено в 1823 г. Целью двухгодичного курса обучения была подготовка квалифицированных переводчиков для русских миссий в Турции и Персии. Из восточных языков преподавались арабский, персидский и турецкий, из западноевропейских — французский и английский. Позже курс был дополнен изучением итальянского, новогреческого и татарского языков, а также изучением международного и мусульманского права. Учебное отделение располагало хорошо подобранной библиотекой, богатой коллекцией восточных рукописей и восточных монет. Существовало до 1918 г. (см. [18, с. 161—163]).

[16] Драгоман (от арабского тарджуман — переводчик). Переводчик восточных языков при дипломатических и консульских представительствах, при послах, консулах и пр. Должность драгомана имела пять классов. Высшим был пятый класс.

[17] Сипаи (сипахи). В данном случае — землевладельцы, хотя этим же словом чаще обозначались воины. Именно в последнем смысле употребляет термин сипаи И. В. Виткевич.

[18] Китайский Туркестан. Этим термином в первой половине XIX в. иногда обозначали восточную часть Туркестана (Восточный Туркестан), переименованную китайскими властями в Синьцзян после утверждения там господства Цинов в XVIII в.

[19] «Подчинив себе храбрый синдский народ...» В данном случае подразумевается население области Синд (нижнее течение реки Инд), которая одно время находилась под контролем афганских правителей.

[20] «Проделав небольшой путь... к Кандагару, он возвратился назад...» П. И. Демезон неправильно излагает ход событий. Дост Мухаммед-хан не только не «возвратился назад», а наоборот, дошел до Кандагара и оказал братьям реальную военную помощь, разбив наемников Шуджи уль-Мулька и вынудив его вернуться в Лудхиану, под защиту британских колонизаторов.

[21] «Узурпатор дрожит в Кабуле на разваливающемся троне...» По всей видимости, эта информация поступила к П. И. Демезону из кругов, недоброжелательно расположенных к эмиру Дост Мухаммед-хану. Она неверна. Его правление отнюдь не отличалось «жестоким гнетом», и чувствовал он себя на троне достаточно прочно. Он действительно был вынужден «спасаться бегством» в 1839 г., но это было вызвано захватом Кабула британским войском, при помощи которого на престол был посажен вассал англичан — Шуджа уль-Мульк. Однако в результате народного восстания в Афганистане в 1841—1842 гг. оккупационная армия колонизаторов была уничтожена вместе с Шуджой уль-Мульком. К власти вернулся эмир Дост Мухаммед-хан, управлявший страной до своей кончины в 1863 г.

[22] «... после его смерти англичане унаследуют Пенджаб...» Махараджа Пенджаба Ранджит Сингх умер в 1839 г. В ходе англо-сикхских войн 1845—1846 и 1848—1849 гг. Пенджаб был превращен в колонию Британии.

[23] Джозеф Вольф. Западноевропейский миссионер, путешествовавший по Востоку в 30-х —40-х годах XIX в.

[24] Аталык (буквально «подобный отцу», «заменяющий отца», в переносном смысле — «опора эмиров»). Один из высших чинов в бухарской придворной иерархии. В древней Бухаре в его функции входил контроль над распределением вод Зеравшана от Самарканда до Каракуля [18а, с. 114]. В рассматриваемое время аталык возглавлял Шахрисябзское бекство, которое неоднократно отпадало от Бухары и вело с ней борьбу за приоритет в ханстве или за отделение.

[25] Сассапарель. Род растений семейства лилейных. Корень этого растения раньше применялся при лечении сифилиса.

[26] Мирахур. Один из высоких светских чинов в Бухарском ханстве. Буквально — «начальник конюшни», конюший. Следует иметь в виду, что должность того или иного лица не всегда соответствовала его званию и обязанностям. Высокий титул мог принадлежать проявившему свои способности выходцу из низов и даже рабу (хотя это случалось крайне редко).

[27] Сандал. Невысокий табурет, который ставят над жаровней или углублением в полу с горячими углями и накрывают толстым одеялом. Зимой обычно сидят или спят вокруг сандала, держа ноги под одеялом.

[28] Регистан. Буквально — «пыльное, песчаное пространство». Обычно Регистан — центральная площадь в среднеазиатских городах (например, в Бухаре, Самарканде и др.).

[29] Ишан (эшон). Глава мусульманской общины. Ему подчинялись рядовые члены общины — мюриды, обязанные беспрекословно подчиняться своему ишану, отдавать ему часть доходов.

[30] Вакф. Земля и другое недвижимое имущество, завещанное его собственниками какому-либо мусульманскому учреждению (мечети, мавзолею, медресе и т. п.). Доходы с этого имущества поступали в пользу того лица или учреждения, которому они были завещаны, и шли на разные его нужды (на ремонт или сооружение зданий, на обеспечение обслуживающего персонала, на стипендии учащимся и т. п.).

[31] Феринги стан. Обобщенное название западной Европы. Феринги — искаженное «франки» — европейцы.

[32] Миянкаль — долина, Каттакурган — город, расположенный в этой долине.

[33] Чарсу. Характерной чертой планировки среднеазиатских городов было размещение торговых центров на перекрестках главных улиц и оформление их воздвигнутым на этом месте купольным зданием-пассажем, через который проходили улицы, а в самом здании размещались торговые лавки. В Бухаре пассажей-чарсу было пять, что свидетельствует о размахе бухарской торговли и благоустройстве рынков этого города (см. [22]).

[34] Тим. Большое, образующее замкнутый прямоугольник многокупольное сооружение, вдоль стен которого размещалось около ста небольших деревянных лавок в виде шкафов. Товары располагались на полках, занимавших все стенки лавки, а внизу, под сиденьем торговца, представлявшим собой небольшое возвышение, находился маленький склад для запасного товара (см. [22]).

[35] Батур-хан («Хан-богатырь»). Прозвище одного из наиболее могущественных эмиров Бухары — Насруллы-хана, правившего в Бухарском ханстве в 1826—1860 гг.

[36] Джугара. Род белых зерен, величиной и формой похожих на чечевицу; ее дают лошадям вместо ячменя.

[37] Диванбеги. Один из высших придворных чинов в Бухарском ханстве, отвечавший за сбор поземельной подати и налоговые записи.

[38] Линия. Линия укреплений с базой в Оренбурге, заложенная царским правительством на границах со Средней Азией.

[39] «посылки вооруженного каравана...» В ноябре 1824 г. оренбургские власти снабдили крупный торговый караван, отправлявшийся в Бухару, вооруженной охраной (500 солдат и казаков при двух пушках), чтобы обеспечить его благополучный проезд по Казахстану. Однако в январе 1825 г. близ горы Биш-Тюбе, на полпути от Сырдарьи до Бухары, этот обоз был разгромлен и разграблен четырехтысячным отрядом хивинских войск.

[40] «Ак-Мечета Ташкентского...» Ак-Мечеть — крепость, воздвигнутая Кокандским ханством (которому подчинялся Ташкент) на казахских землях; впоследствии — Форт Перовский, Перовск. Сейчас — Кзыл-Орда.

[41] «в баранте с алтын-ялсацами...» Баранта (точнее барымта) — вооруженный набег у кочевых народов, связанный с угоном скота и захватом имущества в качестве мести за причиненную обиду. Часто являлась формой простого грабежа.

[42] «упадке власти Арун-Газыя...» Арунгазы Абдулгазиев — один из султанов казахского Младшего жуза («Меньшой Орды»); в связи с враждебными отношениями, сложившимися у него с хивинским ханом, был переселен царскими властями в Калугу, где и умер.

[43] «Сарым-Батыря, разбойника...» Срым Датов (батыр Срым) — казахский бий из рода байбакты. В 80-х годах XVIII в. стал главой восстания казахов против захвата общинных земель родоплеменной верхушкой и произвола цар-

ской администрации. В 1797 г. бежал в Хиву, где, по некоторым данным, был отравлен в 1802 г.

[44] Инак. Один из высших чинов хивинской иерархии.

[45] Фарсах (фарсанг). Мера длины, резко различавшаяся в различных районах. Приблизительно фарсах равен шести-семи километрам.

[46] Танап. Мера площади, равная примерно 28,5 а.

[47] «... разоренного города Мавра...» Имеется в виду Мерв (ныне Мары), незадолго до того пострадавший от нашествия персидских войск.

[48] Джида. Дерево с мучнистыми плодами.

[49] «газаря, каферы, чатрар...» Искаженные наименования некоторых народностей — хазара или хазарейцев (Центральный Афганистан), кафиров (Кафиристан в Северо-Восточном Афганистане; после его завоевания эмиром Абдуррахман-ханом в 1895 г.— Нуристан), жителей Читрала или Чатрара (Северная Индия).

[50] «коляска... Гавердовского...» В июле 1803 г. из Оренбурга в Бухару был отправлен с политическими, научными и торговыми целями поручик Я. П. Гавердовский. Почти в 800 верстах от границы и в 70 верстах от Сырдарьи караван, *в котором он ехал вместе с женой, был разграблен кочевниками*; его коляска через Хиву попала в Бухару.

[51] «Мирза-Гусейн-Али...» Речь идет о посланце афганского эмира Дост Мухаммед-хана мирзе Хуссейн Али, отправленном правителем Афганистана в Петербург с просьбой к царским властям об установлении дружественных отношений и содействии в возврате захваченного Пенджабским государством сикхов Пешаварского округа.

[52] Опресноки. Лепешки из пресного неквашеного теста.

[53] «...недавно посольство наше было у них с 500 человеками войска...» В 1820—1821 гг. Бухарское ханство посетила русская дипломатическая миссия во главе с А. Ф. Негри. Однако, вопреки утверждениям И. В. Виткевича, ее *сопровождал небольшой конвой, а не «500 человек войска»*.

[54] Мультан. Город в английских колониальных владениях в Северной Индии (на одном из притоков р. Инд), который А. Бернс предлагал сделать центром ярмарок для привлечения среднеазиатских торговцев.

[55] Кантонисты. В России — сыновья солдат, со дня рождения числившихся за военным ведомством.

[56] «еще при генерале Эссене...» П. К. Эссен, оренбургский военный губернатор в 1817—1830 гг.

[57] Уран. Клич («отзыв», пароль), характерный для данного рода.

[58] Султан Манумбай Ширгазыев. Один из казахских султанов, тяготевший к Хивинскому ханству.

Источники и литература

Источники

1. Архив Академии наук СССР, ф. 56, А. И. Леман, оп. 1, д. 19.
2. Архив внешней политики России, ф. Департамент личных, служебных и хозяйственных дел. Формулярные списки, 1829—1851, оп. 464, д. 1116.
3. Архив внешней политики России, ф. Санкт-Петербургский Главный архив; IV—3, 1833—1835, оп. 120, д. 1.
4. Архив внешней политики России, ф. Санкт-Петербургский Главный архив, I—6, 1836, оп. 5, д. 2.
5. Государственный архив Оренбургской области, ф. 6, Канцелярия военного губернатора, оп. 7, д. 738.
6. Государственный архив Оренбургской области, ф. 6, Канцелярия военного губернатора, оп. 7, д. 778.
7. Государственный архив Оренбургской области, ф. 6, Канцелярия военного губернатора, оп. 10—10/1, д. 4052.
8. Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР. Архив В. И. Даля, письмо от 11 апреля 1868 г.
9. Центральный государственный архив Казахской ССР, ф. 4, оп. 1, д. 317.
10. Центральный государственный архив литературы и искусства СССР, д. 159, д. 180.
11. Центральный государственный военно-исторический архив СССР, ф. 67, А. Л. Данзас, д. 103.
12. [Бернс А.]. Путешествие в Бухару: рассказ о плавании по Инду от моря до Лагора с подарками великобританского короля и отчет о путешествии из Индии в Кабул, Татарию и Персию, предпринятом по предписанию высшего правительства Индии в 1831, 1832 и 1833 годах лейтенантом Ост-Индской компанейской службы Александром Бернсом, членом Королевского общества. Пер. с англ. Ч. 1—3. М., 1848—1850.
13. Мейендорф Е. К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. М., 1975.
14. Travels in the Himalayan Provinces of Hindustan and the Panjab; in Ladakh and Kashmir; in Peshawar, Kabul, Kunduz, and Bokhara by William Moorcroft and George Trebeck, from 1819 to 1825. Vol. 1—2. L., 1841.

Литература

15. Бларамберг И. Ф. Статистическое обозрение Персии — «Записки Русского географического общества». 1853, кн. 7.
16. Веселовский Н. И. История Императорского Русского Археологического Общества за первое пятидесятилетие его существования. 1846—1896. СПб., 1900.
17. Замысловский Е. Е., Петров И. И. Исторический очерк Российских орденов и сборник основных орденских статусов. СПб., 1891.
18. Кононов А. Н. История изучения тюркских языков в России (Дооктябрьский период). Л., 1972.

19. Савельев П. С. Бухара в 1835 г. СПб., 1836.
20. Сапаргалиев Г., Дьяков В. А. Общественно-политическая деятельность ссыльных поляков в дореволюционном Казахстане. Алма-Ата, 1971.
21. Семенов А. А. Бухарский трактат о чинах и званиях и об обязанностях носителей их в средневековой Бухаре.— «Советское востоковедение». 1948, № 5.
22. Сухарева О. А. Бухара XIX— начала XX в. (Позднефеодальный город и его население). М., 1966.
23. Терентьев М. А. История завоевания Средней Азии. Т. 1. СПб., 1906.
24. Халфин Н. А. Драма в номерах «Париж».— «Вопросы истории», 1966, № 10.
25. Халфин Н. А. Егор Казимирович Мейендорф и его путешествие в Бухару.— Е. К. Мейендорф. Путешествие из Оренбурга в Бухару. М., 1975.
26. Халфин Н. А. Провал британской агрессии в Афганистане. М., 1959.
27. Халфин Н. А. Россия и ханства Средней Азии (первая половина XIX века). М., 1974.
28. Халфин Н. А., Рассадина Е. Ф. Н. В. Ханыков — востоковед и дипломат. М., 1977.
29. Ханыков Н. В. Экспедиция в Хорасан. М., 1973.
30. Чабров Г. Н. Поездка в Бухару переводчика П. И. Демезона (1833—1834 гг.).— «Труды Среднеазиатского государственного университета им. В. И. Ленина». Вып. XCIV. Ташкент, 1957.

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Агатма, источник 35, 56
Агатма, урочище 56, 94
Агачлы-Ирляр, горы 122
Азия 25—27, 60, 91, 93, 111, 130
Айгыр-Булак, родник 86, 121
Ак-булак, озеро 54
Ак-кудук, источник 54
Ак-Мечеть 86, 133, 137
Ак-Тау, хребет 122
Акча-Денгиз, урочище 120
Акчи, город 59
Аман-Таг, горы 56
Амударья (Аму, Оксус) 6, 56, 68, 71, 81, 89, 93, 123, 134
Англия (Британская империя) 5, 6, 14, 79, 134, 136
Андхой, город 9, 25, 59, 76, 78
Аран, полуостров 118
Аральское море (Арал) 30, 91, 93, 118, 120, 123
Арслан-Таг, горы 56
Ассия, селение 97
Астрахань 19, 93, 105, 115, 123
Афганистан 5, 6, 14, 15, 18, 22—24, 26, 79, 81, 82, 130, 136, 138
Ачи-Камар, озеро 53

Бадахшан, город 49, 59, 67, 81, 82, 123, 130
Бала-Карак, родник 86
Бала-Курган, город 71
Бала-Мургаб, город 67
Балханы, горы 111
Балх, город 25, 56, 76, 78
Бамиан, город 82
Баткуккумы, пески см. Яман-Кызылкумы
Беш-Тюбе, горы 33, 55, 137
Бомбей, город 24
Британская империя см. Англия
Букан-кудук, колодцы 34
Буканская равнина 33, 55
Буканские горы 33, 34, 55, 89, 122
Буканское ущелье 34
Буккали, селение 33, 34
Буро, ручей 55
Бухара, город 5, 6, 8—10, 12, 13, 15, 17, 33—35, 37—38, 40—52, 56—65, 67—84, 86, 89—97, 99, 101—108, 110—118, 120, 123—125, 128, 134—138
Бухария (Бухарское ханство) 6, 8—10, 12—15, 17, 39, 43, 51, 52, 56, 59, 64, 68, 70—77, 79, 81, 82, 100, 130—132, 136—138
Буюк-Тюбе, горы 28, 53

Вабкенд, деревня 56, 96—98, 123, 127
Вабкенддарья, река 63, 125, 126
Верхнеуральск, город 86
Вильно, город 7, 116

Газни, город 78
Герат (Херат), город 15, 23, 25, 64, 67, 76, 80
Гиндукуш, горный хребет 26, 82, 108
Гиссар, город 45, 76

Дели, город 134
Дера-Гази-хан, город 78
Дера-Исмаил-хан 78
Джанкент, город 88
Джелалабад, город 80
Джизак, провинция 56, 68, 71, 81

Джингюли-булак, источник 34
Джуван-Тюбе, горы 54
Дингур-Тюбе, горы 33

Европа 6, 46, 47, 95

Ёйчи, город 71

Замостье, город 115
Зергеркуль, источник 53
Зеравшан (Заревшан), река 6, 77, 97, 123, 136

Икшит-Иргиз, селение 53
Инд, река 23, 136, 138
Индия 5, 6, 18, 20, 22, 23, 25, 48, 49, 77, 80—83, 104, 108, 111, 131, 138
Иран см. Персия
Иргиз, река 85—87, 90, 120, 128
Иргизкук-Тюбе, горы 55
Иргиз-Тюбе, горы 33

Кабул, город 14, 23, 24, 48, 57, 59, 74, 76—80, 82, 101, 105, 106, 134, 136
Кабулистан 106, 110
Кагатам, кишлак 35, 52, 56, 94, 96, 122, 123
Казахстан (Киргизская степь) 15, 131, 132, 137
Калакайчи-Барби, озеро 85
Калмас, пески 88
Калмас, озеро см. Сор-Калмас
Калуга, город 89, 137
Камышли, ручей 28, 53
Камышхакли, ручей 28, 53
Кандагар, город 15, 23, 24, 78, 136
Карак (Кара-ата-аулия), ключ 122, 125, 127
Каракум (Кара-Кум), пески 85, 89, 120, 121, 123
Кара-Куль, озеро 122
Каракуль, провинция 56, 71, 136
Каракуль, селение 123
Кара-Узяк, река 123
Караул-Ходжа, аул 29
Кара-Шур, залив 93, 121
Карок, урочище 94
Карши, провинция 56—58, 64—66, 68, 71, 75, 76, 78, 89, 106, 134

Каспийское море 20, 91, 93, 111, 115, 131
Каттакурган, город 65, 137
Кашан, город 80
Кашгар, город 19, 59, 75, 80—82, 105, 110, 130
Кашмир, город 23, 24, 49, 59, 79
Керман, город 80
Керманская пустыня 15
Кермез, город 80
Кермине, провинция 56, 57, 64, 66, 74, 75
Керки, город 71
Кизляр, город 111
Кильди-сор, озеро 54
Кипча-Таш, горы 122
Киргизская степь, см. Казахстан
Китай 76, 80
Коканд (Кокан), город 25, 33, 45, 59, 67—70, 74, 76, 77, 80, 89, 116
Коканд (Кокандское ханство) 18—21, 47, 81, 130
Конграт, город 123
Константинополь, город 48, 69—70, 135
Кубан-Кубак, горы 53
Кувандарья (Куван), река 29, 30, 32, 86, 87, 89, 90, 117, 120, 121, 127, 128
Куйанти-Чикли, источник 54
Куллар, горы 122
Кунали, горы 53
Кунали, озеро 28, 53
Кунгур-Тюбе, горы 28, 53
Кундуз, город 18, 67, 78, 81, 134
Кундузское ханство 68
Куне-Ургенч, город 93
Курак, крепость 65
Кучук-Таг, горы 35, 56
Куш-кудук, ручей 55
Кызыл-Кубак, горы 53
Кызыл-Таг, горы 56
Кызылдарья (Кызыл), см. Яныдарья
Кызылкак, пруд 35, 56
Кызылкак-Таг, гора 35
Кызылкук, селение 55
Кызылкум (Кызыл-Кум, Большой Кызылкум), пески 89, 120, 121

Лахор, город 23, 24, 79
Ленг-Ботман, см. Миг-Ботман
Ленкоран, город 111
Лондон 24
Лудхиана (Лудиана), город, 22, 24, 106
Лютхубай, ручей 28

Мазари-Шариф (Мазар), деревня 9, 25, 62, 63
Майлибай-Чаганак, урочище 120
Мангышлак, полуостров 111, 123
Маролия-Бердине-аулия, источник 53
Меймене, провинция 56, 59, 67, 76, 78
Мекка 47
Мерв (Мавр), город 58—59, 101, 138
Мешхед 19, 24, 25, 39, 69, 80, 121
Миankаль (Каттакурган), провинция 56, 65, 74—76, 81, 137
Миankаль, долина 65
Миг-Ботман (Ленг-Ботман) 87, 88
Минг-Булак, родник 121
Москва 27
Музбиль, пески 88
Музбиль, равнина 29, 54
Музбиль, урочище 85
Мультан, город 110, 138
Мурун-кудук, источник 54

Назарбай, аул 35
Назарбай, колодцы 35
Назарбай, ручей 56
Намазгох, город 57
Нижний Новгород 27
Нишапур, город 80
Ново-Александровск, крепость 30, 91, 106, 123
Нурата, город 71
Нур-Ходжа (Нур Ходжа), урочище 87, 94
Нуртау, гора 123

Оксус, см. Амударья
Омская область 89
Оренбург 5—8, 11, 12, 14, 15, 17, 22, 35—39, 43, 44, 47, 50, 52, 69, 83, 91, 93, 95, 100, 101, 107, 115—117, 124, 132—134, 137
Орск (Орская крепость) 9, 10, 17, 18, 21; 24, 26—28, 50, 52, 84, 86, 89, 90, 92, 93, 97, 103, 118, 120, 124, 128
Орь, река 28, 53
Ох, урочище 111

Париж 11, 15, 56
Пенджаб 18, 23, 24, 78, 79, 82, 136, 138
Персия (Иран) 6, 15, 19, 20, 24—26, 46, 69, 75, 77, 80, 82, 111, 121, 130, 135, 136
Петербург 5—8, 11, 12, 14, 15, 91, 117, 138
Петропавловская крепость 123
Пешавар, город 23, 24, 59, 79
Пруссия 116
Пте-Плдык, горы 122

Решт, город 111
Россия (Российская империя) 5, 6, 8, 9, 11, 16, 17, 37—39, 41—44, 47—49, 59, 71, 74—76, 79, 80, 82, 88, 89, 91, 92, 100, 105, 107—112, 115, 117, 122, 130—132, 134, 138

Сабиа (Сабиаб), провинция 56
Самарканд 45, 46, 48, 49, 56, 57, 66, 71, 75—77, 81, 136, 137
Сардинское королевство 8
Сарыгюен, селение 54
Саурунбай-Гюли, дорога 33
Семиречье 15
Серти-Там, ручей 33, 55
Сибирь 116
Синд, область 136
Со-Сыр-Кара, горы 34, 55, 56
Сор-булак, озеро 54
Сор-Калмас, озеро 54
Сор-Кара-Се, колодец 53
Сор-Кара-Се, озеро 53
Сор-кудук, источник 54
Средняя Азия 5, 6, 8, 15, 84, 86, 88, 92, 109—111, 137
Ссулы-Тюбелик, холм 122
Сукман, город 80
Суфиян, деревня 127
Сырдарья (Сыр), река 11, 12, 21, 22, 29, 30, 49, 54, 84—86, 88—90, 118, 120, 121, 123, 128, 133, 137

Тальку-бай, ручей 53
Ташкент, город 59, 89, 90, 116, 120, 128
Тегеран 11, 80
Тилькара, река 28
Троицк, город 10, 111, 117, 123, 125
Туран 104, 116, 122
Тургай, город 117
Туркестан 6, 17, 19, 21, 22, 26, 41, 46, 52, 59, 62, 64, 70, 71, 78, 79, 82, 130, 136
Турция 46, 130, 134—136
Туш-Булак, родник 121
Тюбелик, гора 55
Тюбелик, равнина 34, 55
Тюбелик-булак, источник 55
Тюкан-Убаси, аул 53

Узбекистан 104
Улукиргиз, река 29, 54
Унадым, урочище 120
Урал, река 87, 88, 134
Ургенч, город 91
Ура-Тюбе, крепость 70
Уральск, город 91, 134
Устюрт (Усть-Урт), плато 91, 123

Хатун-кудук, колодцы 35
Хива 6, 18—23, 25, 45, 56, 59, 68—70, 76, 78, 81, 82, 86, 88, 89, 91—93, 103, 106, 107, 111, 112, 115, 116, 120, 122—124, 128, 130, 133, 138
Хивинское ханство 6, 13, 68
Ходжа-Джуйбар 71
Ходжакуль, озеро 54
Ходжент, город 74, 81
Хорасан, город 19, 20, 39, 75, 82, 92, 105
Хоссу, аул 55
Хульм, город 67, 131

Чарбах, город 56
Чарджуй, город 56, 71
Черноречье, селение 116
Чихиль-кудук (*Сорок колодцев*) 53
Чум-Тюбелик, холм 122

Шамбери, город 8
Шах-Местинг, город 23
Шахрисябз (Шагер-Сабз, Шаир-Сабс) 18—20, 32, 68, 69, 73, 76, 81, 108, 113, 115
Шибарган, город 59, 78
Шулак-Джеди, колодец 53
Шулак-Джеди-сор, озеро 28, 53

Юнгабар, ручей 28, 53

Яман-Кызылкумы (Яман-Кызыл, Баткуккумы), пески 34, 35, 55, 89, 122
Ямбар-булак, источник 55
Ямбар-Оба, могила 53
Янгуар-Тюбе, горы 55
Яныдарья (Кызыл), река 16, 32, 33, 55, 68, 86, 90, 120, 121, 123, 131
Ясаул-кудук, колодец 122

Аббас-Мирза 19, 20, 23, 25, 26, 39, 82, 92, 105, 117, 131
Абдулла-хан 97, 99
Абу-л-Гази 11
Абу-Талиб 111
Абулхаиров Каип 89
Авитабиль 24
Аделунг Ф. И. 11
Адлерберг В. Ф. 12
Азнабай 86
Александр Македонский 95
Алла Кули 68
Аллард 24
Альмат 10, 28, 29, 34, 127
Андреев (Махмуд) 115
Арун-Газы (Арунгазы Абдулгазиев) 89, 137
Аршинов А. 93
Ахрар Аулия 46

Бай Мухаммед 31
Байзави 44
Батур-хан (Батыр-хан, Насрулла-хан) 64—70, 72, 106, 137
Бахауддин Накшбенди см. Накшбенди Бахауддин
Бедиль Мирза 45
Бедрутдин 101
Бек-Бий см. Гадигар-бек
Бернс А. (Искандер) 6, 24, 95, 96, 108, 110, 114
Берхударов М. 100, 105, 124, 125, 127
Бик-Батыр 127—129
Бик-Мирза 119
Бларамберг *И. Ф. 15*
Букан-батыр 33, 34
Булюш-Бай 118, 119, 129

Вентура 24
Веселовский Н. И. 11
Влангали Г. М. 8
Вольф Д. 24, 111

Гавердовский Я. П. 103, 115
Гадигар-бек (Эдигар-Бик, Бек-Бий) 36—38, 40—42, 95, 96
Гельгуд 116
Гельмерсен Г. П. 14, 84
Генс Г. Ф. 10, 109
Гибетулли Сейфуллин см. Наджметдин
Григорий 111
Гусейн-Али (Гуссейн-Али, Хуссейн Али) 14, 105, 125, 127, 128

Давлетшин А. 8
Даль В. И. 5, 11, 14—16, 84, 133
Джапар 92
Дост Мухаммед-бай 68, 69
Дост Мухаммед-хан (Дост Мохаммед-хан) 14, 22, 23, 106, 110

Егор Московский 116
Елизавета Петровна 38

Жерар 24

Ильдар Аулия 34
Исаев 10
Исентаев Сютей 85, 129
Искандер см. Бернс А.
Исмат 45
Исмаил (Фаддей, Уста-Матвей) 115
Исматулла-бек 66

Каипов Ширгазы 89
Кайралапов 90

Калиби Омри 44
Кара-Ата 34
Карамет-Али 106
Касим 45
Ковалев 90
Кулджан-каракчи 118
Кульбай 33, 118; 119
Курт 24
Кутерабар 91
Кызыл Арслан-хан 60

Лерх П. И. 11

Максум 42
Манабай см. Ширгазыев Джангазы
Марал-Ишан 117
Масон 106
Мартын, см. Хонигбергер
Матусевич 116
Махаррамов Мухаммед-Шариф 90
Махди Сеид 48
Мейендорф Е. К. 9
Менлик Ильми 44
Мехтер 112
Мир Хайдар 46, 57
Мирза-Закария (Мирза Зикерия) 38, 40—42, 124—127
Михальский 115, 124
Мохаммед Али-хан 67—69, 70
Мукуртум 111
Муркрофт У. 5, 8, 9, 25, 111, 131
Муса Кули 36
Мухаммед Мурад-бек (Мохаммед Мурад-бек) 59, 68, 81, 82, 102
Мухаррамов Мухтар 90

Навои 45
Наджметдин 85, 117, 125, 129
Надир-шах 114
Назаров Муса 90
Накшбенди Бахауддин 32, 57, 62, 63, 71
Накшбенди Исхак Якуб Ходжа 71
Негри А. Ф. 8, 135
Нессельроде К. В. 14
Николай I 6, 7, 11, 12
Низаметдин 105, 106
Ниязмухаммед 10, 27, 33

Омар-хан 64, 67

Палван 94
Палван-Кул (Федор Грушин) 122
Перовский В. А. 5—15, 17, 132—134
Полудов 93
Пушкин А. С. 5, 134

Раджаб-Бик 106
Ранджит Сингх 23, 24, 73
Рахим-бай (Рахимбай) 27, 124, 125
Рахим-бек 66
Родофиникин К. К. 5, 6, 11, 12
Рязанов 93
Руми 45

Саади 45
Савельев П. С. 9, 10
Сайфулин Ибетулла 119
Салтан-хан 64
Самсон 117
Санали Мурза-Галиев (Саналий) 118, 119, 128, 129
Сарджан-Батырь 89
Сарым-сак-хан 69
Сарым-Батырь 91
Сарымов, Юсуф 91
Сейфульмулюков Шигабутдин 90
Станкевич 116
Степанов И. 84, 115—119, 128
Стрендж 111
Султан Каип-Галий 91
Султан-хан Ходжа 41, 46, 47
Сухтелен П. П. 5, 133
Сюин-кара 91

Таджи Шарие 45
Тафтазани 44
Терентьев М. А. 14
Тимур 30—32
Тляулий 116, 117—119
Требек Д. 5, 8, 9
Трошка 104, 115, 124

Убейдулла 45
Улуг-Бай 124
Утарали 91
Утятлеу-бий 86

Хайдар-хан (эмир Хайдар) 19, 63—67, 77, 82
Хаким-Бий 106, 132
Халитов Г. 90
Хамза-хан 64
Ханыков Н. В. 15
Хафиз 45, 60—62, 77
Ходжа-Нияз-бий (Ходжа Нияз-бек) 33, 86—88, 92, 93, 120
Хонигбергер М. (Мартын) 23, 25, 34, 41, 42, 48, 49, 73
Хоссум Ходжа Аулия 30, 54
Хуссейн (Мир Хуссейн, Хуссейн-хан) 64, 65

Циолковский 93

Чабров Г. Н. 10
Чернышев А. И. 6, 7

Ша-Булат (Там-Булат) 85, 95—97, 124
Шармуа Ф. В. 11
Шахзаде Фаррух 47
Шехир Гази 31
Ширгазыев Джангазы (Манапбай Каипов, Манумбай, Манабай) 30, 89, 131, 138
Шир Сингх 24
Шуджа уль-Мульк 22

Эдигар-Бик см. Гадигар-бек
Эссен П. К. 117

Юбеир-хан 64
Юсуп 117—118
Юсуф Нурали 31, 119

Summary

The collection «Notes about the Bukhara Khanate (Reports by P. I. Demezon and I. V. Vitkevich)», published in the series «Central Asia in the Sources and Materials of the 19th and Early 20 th Century», contains reports of Russian officials P. I. Demezon and I. V. Vitkevich about their travels to Bukhara in the 1830's.

These documents, for many years kept in the archives, have been published before (besides, P. I. Demezon's notes have been for the first time translated from French into Russian). The materials published in the collection are an important source on the history, policy and culture of this Central Asian khanate, the biggest in the past.

Travels from Russia to the East were difficult and dangerous (on account of the hard natural conditions in this part of the world and the traditional harsh treatment of foreigners by the peoples inhabiting it) and were therefore few and far between. This is why each travel was an event in itself attracting keen interest. The scanty notes and diaries of travellers, letters and reminiscences preserved to these days are trury unique.

P. I. Demezon's and I. V. Vitkevich's trips represent a definite stage in Russia's policy in Central Asia testifying to the desire to activate it in view of the clear intention of the British empire to pave a road for itself to Turkestan.

The documents cover most diverse aspects of the life of the Bukhara Khanate. They give information about the state of trade, list imported and experted goodsand their prices, describe the political and economic relations of the Bukhara Khanate with neighbouring countries and reflect typical features of the life and morality of the population. Figures and interesting facts are quoted.

The book is supplied with an introductory article and comments supplementing the published documents with essential information about «dramatis personae» — their personalities, characters and activity. There are a geographical and a name indices.

The scientific community and readers at large taring interest in the past of our country will find new, unique archive documents in the book.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ 5
ЗАПИСКИ П. И. ДЕМЕЗОНА 17
ЗАПИСКА И. В. ВИТКЕВИЧА 84
ПРИЛОЖЕНИЕ 130
КОММЕНТАРИИ 133
ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА 139
УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ 141
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН 145
SUMMARY 148

ЗАПИСКИ
О БУХАРСКОМ ХАНСТВЕ

(Отчеты П. И. Демезона
и И. В. Виткевича)

Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР

Редактор *М. А. Унке*
Младший редактор *Н. В. Беришвили*
Художник *Л. С. Эрман*
Художественный редактор *Б. Л. Резников*
Технический редактор *З. С. Теплякова*
Корректор *П. С. Шик*

ИБ № 14754

Сдано в набор 10.11.82. Подписано к печати 08.04.83. А-11343. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага типографская № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 9,5. Усл. кр.-отт. 9,88. Уч.-изд. л. 10,53. Тираж 10 000 экз. Изд. № 5225. Зак. № 765. Цена 65 коп.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1

3-я типография издательства «Наука»
Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

**ГЛАВНОЙ РЕДАКЦИЕЙ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»**

готовится к изданию

И. Я. Златкин

История Джунгарского ханства (1635—1758). Изд. 2-е, доп. 28 л.

В книге раскрываются важные вопросы внутренней и внешней политической жизни ойратского и монгольского общества. Большое внимание автор уделяет экономическому развитию Джунгарского ханства, прослеживает эволюцию форм феодальной земельной собственности у монголов, анализирует процесс дальнейшего закрепощения основной массы трудящихся феодалами и обострения противоречий и классовой борьбы между ними.

Заказы на книги принимаются всеми магазинами книготоргов и «Академкнига», а также по адресу: 117192. Москва В-192, Мичуринский проспект, 12, магазин № 3 («Книга — почтой») «Академкнига».

ГЛАВНОЙ РЕДАКЦИЕЙ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»

готовится к изданию

Восточный Туркестан и Средняя Азия. История. Культура. Связи. Сборник статей. 20 л.

Сборник посвящен изучению ключевых проблем истории и культуры Восточного Туркестана и Средней Азии в широком хронологическом диапазоне — от каменного века до современности. Авторы анализируют археологические, иконографические, архитектурные памятники, а также письменные источники на различных языках (греческом, латинском, индийских, тибетском, арабском и др.). Содержит статьи не только по истории культуры, но и по социально-экономической, этнической и политической истории.

Заказы на книги принимаются всеми магазинами книготоргов и «Академкнига», а также по адресу: 117192. Москва В-192. Мичуринский проспект, 12, магазин № 3 («Книга — почтой») «Академкнига».